

SciPress.ru

Научно-издательский центр
ОТКРЫТОЕ ЗНАНИЕ
РИНЦ УДК ББК ГОСТ ISBN ISSN DOI SCOPUS COPYRIGHT

**Международный
научно-практический журнал**

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ**

№12 (104) 2023

ISSN 2412-8953

<https://scipress.ru/philology/>

УДК 8

ББК 80/83

Ф 51

Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2023. №12 (104). 200 с.

В международный научно-практический журнал «Филологический аспект» включены статьи по всем направлениям филологической науки научных сотрудников России и зарубежных стран. Журнал предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все статьи, включенные в сборник, прошли рецензирование и представлены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – РИНЦ по договору № 358-05/2015.

Электронная версия номера находится в свободном доступе на сайте журнала <http://scipress.ru/philology/>

Данный сборник распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

УДК 8

ББК 80/83

© Научно-издательский центр
«Открытое знание», 2023

© Коллектив авторов, 2023

Главный редактор:

Плесканюк Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычной профессиональной коммуникации, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н.Новгород, РФ.

Редакционный совет:

Александрова Ирина Викторовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Акимова Эльвира Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва, РФ

Грачёв Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской филологии и общего языкознания, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, заведующий Лабораторией социопсихолингвистических исследований, член Гильдии лингвистов-экспертов по информационным и документационным спорам, г. Н. Новгород, РФ

Костецкий Виктор Валентинович – доктор философских наук, профессор кафедры общественных и гуманитарных наук, Санкт-Петербургская государственная консерватория им Н.А. Римского-Корсакова, г. Санкт-Петербург, РФ

Кудряшов Игорь Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Арзамас, РФ

Мирзоева Лейла Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры языкового образования, университет им. Сулеймана Демиреля, г. Алматы, Республика Казахстан

Нагорный Игорь Анатольевич – доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков Цзилиньского университета, г. Чанчунь, Китай

Николаенко Сергей Владимирович – доктор педагогических наук, доцент, декан филологического факультета, Витебский государственный университет имени П.М.Машерова, г. Витебс, Республика Беларусь

Пацюкова Ольга Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н.Новгород, РФ

Радбиль Тимур Беньюминович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации НИУ ВШЭ, г. Н.Новгород, РФ

Сметанина Ольга Михайловна – доктор культурологии, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков и профессионального лингвообразования Нижегородского института управления, филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Н.Новгород, РФ

Соснин Алексей Владимирович – доктор филологических наук, доцент, профессор департамента литературы и межкультурной коммуникации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Н.Новгород, РФ

Редакционная коллегия:

Андреева Людмила Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, Гуманитарный институт североведения, Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск, РФ

Аймагамбетова Малика Муратовна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранной филологии и переводческого дела, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Безруков Андрей Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Башкирский государственный университет, Бирский филиал, г. Бирск Республика Башкортостан, РФ

Белова Екатерина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков и лингводидактики, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н. Новгород, РФ

Воронцова Татьяна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой восточных и европейских языков, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Воропаев Николай Николаевич – кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел языков Восточной и Юго-Восточной Азии, Институт языкознания РАН, г. Москва, РФ

Дехтярева Елена Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики Таврическая академия, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Жампейсова Жанар Муратбековна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, регионоведения и переводческого дела, Казахская головная архитектурно-строительная академия, г. Алматы, Казахстан

Коптелова Ирина Евгеньевна – кандидат философских наук, заведующий кафедрой английского языка факультета международных отношений и международного права, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, РФ

Маркова Татьяна Дамировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка и культуры речи, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Новоградская-Морская Нинель Антоновна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики, г. Донецк, ДНР

Овчинникова Ольга Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Брянский филиал РАНХиГС, г. Брянск, РФ

Пепеляева Софья Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии ФАиД, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Н. Новгород, РФ

Петрова Инна Михайловна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры языкознания и переводоведения, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков, г. Москва, РФ

Резунова Мария Владимировна – доцент, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, Брянский филиал РАНХиГС, г. Брянск, РФ

Сегал Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Крымский Федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Сергиенко Елена Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики французского, испанского и итальянского языков, Нижегородский государственный лингвистический университет им Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Солодовникова Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков факультета международных отношений, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Твердохлеб Ольга Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, РФ

Трофимова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Донецкий национальный университет, г. Донецк, ДНР

Чиронов Сергей Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой японского, корейского, индонезийского и монгольского языков, Московский государственный институт международных отношений МИД России, г. Москва, РФ

Шашкова Валентина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, г. Орел, РФ

Щербина Сергей Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, Педагогический институт Тихоокеанского Государственного университета, г. Хабаровск, РФ

***Материалы печатаются с оригиналов, поданных в оргкомитет,
ответственность за достоверность информации несут авторы статей***

ОГЛАВЛЕНИЕ

Русский язык	7
Зарубин А.М., Сальников А.В., Невзоров Н.Ю., Суходоля А.В., Дьяконов Н.С. Влияние социальных сетей на развитие русского языка и его использование	7
Лаврентьев М. А. Анализ диалектных разновидностей языка: перцептуальный подход.....	12
Сарсембаева А.Ш. Эмоциональная структура текста, содержащего недостоверную информацию.....	21
Славянские языки	26
Кокова Л.Д. О некоторых славянских онимах в кабардино-черкесской языковой среде.....	26
Германские языки	32
Васильченко Е.Е. Особенности реализации стратегий и тактик англоязычного конфликтного дискурса	32
Ощепкова Н.А., Луговая А.В. Возможности искусственного интеллекта при обучении иностранным языкам.....	40
Потемина М. С., Белоусова Е. Д. Немецкий абсентив (Absentiv) как грамматическая и когнитивная категория	50
Хусяйнова С. Р. Манипуляция в стратегиях оратора в риторических политических выступлениях (на материале публичных выступлений Трампа).....	59
Царькова О.А. Лексическая единица «power» в речи американских политиков: семантика и прагматика	68
Романские языки.....	75
Соколова К.А. Компаративные фразеологизмы с цветовым компонентом «жёлтый» и «зелёный» в романских языках	75
Теория языка	82
Германова А.В., Козюбердина А.Е. Переводческий анализ художественного текста нейронными системами	82
Шкапенко Т.М. Языковая личность как актор современного лингвистического ландшафта	91
Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	97
Махортова Т.Ю. Названия произведений живописи как объект транслатологического исследования	97
Сяо Ц., Ло Х. Обзор китайского перевода русской поэзии в Китае в последние 20 лет XX века.....	106

Прикладная и математическая лингвистика	123
Пресняков А.С. Актуальные подходы к осуществлению персуазивной интенции в современных рекламных текстах	123
Русская литература	137
Воронкова В.А. Лингвистический анализ с позиции языковых уровней как ключ к понимаю рассказа И.А. Бунина «Кавказ»	137
Зэйнаб С.К. Применение лингвистических методов к анализу русской литературы.....	142
Маслов В.П. Воспоминания о Кавказе в произведении Натальи Владимировны Урусовой в произведении «Материнский плач Святой Руси»	150
Ромашов А.А., Квасова А.И. Михаил Пыляев и феномен «Старого Петербурга» ..	155
Литература народов Российской Федерации	161
Дядюн С.Д. Анализ символов и архетипических образов в хантыйских народных сказках	161
Литература народов стран зарубежья	166
Конева Е.А. Мужские образы в немецких бытовых и волшебных сказках (на материале «Детских и семейных сказок» Якоба и Вильгельма Гримм)	166
Малашенко В.В. Структура рассказа Г. Гессе «Детские годы Франциска Ассизского»	171
Петрова О.М. Рудаки – основоположник персидско-таджикской поэзии	178
Теория литературы. Текстология	185
Завидова А.С. Метафоры как способ отражения реалий времени в художественном тексте (на материале романа М. Зусака «Книжный вор»).....	185
Журналистика	194
Муха А. В., Кутлиметова Е. А., Республиканский телеканал «Архыз 24» в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассниках».....	194

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 811.161.1

Зарубин А.М., Сальников А.В., Невзоров Н.Ю., Суходоля А.В., Дьяконов Н.С.
Влияние социальных сетей на развитие русского языка и его
использование

Зарубин Александр Михайлович

студент бакалавариата группа ТиТ-1-21, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
технический университет», г. Волгоград
zarubin.74@mail.ru

Сальников Алексей Викторович

студент бакалавариата ОТИ-1-21, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
технический университет», г. Волгоград
salnikov_vlg_2003@mail.ru

Невзоров Никита Юрьевич.

студент бакалавариата ТиТ-1-22, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
технический университет», г. Волгоград
nnevzorov5596@gaill.com

Суходоля Александр Вячеславович

студент бакалавариата ТиТ-1-22, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
технический университет», г. Волгоград
pikolini80@mail.ru

Дьяконов Никита Сергеевич

студент бакалавариата ТиТ-1-22, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
технический университет», г. Волгоград
diakonovnikita@mail.ru

**The impact of social networks on the development of the Russian language
and its use**

Zarubin Alexander Mikhailovich

students group TiT-1-21, Volgograd State Technical University, Volgograd

Salnikov Alexey Viktorovich

students group OTI-1-21, Volgograd State Technical University, Volgograd

Nevezorov Nikita Yurievich

students group TiT-1-22, Volgograd State Technical University, Volgograd

Sukhodolya Alexander Vyacheslavovich

students group TiT-1-22, Volgograd State Technical University, Volgograd

Dyakonov Nikita Sergeevich

students group TiT-1-22, Volgograd State Technical University, Volgograd

Аннотация. Социальные сети в рамках Интернета представляют собой неотъемлемую часть современной жизни человеческого социума, что, в свою очередь, оказывает значительное влияние на развитие и преобразование структуры русского языка. В настоящее время Интернет для современного человека является не только самым доступным источником любой интересующей его информации, но и выступает в качестве значимого средства общения, которое предоставляет пользователям широкие коммуникативные возможности. В данной статье рассматривается специфика воздействия социальных сетей на формирование и трансформацию лексического словаря русского языка, а также на изменения, происходящие на других его уровнях (грамматических, синтаксических и т.д.).

Ключевые слова: русский язык, социальные сети, трансформация лексики, информация, графические средства коммуникации, Интернет-коммуникации.

Abstract. Social networks within the Internet are an integral part of modern life of human society, which, in turn, has a significant impact on the development and transformation of the structure of the Russian language. Currently, the Internet for a modern person is not only the most accessible source of any information of interest to him, but also acts as a significant means of communication that provides users with extensive communication opportunities. This article examines the specifics of the impact of social networks on the formation and transformation of the lexical vocabulary of the Russian language, as well as on changes occurring at other levels (grammatical, syntactic, etc.).

Keywords: Russian language, social networks, vocabulary transformation, information, graphic means of communication, Internet communication.

Введение

В России на современном этапе ее развития появилась новый вид языковой деятельности – письменная речь разговорного стиля. В сети Интернет русский язык обычно представлен в письменной форме. Проблематичным в данном отношении является недостаток средств, которые пользователь социальных сетей имеет в своем распоряжении. Одним из самых важных аспектов Интернет-общения является отсутствие личного, живого контакта между собеседниками, которые могут быть представлены друг другу лишь опосредовано, через письменные сообщения. Общающимся в чатах также недоступны такие существенные для человеческого, в частности, дружеского, общения невербальные средства коммуникации, как тембр голоса, эмоциональная окраска речи, мимические и жестовые движения говорящего. Это значительно снижает уверенность речевого общения.

Цель исследования

Целью данной статьи является изучение влияния социальных сетей на формирование и изменение русского языка и его употребление в современной повседневной жизни.

Материал исследования

Материалом исследования послужили сообщения, публикуемые пользователями в открытом доступе в таких социальных сетях, как Vkontakte, Одноклассники, Twitter, Telegram и др.

Желание пользователя социальных сетей выразить то или иное свое эмоциональное состояние в момент беседы в чате с Интернет-собеседником часто заставляет его обращаться к графическим «инструментам», способным красочно отобразить его переживания. Такое популярным графическим средством в настоящее время в социальных сетях являются смайлики, то есть, изображения человеческих лиц с многообразной палитрой запечатленных на них положительных и отрицательных эмоций. Использование смайликов, стикеров при общении в сети оказывает влияние на построение пользователем фраз, которые часто приобретают краткость, сжатость, емкость, где дополнительная информация представлена не столько в лексике, сколько в сопровождающих фразы графических знаках, что дает основание говорить о создании нового языка коммуникации [1]. Практически можно утверждать, что смайлики и стикеры уже приобрели негласный статус общепринятого Интернет-языка [2]; [3]; [4]. Следует подчеркнуть, что с динамическим развитием сети Интернет и его графического потенциала, отмечается появление все новых символов, фраз, устойчивых речевых оборотов, которые становятся частой заменой определенных словосочетаний, с выражением тех или иных эмоций, оценки сказанного.

На данный момент не существует ни одного чата или форума, который не был бы снабжен набором тех или иных стикеров или смайлов.

Методы исследования

В ходе исследования использовались следующие методы:

1. Описательный метод;
2. Сравнительно-сопоставительный метод;
3. Лингвистический метод.

Результаты исследования

Исследование влияние социальных сетей на развитие и трансформацию современного русского языка проводилось на таких языковых уровнях, как фонетика, морфология, лексика, синтаксис. Анализ Интернет-сообщений на уровне фонетики показал, что в письменной речи современных русскоязычных пользователей имеется

тенденция к пролонгированию фонем, находящихся под ударением. Например, вместо слов *жуть, да* присутствует написание *жууууть, даааа*.

На основе изучения (на лексическом уровне) словаря сокращений, используемых людьми при общении в чатах социальных сетей, можно сделать вывод, что пользователи, за неимением большого количества свободного времени, торопятся передать друг другу максимальный объем информации при минимальном использовании лексики. Таким образом, используются различные словесные сокращения, понятные только постоянным участникам чат-коммуникаций, например: *лол (lol)* (аббревиатура от англ. *laughing out loud* – очень громкий смех), *ИМХО* (сокращение от англ. *In My Humble Opinion* – согласно моему скромному мнению) и др.

На морфологическом уровне языка текстовые сообщения в социальных Интернет-сетях, как и в общелитературном языке, подразделяются на междометия, а также на знаменательные и служебные части речи. Однако, в отличие от формального языка, в Интернет-коммуникациях наблюдается увеличение, например, числа междометий, с помощью которых общающиеся восполняют недостаток средств для выражения своих эмоций в письменной форме [5]. Знаменательные части речи в Интернет-текстах имеют те же морфологические признаки, что и в кодифицированном языке: род число падеж у существительных; род, число, падеж, степени сравнения у прилагательных; вид, род, лицо, число, переходность у глаголов. При использовании людьми служебных частей речи в Интернет-общении можно отметить частое нарушение норм орфографии, при котором пользователем (намеренно либо случайного) допускается на письме слияние предлогов и частиц с глаголами, существительными, местоимениями, наречиями и т.д. Дополнительно можно наблюдать тенденцию к сокращению лексических единиц.

На уровне синтаксиса в Интернет-сообщениях следует выделить такое явление, как значительный недостаток использования общающимися в чатах развернутых предложений. Конструкции Интернет-языка часто сводятся к синтаксической связи двух-трех слов, отличающихся скудостью образов и смысла, но несущих в себе при этом достаточно большую эмоциональность.

Таким образом, следует сделать вывод, что с обеднением синтаксиса оскудевает и сама речь, а, поскольку, она тесно связана с мыслительной деятельностью человека, следовательно, мышление последнего также регрессирует.

Заключение

Главными факторами социальных Интернет-сетей, оказывающими влияние на развитие и трансформацию современного русского языка и его употребление являются следующие: употребление Интернет-пользователями сленговой, жаргонной лексики, нарушение норм пунктуации и орфографии, использование лексических аббревиатур и сокращений, отказ от синтаксически полноценных конструкций, что обуславливает неизбежное появление в русском языке таких негативных явлений, как лексическое, грамматическое, синтаксическое обеднение.

Список литературы

1. Ветрова П.А., Лян Ю.Г. Особенности влияния социальных интернет- сетей на изменения в русском языке // Теория и практика современной науки. – 2020. – № 2(56). – С. 55–57.
2. Виноградова, Т.Ю. Специфика общения в Интернете // Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. – 2004. – №11. – С. 63–67.
3. Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. – М.: Добросвет; КДУ, 2011. – 232 с.
4. Лихолитов П.В. Компьютерный жаргон. // Русская речь. – 2007. – № 3 –С. 184.
5. Мазирка И.О. Влияние социальных сетей на формирование языковой личности российского подростка // Филология: научные исследования. – 2022. № 5. – С. 63–75.

УДК 81'33

**Лаврентьев М. А. Анализ диалектных разновидностей языка:
перцептуальный подход**

Лаврентьев Матвей Алексеевич

студент 4 курса факультета иностранных языков и лингводидактики
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, РФ, г. Саратов
happy-teenager@yandex.ru

Analysis of dialect varieties of language: a perceptual approach

Lavrentev Matvey Alekseevich

4th year student of the department of Foreign Languages and Linguodidactics
Saratov State University, Russia, Saratov

Аннотация. В статье приводится обзор истории зарождения перцептуальной диалектологии, описываются этапы развития данной науки, определяются ее основные задачи, выявляется ее взаимодействие с другими научными дисциплинами. Рассматриваются основные методы перцептуальной диалектологии. В статье также описывается роль перцептуальной диалектологии в современной парадигме научного знания. В результате отмечена перспективность перцептуальной диалектологии как области научных исследований, предоставляющей информацию о реалиях языковых вариантов и языковых изменений.

Ключевые слова: народная лингвистика, перцептуальная диалектология, методы перцептуальной диалектологии, нелингвисты, диалектные разновидности.

Abstract. The article investigates the history of perceptual dialectology; it examines the main stages of the development of this science, defines its main tasks, reveals its links to other scientific disciplines. The article discusses the main methods of perceptual dialectology. As a result, the article considers the prospects of perceptual dialectology as a field of scientific research providing information about the realities of language variants and language changes.

Key words: folk linguistics, perceptual dialectology, methods of perceptual dialectology, non-linguists, dialect varieties.

Традиционно в лингвистической традиции было принято, что при анализе результатов исследователь должен оперировать только данными, отвечающими критериям достоверности, валидности и объективности. Согласно данному подходу, основа любого научного знания состояла в том, чтобы «лингвист говорил бы об объекте точно, безличностно и беспристрастно» [1, с. 13]. Носитель языка, человек с его чувственным и эмоциональным восприятием, в данном случае вытесняется за рамки научного описания.

Кардинальный поворот к «субъективному» началу произошел в середине прошлого века и связан в первую очередь с именем австрийско-американского

социолога А. Шюца. Исследователь полагал, что наука должна заниматься исследованиями, направленными на анализ явлений мира повседневной жизни, воспринимаемого и создаваемого людьми, а также процессов усвоения и интерпретации этой повседневности [16]. Таким образом, в структуру научного знания необходимо включать комментарии лингвистических непрофессионалов относительно лексических и грамматических структур, языковых актов, а также вариативности как территориальной, так и социальной.

Концепция А. Шюца получила дальнейшее развитие в трудах Г. М. Хенигсвальда, который считается основателем нового направления в языкознании – народной лингвистики [10].

З. Т. Гилл трактует народную лингвистику как научную область, изучающую способы восприятия, осмысления и интерпретации языка обычными людьми [8].

Д. Вильярреал отмечает, что в качестве объекта исследования данного научного направления выступают реакции лингвистических непрофессионалов на язык [19]. По мнению лингвиста, важное значение для исследований в рамках народной лингвистики имеет перцептуальная диалектология.

Дадим определение данной научной области. Перцептуальная диалектология – подраздел народной лингвистики, изучающий представления, убеждения, подсознательные реакции нелингвистов о языке и различных языковых явлениях [17]. Таким образом, в фокусе исследования перцептуальной диалектологии находится восприятие разновидностей языка нелингвистическими профессионалами, их представления о границах и распространении диалектных вариантов.

По мнению Н. Яннуар, главной целью перцептуальной диалектологии является изучение того, как обычные люди трактуют различные варианты языка, какие сходства и различия между ними выделяют [21]. К другим целям этой отрасли лингвистики Ж.-Б. Койос и Г. Яннаккаро относят «объяснение языковых явлений с точки зрения их развития и изменений на определенной территории» [4, с. 117], а также «исследование географических трактовок вариантов самого языка» [11, с. 266].

Перцептуальная диалектология тесно переплетается с такими научными дисциплинами, как социолингвистика, теоретическая лингвистика, психология, социология, когнитивистика [5, с. 1]. Один из основоположников данного научного направления, Д. Престон, отмечает связь перцептуальной диалектологии с подразделами народной лингвистики, среди которых выделяет социальную

психологию языка и восприятие речи [15, с. 17]. Данная связь выражается в том, что исследование, начинающееся с одного направления, неизбежно ведет к другим.

Следует отметить, что Д. Престон разделяет перцептуальную диалектологию на две категории: региональную и социальную и утверждает, что в процессе изучения конкретного диалекта важную роль играют социальные факторы, а также принадлежность носителей того или иного варианта языка к определенному региону [15].

Перцептуальная диалектология, являясь на сегодняшний день одним из востребованных способов сбора данных о языковых разновидностях, стремится не только выявить лингвистические представления о диалектных различиях, но и определить социальные и когнитивные процессы, которыми руководствуются лингвисты при формировании таких представлений [18]. М. Мейерхофф полагает, что «восприятие обычными людьми языковых явлений, лежащее в основе перцептивной диалектологии, столь же важно для исследователя, как и объективный факт того, как говорят участники коммуникации» [13, с. 65]. Ж.-Б. Койос подчеркивает, что данные, полученные на основе исследований перцептуальной диалектологии, могут быть использованы в качестве отправной точки для измерения престижа, привлекательности, знания и уровня понимания языка [4]. Таким образом, лингвисты отмечают неоспоримые достоинства данной области и ее важность для развития науки в целом.

Представляется также важным рассмотреть спектр научных проблем, которые призвана решить перцептуальная диалектология. Л. Зарицкий считает, что данная научная область стремится дать ответы на следующие вопросы:

- как респонденты определяют диалектные границы определенного региона;
- какие сходства и отличия собственной речи отмечают респонденты в сравнении с речью представителей других регионов;
- какие особенности диалектной речи выделяют респонденты [22].

По мнению О. А. Александрова, проблематику перцептуальной диалектологии составляет спектр следующих вопросов:

1. исследование географических карт лингвистических профессионалов. Метод когнитивного картирования позволяет получить доступ к знаниям о соотношении языковых страт и географических территорий;
2. исследование салиентности диалектных признаков. «Разрабатывая данный вопрос, лингвисты не только выявляют языковые характеристики, на основании которых слушающие определяют говорящего как носителя того или иного диалекта,

но и задаются вопросом, почему некоторые явления респонденты трактуют как отклонение от нормированной формы языка, а другие рассматривают как непосредственно диалектные» [1, с. 16];

3. исследование установок, оценок диалектов, детерминированных языковыми и внеязыковыми причинами. Например, использование статистических методов дает возможность определить каким образом респонденты оценивают тот или иной вариант языка, какие эмоции испытывают по отношению к носителям и т. д. [1].

Одним из важных вопросов, по нашему мнению, является вопрос о происхождении и развитии перцептуальной диалектологии.

Эта дисциплина возникла в 1920-х годах в Нидерландах и Японии, но значительную популярность получила в конце 1980-х годов благодаря работам Д. Престона, посвященным разновидностям американского английского языка [14]. В связи с этим Д. Аллюкейт делит перцептуальные исследования на две группы с хронологической точки зрения:

1. исследования, проведенные до 1989 года;
2. исследования, проведенные Деннисом Престоном, и последующие исследования, основанные на определенных лингвистом принципах и стратегиях [3].

Первые исследования, направленные на решение ряда вопросов и задач перцептуальной диалектологии, были проведены в Нидерландах. В исследованиях подобного рода респондентам было необходимо определить регионы, схожие по манере речи с их собственным. Данные опросы были основаны на применении метода «маленькой стрелки», разработанного А. Вейненом. Суть этого метода состоит в том, что участники опроса соединяют регион, в котором они проживают с тем, который, по их мнению, является более лингвистически похожим. Исследования показали, что представления одних участников соответствуют традиционным голландским языковым атласам в то время, как восприятие других отличается от установленного диалектного ландшафта.

Говоря о японской лингвистической школе, необходимо отметить, что методика, разработанная ее специалистами, отличалась от той, которую использовали западные исследователи. Японские лингвисты предлагали участникам сравнить языковые варианты своего региона с другими диалектами, обращая внимание не на сходства, а на различия. При сравнении участники должны были выбрать один из следующих вариантов: не отличается, немного отличается, очень отличается или не воспринимается [3]. В анализе, проведенном другим японским ученым, Т. Сибатой, для обозначения границ диалектов использовались линии

разной толщины. По результатам исследований японские лингвисты также обнаружили расхождение между перцептуальными и реальными лингвистическими границами языковых вариантов. Подобное расхождение вызвало полемику в научных кругах. Так, например, Л. Блумфилд и В. Гроотуис утверждали, что восприятие нелингвистов субъективно и бесполезно [5]. Более того, сам Антониус Вейнен, создатель метода, который лег в основу первых перцептуальных исследований, усилил дискуссию о противоречивости полученных результатов [20].

Эта полемика привела не только к некоторым изменениям в развитии перцептуальной диалектологии, но и к появлению нового типа исследований, основанных на методах, разработанных Денисом Престоном. Д. Престон ввел новую концепцию перцептуальной диалектологии, обозначив ее как один из подходов, обеспечивающих субъективную точку зрения для понимания и интерпретации региональных диалектных различий. Лингвист объединил различные исследования по диалектологии и внес вклад в развитие перцептуального подхода, проведя исторические, региональные, методологические исследования не только в англоязычных странах, но и в различных странах, где говорят на других языках [21].

Представляется важным отметить, что все перцептуальные исследования, проводимые с 1989 года, основаны на пяти основных методах, разработанными Д. Престоном. Рассмотрим выделенные ученым методы подробнее.

1. «Рисование карт». Суть данного метода состоит в том, что респондентам предоставляют карту определенного региона, на которой необходимо обозначить зоны, где, по их мнению, существуют различные диалекты. Полученные данные оцифровываются, географически выравниваются и анализируются для создания сводной карты, которая дает общее представление о восприятии участниками языковых вариантов [7]. С помощью таких карт исследователи могут сопоставить описания диалектных изменений с субъективными восприятиями участников и сравнить их с «официальными» диалектными границами.

2. Степень различия. В рамках данного метода информанты ранжируют различные регионы по отношению к другому региону (обычно своему родному) на основе критерия сходства / различия. Для оценки используется шкала 1-4, где 1 означает «такой же», 2 – «немного отличается», 3 – «другой» и 4 – «сильно отличается» [8]. Для каждого региона вычисляется средний балл и строится карта, на которой отображаются территории с наименьшим и наибольшим языковым разнообразием.

3. Степень правильности / приятности. Данный метод аналогичен предыдущему, однако отличается от него тем, что участникам предлагается оценить регионы по шкале правильности и приятности в диапазоне от 1 (наименее правильный / приятный) до 9 (наиболее правильный / приятный). Помимо вышеназванного критерия, языковые варианты могут оцениваться по степени «вежливости-грубости», «формальности-неформальности» и т. д. [15].

4. Идентификация диалекта. Суть данного метода состоит в том, что информанты прослушивают записанные образцы речи из «диалектного континуума» и определяют регион, которому принадлежит данный образец. Однако, по мнению Дж. Крамер, этот инструмент является наиболее проблематичным, поскольку исследования, проведенные с помощью данного метода, показали разный уровень точности участников [5]. Так, Д. Престон на основе исследования, посвященному восприятию гласных, утверждает, что испытуемые относительно хорошо справляются с дифференцированием голосов [14] в то время, как другие лингвисты (Дж. Крамер, Дж. Уильямс) обнаружили, что испытуемые плохо справляются с этим заданием [5]. Несмотря на возникшие противоречия, Д. Престон считает данный метод очень важным, поскольку «именно способность респондента определить, кому принадлежит голос позволяет установить связь между диалектами и языковыми отношениями» [15, с. 193].

5. Качественные данные являются последним звеном в системе методов перцептуальной диалектологии. Его суть заключается в открытом разговоре с участниками о языке, его разновидностях и носителях, говорящих на том или ином варианте. Дж. Крамер отмечает, что качественные данные могут улучшить понимание того, как нелингвисты оценивают распознаваемые ими разновидности языка [5]. Более того, по мнению исследователя, данные, полученные с помощью этого метода, могут дать гораздо больше информации, чем другие инструменты.

Следует подчеркнуть, что сегодня одним из основных методов, используемых в перцептуальных исследованиях, является применение географических информационных систем. С помощью использования ГИС ученые получают возможность провести аналогию между восприятиями нелингвистических профессионалов и миром, в котором реализуются эти восприятия [5]. Например, в ГИС можно накладывать множество различных типов информации (города, данные переписи населения и т. д.), благодаря чему исследователь может связать восприятия, полученные от респондентов, с фактической информацией.

Для понимания современного состояния перцептуальной диалектологии представляется необходимым рассмотреть основные положения, разработанные исследователями на основе системы методов Д. Престона.

1. Географический регион, в котором проживают респонденты, является одним из наиболее распространенных факторов, влияющих на их восприятие диалектов и других разновидностей языка.

2. Другим распространенным фактором, влияющим на формирование восприятий о диалектных различиях, является наличие сленга, используемого носителями языка в том или ином регионе. Например, многие регионы делятся не только на северные и южные в соответствии с географическим признаком, но и на городские районы, где используются сленговые выражения. Поэтому многие респонденты способны идентифицировать регионы по сленговым различиям.

3. При применении метода правильности / приятности возраст также оказывает существенное влияние на результаты исследования. Например, согласно исследованию М. Демирчи и Б. Клейнера, пожилые люди склонны давать высокие оценки всем регионам, в то время как носители языка среднего возраста придерживаются более консервативной точки зрения [6].

4. Лингвист А. В. Дунашова отмечает, что «основу перцептуальных исследований составляет теория престижного акцента, в соответствии с которой понятие языкового престижа тесно связано с понятием социального престижа или класса в обществе. Престижные акценты - это, как правило, стандартизированные варианты языка» [2, с. 61]. Кроме того, согласно исследованию восприятия английского языка в Великобритании и США, проведенному лингвистом Ю. Хирага, респонденты оценивали восприятие диалекта на основе связи с престижем и социальным классом [9].

5. Этническая принадлежность носителей диалекта также оказывает определенное влияние на восприятие участников. Например, в исследовании С. Линдемманна участники в целом положительно реагировали на различные американские и британские диалекты в то время, как на другие варианты языка они давали неоднозначные ответы. Некоторые участники апеллировали к расовым стереотипам, утверждая, например, что индийцы говорят на английском языке прерывисто [12].

6. Диалектологи также отмечают роль СМИ как одного из основных инструментов воздействия на формирование восприятия респондентов. Так, во

многих исследованиях было обнаружено, что участники ссылаются на роль СМИ в своих общих представлениях о диалектах и языковых разновидностях.

Таким образом, учет мнений и убеждений неспециалистов в исследованиях дает возможность обозначить границы распространения той или иной разновидности языка, сопоставить представления о функционировании различных диалектных вариантов, обозначенных нелингвистами, с фактической языковой картиной, а также в целом способствует лучшему пониманию языковых разновидностей. Перцептуальная диалектология дает возможность установить более широкую связь между тем, как создается язык, и тем, как он на самом деле воспринимается нелингвистами. Кроме того, перцептуальный диалектологический подход, использующий различные виды данных, способствует углубленному пониманию культурных и языковых идеологий, стереотипов. Наконец, это ценный инструмент для изучения социолингвистических тенденций и моделей языковых изменений.

Список литературы

1. Александров, О.А. Немецкая перцептуальная диалектология / О. А. Александров // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2013. - №8 (26). - Ч. 1. - С. 13-17.
2. Дунашова, А. В. Социально-личностная оценка и тип произношения: опыт перцептивно-слухового анализа / А. В. Дунашова // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. - 2019. - №5 (821). - С. 59-68.
3. Allukate, D. The Narrative of a naïve estimator or the spread of perceptual dialectology in Lithuanian dialect research / D. Allukate // Lithuanian dialectology profiles: problems and findings compiled by Violeta Meiliūnaitė. - Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2020. - P. 249-266.
4. Coyos, J.-B. The Dynamics between Unified Basque & Dialects in the Northern Basque Country: A Survey Based on Perceptual Dialectology. / J.-B. Coyos // International Journal of Language & Linguistics, 2019. - №6 (1). - P. 115-125.
5. Cramer, J. Perceptual dialectology: Oxford Handbooks Online / J. Cramer. - Oxford University Press, 2018. - 29 p.
6. Demirci, M. Gender and Age-based Variation in the Perception of Turkish Dialects / M. Demirci, B. Kleiner // Language Awareness, 1998. - №7 (4). - P. 206-222.
7. Eppler, E. A perceptual dialectological approach to linguistic variation and spatial analysis of Kurdish varieties / E. Eppler, J. Benedikt // Journal of Linguistic Geography, 2017. - №5. - P. 109-130.
8. Gill, Z. T. "A category of their own": quantitative methods in the use of pile-sort data in perceptual dialectology / Z. T. Gill. - Theses and Dissertations. - Linguistics, 2023. - 71 p.
9. Hiraga, Y. British attitudes towards six varieties of English in the USA and Britain / Y. Hiraga // World Englishes, 2005. - №24 (3). - P. 289-308.
10. Hoenigswald, H. A proposal for the study of folk linguistics / H. Hoenigswald // Sociolinguistics. - The Hague: De Gruyter, 1966. - S. 16-26.
11. Iannaccaro, G. Mapping languages from inside: notes on perceptual dialectology/ G. Iannaccaro, V. Dell'Aquila // Social and Cultural Geography, 2001. - Vol. 2. - №3. - P. 265-280.

12. Lindemann, S. Who speaks "broken English"? US undergraduates' perceptions of non-native English / S. Lindemann // *International Journal of Applied Linguistics*, 2005. - №15 (2). - P. 187-212.
13. Meyerhoff, M. *Introducing sociolinguistics* / M. Meyerhoff. - New York: Routledge, 2006. - 352 p.
14. Preston, D. R. Language, people, salience, space: perceptual dialectology and language regard / D. R. Preston // *Dialectologia*, 2010. - №5. - P. 87-131.
15. Preston, D. R. What's Old and What's New in Perceptual Dialectology? / D. R. Preston // *On the Border of Language and Dialect*. - The Finnish Literature Society, 2018. - 263 p.
16. Schutz, A. *Theorie der Lebensformen. Frühe Manuskripte aus der Bergson-Periode* / A. Schutz. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1981. - 341 S.
17. Serreli, V. Perceptual Dialectology of Egypt. A View from the Berber-Speaking Periphery / V. Serreli // *Studies on Arabic Dialectology and Sociolinguistics*. - Aix-en-Provence, 2019. - P. 1-13.
18. Theodoropoulou, I. Perceptual Dialectology of the Arab World: A Principal Analysis / I. Theodoropoulou, J. Tyler // *Al-‘Arabiyya: Journal of the Association of American Teachers of Arabic*, 2014. - №47. - P. 21-39.
19. Villarreal, D. "Do I sound like a Valley Girl to you?" Perceptual dialectology and language attitudes in California / D. Villarreal // *Speech in the Western states*, 2016. - Vol. 101. - P. 1-17.
20. Weijnen, A. A. On the Value of Subjective Dialect Boundaries. Reprinted in *Handbook of Perceptual Dialectology* / A. A. Weijnen. - Amsterdam, 1999. - P. 131-133.
21. Yannuar, N. Perceptual Dialectology: Northerners and Southerners' View of Different American Dialects / N. Yannuar, K. Azimova, D. Nguyen // *KATA*, 2014. - Vol. 16. - №1. - P. 8-14.
22. Zarycki, L. Perceptual dialectology: The application of Google Trends in the study of dialect labels on the basis of Brummie, Mancunian and Devon / L. Zarycki // *RASK*, 2021. - №53. -P. 75-96.

УДК 811.161.1

Сарсембаева А.Ш. Эмоциональная структура текста, содержащего недостоверную информацию

Сарсембаева Айнур Шаяхметовна

соискатель кафедры русского языка и лингводидактики
Омский государственный педагогический университет, РФ, г. Омск
partizanomgpu@yandex.ru

The emotional structure of a text containing false information

Sarsembaeva Ajnur Shayahmetovna

PhD applicant of the Department of Russian Language and Linguodidactics
Omsk State Pedagogical University, Russia, Omsk

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению эмоциональной структуры текстов, высказываний, в основе которых лежит недостоверная, или фейковая, информация. Автор обращает внимание на необходимость сознательного отношения слушателя к воспринимаемой им информации, что связано с усилением в настоящее время манипулятивного воздействия со стороны говорящего. В качестве примера рассмотрена эмоциональная структура двух текстов, представляющих собой реализацию речевого общения на основе фейков, установлено несоответствие реальной и декларируемой коммуникативной цели говорящего, описаны языковые средства и конструкции, которые на формальном и смысловом уровнях способны пробудить у человека, воспринимающего фейковый текст, мощную эмоциональную реакцию в отношении объектов, входящих в его индивидуальную систему ценностных ориентиров. Исследование выполнено в научной лаборатории развития коммуникативной компетентности ФГБОУ ВО «ОмГПУ».

Ключевые слова: текст, высказывание, недостоверная информация, фейк, речевая манипуляция, эмоция, концепт.

Abstract. The article is devoted to the consideration of the emotional structure of texts, statements based on unreliable or fake information. The author draws attention to the need for a conscious attitude of the listener to the information he perceives, which is associated with the increased manipulative influence on the part of the speaker at the present time. As an example, the emotional structure of two texts representing the implementation of speech communication based on fakes is considered, the discrepancy between the real and declared communicative purpose of the speaker is established, linguistic means and constructions are described that, at formal and semantic levels, are able to awaken in a person perceiving a fake text a powerful emotional reaction in relation to objects included in his individual system value orientations. The research was carried out in the scientific laboratory for the development of communicative competence of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Omsk State Pedagogical University».

Keywords: text, statement, false information, fake, speech manipulation, emotion, concept.

В эпоху информационных войн, коммуникативных конфликтов и речевых манипуляций особое значение приобретает такой навык, как распознавание фейковой информации, ср. в этой связи следующий весьма экспрессивный текст, оформленный как памятка: «Фейки – это яд для нашего эмоционального здоровья, они вызывают агрессию, ненависть, разжигают ненависть, вражду и рознь между людьми. Поэтому так важно уметь опознать их. Дадим простые советы <...>» [1, с. 133].

В современных лингвистических исследованиях, имеющих как теоретический, так и прикладной характер, проблеме определения истинности (ложности) содержания сообщения (текста) уделяется серьёзное внимание. Это вызвано рядом причин, среди которых выделяются, например, вопросы, связанные с юридической лингвистикой, рассматривающей объективную сторону «речевых» правонарушений, связанных с распространением недостоверной информации. Также проблема качества сообщаемой человеку информации имеет прямое отношение к вопросам психологического воздействия и манипулирования. Так, Е.В. Цупикова, отмечая, что манипуляции человеческим поведением осуществляются на основе использования комплекса ресурсов (лингвистических, логических, психических и т.д.), считает, что одним из способов преодоления манипулятивного воздействия является процесс выявления пресуппозиции текста, ср.: «В процессе выявления пресуппозиции анализируются логика текста, соотношение его содержания и действительности, лингвистические средства выражения мыслей, психологические приёмы убеждения и побуждения. За счёт многоаспектного сопоставления текста с пресуппозициями разных типов коммуникант выявляет истинность или ложность получаемой информации, а также истинную цель продуцента текста» [2, с. 214].

Адресат текста (индивидуальный или коллективный) в процессе восприятия и осмысления сообщаемой ему информации ориентируется на имеющийся у него социальный опыт, основанный на знаниях, полученных в результате постижения им различного рода социально-культурных практик, формирующих пространство жизнедеятельности современного человека. При этом «источником, первичной средой осмысления является личностный смысл с его оценочно-эмоциональным содержанием» [3, с. 73]. Указанная особенность детерминирует содержание манипулятивной по своей природе деятельности автора фейка, поскольку его цель сводится не только (и не столько!) к сообщению недостоверной информации: фейковое сообщение провоцирует мощную эмоциональную реакцию со стороны адресата, вынуждая его к совершению спонтанных действий, бенефициаром которых выступает манипулятор, т.е. инициатор фейковой коммуникации. Примеров

подобных речевых манипуляций, основанных на фейковизации содержания высказывания, великое множество: разговор с «сотрудником безопасности банка», требующим перевести деньги на «безопасный счёт», в целях защиты от мошеннической операции; просьба от «близкого родственника» срочно перевести деньги и «не задавать лишних вопросов» и т.п. Подобную коммуникацию объединяет то, что почти всегда она наносит вред воспринимающей стороне (потеря денег, совершение неправомерных действий и др.), благополучателем же выступает говорящий, автор текста.

Преобладание эмоциональной реакции адресанта над рациональными когнитивными операциями в процессе восприятия текста, содержащего недостоверную информацию, включенную в него намеренно, становится возможным благодаря насыщенности текста эмоционально сильными объектами, формирующими диктумно-модусную структуру высказывания.

Рассмотрим в связи с вышеизложенным эмоциональную структуру двух фейковых текстов, массово распространяемых в социальных сетях и мессенджерах, представляющих собой фотоизображения якобы объявлений, размещенных в государственных структурах (в т.ч. военизированных). Буквальное содержание обоих текстов сводится к информированию аудитории о том, что в обществе происходят события, способные причинить вред имуществу и здоровью людей, что необходимо информировать родных и близких людей о правилах безопасного поведения (в т.ч. при обращении с бесхозными предметами).

Обращает внимание заголовочные комплексы обоих текстов: (1) *«Внимание! Всему личному составу! Предупредите своих близких, родных, соседей!»*; (2) *«ВНИМАНИЕ!!! Пожалуйста, предупредите своих родных, близких и знакомых!!!»* – в каждом из них присутствует высказывание-призыв *внимание*, семантика которого связана с тем, что «говорящий предлагает выслушать важную информацию» [4, с. 171], при этом эмоциональный фон усилен обилием восклицательных знаков и шрифтовым выделением (написанием слова всеми заглавными буквами).

Специфичным для обоих текстов является то, что коммуникативная цель, которую якобы преследует говорящий, заявлена прямо уже в заголовочном комплексе: побуждение аудитории предупредить своих родных, близких и знакомых. Вместе с тем очевидным является наличие приёма речевой маскировки автором текста своей истинной коммуникативной цели. Этот вывод основан на анализе содержания событийной основы обоих текстов: (1) *«Началась волна террористических актов <...> все эти вещи заминированы <...> заряд небольшой,*

но руки-ноги отрывает <...> вчера в Воронеже прохожий поднял валяющийся паспорт – оторвало руку»; (2) «Новый вид криминального ПРЕСТУПЛЕНИЯ сейчас <...> МАСКА ПРОПИТАНА химикатом с наркотическим действием <...> человек просто «отключается»...доступ в квартиру свободен (происходит ограбление) <...> Помните, уровень преступности сейчас «зашкаливает» <...>». Как видим, в обоих текстах сообщается о деструктивных действиях, связанных с желанием неких преступников (террористов, мошенников) причинить вред здоровью граждан и их имуществу. При этом диктумное содержание приведенных высказываний намеренно гиперболизируется за счёт включения в них лексических элементов, обладающих мощной усилительной семантикой: *началась волна террористических актов; руки-ноги отрывает; оторвало руку; уровень преступности зашкаливает* и под. Желание говорящего придать фактографичность своему сообщению приводит его к намеренному включению в высказывание компонентов, характеризующих событие: где оно произошло, когда, кто являлся участником, каковы последствия и т.д., ср.: (1) «Вчера в Воронеже прохожий поднял валявшийся паспорт – оторвало руку»; (2) «Ходят волонтеры, просят вас примерить маску, дадут 3-5 штук, человек просто отключается» и т.д. Безусловно, говорящий желает, чтобы воспринимающая его текст аудитория, выполняя его просьбу, заявленную прямо (предупредить родных, близких, знакомых), стала невольным распространителем этой ложной информации, тиражируя фейковое сообщение в социальных сетях и мессенджерах, выступающих на сегодняшний день «основным каналом распространения информации» [3, с. 77].

Одним из значимых в плане эмоционального воздействия на адресата компонентов текстов, содержащих недостоверную информацию, является апелляция к ключевым концептам, формирующим ценностное пространство носителя русской лингвокультуры: «семья», «дети», «родные и близкие», «безопасность», «защита», «здоровье», «благополучие» и др. Говорящий и слушатель в подобных текстах формально фокусируются в одной точке: автор сообщения открыто декларирует свою цель: «я желаю вам добра, поэтому предупредите своих детей и близких», однако в реальности они находятся на разных полюсах, формирующих семантическое содержание, эмоциональную структуру и прагматический эффект фейкового текста, то есть можно говорить об антиномичности дискурса, формируемого этим типом текстов, поскольку «коммуникативное бытие современного носителя русского языка оказывается детерминировано семантикой противостояния» [5, с. 71]. Использование в фейковой коммуникации указанных выше концептов реализует стратегию, отражающую такую закономерность человеческого поведения, как «чем сильнее

потребность, тем сильнее эмоциональное переживание» [3, с. 76], при этом, как указывают исследователи, «если имеющегося знания достаточно, то эмоция положительна, а если – недостаточно, то эмоция негативна (от дискомфорта и тревожности до страха, ужаса и паники» [3, с. 76]. Последнее – посеять в обществе страх, вызвать панические настроения – является истинным коммуникативным намерением говорящего, стоящего по другую сторону созданного им фейкового текста, ориентированного на адресата, зачастую не всегда способного совладать с эмоциями, не способного обратиться к логико-аргументативной структуре высказывания, содержащего недостоверную информацию.

Указанные выше особенности позволяют прийти к выводу о том, что эмоциональная структура текста или высказывания, представляющего собой речевое воплощение фейковой коммуникации, характеризуется напряженностью, создаваемой намеренно в целях манипулятивного воздействия на адресата. Для этого используется богатый репертуар языковых единиц и конструкций, которые как на формальном (поверхностном), так и на смысловом (глубинном) уровнях способны пробудить у человека, воспринимающего такой текст, мощную эмоциональную реакцию в отношении объектов, входящих в индивидуальную систему ценностных ориентиров, связанных с картиной мира получателя информации.

Список литературы

1. Фейковизация как средство информационной войны в интернет-медиа: научно-практическое пособие. – М.: Блок-Принт, 2023. – 144 с.
2. Цупикова Е.В. Обучение деятельности восстановления пресуппозиции текста и речевой ситуации как способа определения истинности информации // Омский научный вестник. – 2014. – № 2(126). – С. 214-217.
3. Фейки: коммуникация, смыслы, ответственность. Коллективная монография / С.Т. Золян, Н.А. Пробст, Ж.Р. Сладкевич, Г.Л. Тульчинский; под ред. Г.Л. Тульчинского. – СПб.: Алетейя, 2021. – 288 с.
4. Активный словарь русского языка / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян [и др.]. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – Т. 2. – 736 с.
5. Виданов Е.Ю., Литвиненко Ю.Ю. Антиномии санкционного дискурса (на примере высказываний об антироссийских санкциях) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2022. – № 2(35). – С. 71-75.

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 81

Кокова Л.Д. О некоторых славянских онимах в кабардино-черкесской языковой среде

Кокова Лейла Джамалдиновна

канд. фил. наук, зав. лабораторией ономастики и социально-политических исследований Кабардино-Балкарского госуниверситета им. Х.М.Бербекова

РФ, г. Нальчик

kokovaleila@yandex.ru

About some Slavic Onyms in the kabardino-circassian language environment

Kokova Leila Jamaldinovna

PhD in Philology, Head of the Department. Laboratory of Onomastics and Socio-political Studies of Kabardino–Balkarian State University named after H.M.Berbekov

Russian Federation, Nalchik

Аннотация. Актуальность исследования связана с недостаточно детальным анализом пласта славянских онимов на территории КБР. Между тем, эта область ономастики КБР представляет большой интерес. Сбор и систематизация этого материала позволят дополнить ономастическую картину региона и представить детали многих исторических процессов, в частности, миграционных в силу складывавшихся обстоятельств. Результаты будут включены труды по истории, в топонимические и антропонимические словари КБР и России.

Ключевые слова: Адыги, антропоним, история, славяне, оним, помещик, поселение, топоним, хутор

Abstract. The relevance of the study is associated with an insufficiently detailed analysis of the layer of Slavic synonyms in the territory of the CBD. Meanwhile, this area of CBD onomastics is of great interest. The collection and systematization of this material will allow us to complement the onomastic picture of the region and present the details of many historical processes, in particular, migration, due to the prevailing circumstances. The results will be included in historical works, toponymic and anthroponymic dictionaries of the CBD and Russia.

Keywords: Adygi, anthroponym, history, Slavs, onym, landowner, settlement, toponym, farm

Славянские онимы в кабардино-черкесской среде, безусловно, вызывают интерес у исследователей, в том числе и потому, что являются отображением исторических процессов в данном регионе. Некоторые из них являются уникальными в своем роде и не имеют аналогов. Славянских названий на территории КБР около 5% от общего числа онимов.

Историко-лингвистическая ситуация в Центральном Предкавказье и на Западном Кавказе была достаточно сложной и этим объясняется пестрота

ономастической картины данного региона, состоящей из адыгского, тюркского, славянского, иранского и др. пластов.

История появления славянских онимов связана с историческими, чаще, миграционными процессами на Северном Кавказе.

Согласно историческим данным, первыми русскими поселенцами на Северном Кавказе были беглые крестьяне, которые стали проникать сюда еще в XVI веке, а также участники казачьих восстаний на Дону (например, в начале XVIII века – участники Булавинского восстания).

Особенно быстрый рост населения в русских и украинских станицах и хуторах, а также появление новых населенных пунктов наблюдалось после событий 1861 года, когда жители густонаселенных центральных губерний остались фактически без наделов и бежали на юг в поисках земли. Этот процесс продолжался до начала XX века.

«Хан Гирей, которого называли «черкесским Карамзиным», в своих «Записках о Черкессии» подробно описал взаимоотношения кабардинского и казачьего населения в местах совместного проживания, указывая на особую роль женщин в формировании дружеских отношений: «Поверите ли, казачки пограничных станиц вели дружбу с кабардинками соседних аулов, ходили одни к другим без всякой опасности, получали (от) приятельниц взаимные подарки: казачки давали кабардинкам шелк, зеркала, иглы, соль и прочая, а эти последние своих приятельниц дарили воском, медом, маслом, сукном своего изделия и проч. Словом, делились всем, и, будучи сами неизменными друзьями, водворяли дружбу и между своими мужьями, таким образом все шло хорошо и все наслаждались спокойствием....» [1, 24-25].

Пласт славянских онимов встречается:

- в местах компактного проживания славян (Прохладная, Солдатская, Екатериноградская);
- в виде вкраплений в адыгских населенных пунктах уже адаптированных местным населением (Урожайнэ вм. Урожайное);
- название единичных славянских населенных пунктов в районах с адыгским населением (с. Тамбовское в Терском районе КБР).

Славянские топонимы Северного Кавказа, по мнению патриарха адыгской ономастики проф. Дж.Н.Кокова, можно четко разделить на следующие семантические группы по основе, заложенной при формировании:

1. «антропонимы (имена первых поселенцев, военачальников, царствующих особ);

2. наименование прежних мест жительства;
3. русские образования от адыгских основ;
4. слова, дающие характеристику данному объекту;
5. названия русских полков;
6. названия с новым идеологическим содержанием» [2, с.475].

Большая часть приводится в кабардино-черкесской транскрипции, где элемент **-къуэ** означает «сын» или «балка». Среди них Долинск, Зольскэ (устаревшее «Баптис») [2, 58], Каменэмоост (Къарэмхъэблэ, «Каменомостское», (Кармово) [2,59], Лэбэдиныкъуэ (Лабадиноко), «Лободина балка» [2,73], Некрасов Балка [2,84], Осетиныкъэ (Осетиноко) [2,85], Первэкъуэ (Первоко) [2, 85], Самварыжь (Самварижь) «старый самовар» [2, 88], Старэ Крепость (Старая крепость) [2, 90], Урожайнэ (Урожайное) [2, 94], Хамачиха (Хутор Хомяковой) [2, 95].

Славянские названия, в основном, односоставные, но встречаются и двусоставные: Черная речка, Русский Баксан [2, 478].

На территории КБР 14 хуторов со славянскими названиями: Александровский, Грабовец, Колдрасинский, Матвеевский, Минский, Ново-Вознесенский, Ново-Курский, Ново-Осетинский, Ново-Покровский, Ново-Троицкий, Петропавловский, Саратовский, Славянский. Многие названия, такие как, Ново-Покровский, Ново-Троицкий, Петропавловский универсальны и имеют аналоги во многих регионах России.

Многие названия сегодня утрачены, так как хутора были объединены в более крупные населенные пункты, либо просто получили другие названия.

Значительная часть славянских перенесенных названий, образованных с помощью суффиксов **-ск, -ский (-ск, -ская)**, как раз указывают на место, откуда шло переселение: село Кременчуг-Константиновское в Баксанском районе КБР (основано выходцами из Кременчугского уезда Полтавской губернии в 1885 году; в названии сохранилось и имя первого ходока Константина Батюка); с. Чернговское Прохладненского района (основано в 1883 г. выходцами из Черноговской губернии Украины); с.Саратовское (1907 г.), хутор Минский (основан в 1923 году); с. Тамбовское в Терском районе КБР.

Подобные названия часто, сохраняя названия прежних мест жительства, добавляли к нему элемент ново- (новый): Новокурский, Новониколаевское, Новополтавский, Новотроицкий, Нововознесенский в КБР.

Названия, происходившие от общественно-политических терминов, особенно советского периода, не обошли и топонимику КБР: Комсомольский (поселок), Пролетарское (селение), Первомайский (поселок).

Суффикс **-к(а)** образует топонимы от славянских и адыгских основ: Прималка (селение Прималкинское), Екатериноградка (станция Екатериноградская).

В качестве названия могут использоваться прилагательные, не имеющие топоформанта. Такие названия чаще связаны с физико-географическими особенностями поселения, его хозяйственным назначением и под.: Прохладная (первоначально – станция, основанная в 1765 г., как поселение «государственных крестьян-малороссиян», с 1937 года – город и железнодорожная станция), Приближная (деревня).

Преобладающими среди названий являются наименования сельских поселений, реже хуторов. На территории КБР сохранилось три названия, связанных с фамилиями бывших помещиков:

- Балка Лободина Лэбэдиныкьуэ (Лабединоко) находится к северо-востоку от Н.Курпа, близ границы с РСО Аланией. Лободин- фамилия русского помещика;
- Балка Некрасова на п.б. Курпа также по фамилии проживавшего здесь русского помещика;
- хутор Хомяковой или Хомачиха назван по фамилии бывшей владелицы Екатерины Алексеевны Хомяковой.

Хутор Хомяковой, или в кабардинском произношении Хомячиха или Хамачиха, имеет интересную историю. Он принадлежал русской помещице Екатерине Алексеевне Хомяковой, дочери известного славянофила и поэта Алексея Степановича Хомякова (1804-1860). Среди его произведений «Ермак» (1832), «Дмитрий Самозванец» (1833), «Записки о всемирной истории» (1838) [3, 830] и другие, посвященные важнейшим вехам истории России.

Земли на берегу р.Золка были приобретены Екатериной Алексеевной Хомяковой в 1881 году. За короткое время она разбила прекрасный сад, открыла кирпичный завод, сыроварни, кожевенные и швейные мастерские, построила мечеть. А православный Свято-Троицкий храм, строительство которого было завершено в 1902 году, в 1907 году был переименован в Свято-Троицкий Серафимский женский монастырь. Храм поражает своей красотой и является одним из самых посещаемых гостями и жителями республики мест. С 1881 года поселение носило название хутор Хомяковой или Хомячиха, в 1924 году получило незамысловатое название Совхозное, непродолжительное время бывший хутор назывался Молсовхоз, но в обиходе жители

этого села и соседних сохранилось прежнее название – хутор Хомяковой или Хомячиха.

Примечательно, что названий с апеллятивом *хомяк* в основе, довольно много. Сам апеллятив также представляет интерес для исследователей.

М.Фасмер дает следующие толкования слова *хомяк*: укр.*хомяк*, *хома*, белор. *Хомяга* «лентяй», др.-русс. *Хомѣкы* (Повесть врем. лет; см. Шахматов, Повесть врем. Лет 16), русск.-цслав. *Хомѣсторъ* (Изборн. Святосл. 1073 г., Срезн. III, 1386), польск. *chomik* // Вероятно заимст из др.-ир., ср. авест. *hamēastar* – «враг, повергающий на землю», нов.- перс. *hamestār* «противник» [4, 260-261]. Такое толкование, видимо, связано с тем, что *хомяк* пригибает стебли злаков к земле, чтобы извлекать зерна. Здесь же приведено предположение Ильинского о исконнослав. природе слова и её связи с мор.*chomtat* «жадно есть», «хамкать» [4, 261].

В «Матриалах для Словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского: «*хомѣкъ* = *хомакъ* – *хомякъ* (звѣрекъ): - Адуще мерьтечину и всю нечистоту, *хомѣки* и *сусолы* (въ Ип. сп. *хомакы*). Пов.вр. л. введ» [5, 1386].

Онимы с апеллятивом *хомяк* представлены прозвищами, антропонимами и топонимами, которые встречаются на территории России повсеместно.

Прозвище *хомяк* довольно распространено среди шутивно-ироничных и дается людям «с пухлым ртом, приподнятой губой и большими зубами» [6, 578]. Также может даваться по фамилии Хомяков (а в результате ретимологизации фамилии: «Нет, к Миньке Хомяку маленькие ребятишки не ходют: он больно драчливый» [7, 225].

Исследователь русских фамилий Б.О.Унбегаун в своей классификации относит фамилию Хомяков к «фамилиям, образованным от названия животных», частности от «названий млекопитающих», и отмечает, что «названия животных являются одним из главных источников прозвищ и фамилии, образованные от них, в русском языке столь же многочисленны, как и в других языках мира» [8, 148-150].

В настоящее время носителей прозвища *Хомяк* и фамилии Хомяковы достаточно много и ареал их распространения четко не определен.

Что касается топонимов, точнее, чаще, комонимов, то и они встречаются часто.

Деревни Хомяковка есть в Саратовской, Самарской, Тульской, Владимирской, Брянской областях, деревня Большая Хомяковка в Пензенской области. Это лишь небольшая часть. Ряд топонимов утрачен в связи с объединением населенных пунктов.

Славянские названия в кабардино - черкесской антропонимике, несомненно, представляют большой интерес для исследователей, поскольку несут в себе много информации, как языковой, так и исторической. Иногда именно топонимы позволяют найти недостающие звенья в истории народов.

Заключение

Рассмотренный пласт славянских онимов в кабардино-черкесской языковой среде, безусловно, является одним из самых интересных в северокавказском регионе. Уникальность его определяется отражением исторических процессов на этой территории на рубеже XIX – XX вв., хотя первые поселенцы появились здесь в XVI в.

Примечательно, что среди переселенцев были представители разных сословий, в том числе и дворянского.

Фамилия Хомяковы, образованная от апеллятива, дала название одному из самых интересных мест Кабардино-Балкарии, вызывающего неизменный интерес у жителей и гостей республики.

В работе представлена наиболее полная классификация славянских онимов в адыгской языковой среде, а также перечень ныне существующих населенных пунктов.

Результаты исследования могут представлять интерес для филологов, историков, этнографов, составителей топонимических словарей и справочников Северного Кавказа и Юга России.

Список литературы

1. Бегидов А.М. Кабардино-Балкария: прошлое, настоящее, будущее...: Новый хронограф, 2003.-158 с.
2. Коков Дж.Н. Избранные труды в 2-х томах. Том 1 Адыгская топонимия. Нальчик, Эльбрус, 2000.-488 с.
3. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Иллюстрированный энциклопедический словарь. – М.: Издательство Эксмо, 2006.-960 с.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т IV. - М.: Прогресс, 1973. – 854 с.
5. Срезневский И.И. Материалы для словаря Древнерусского языка. Том III. Санкт-Петербург. Типография императорской академии наук, Вас. Остр., 9 л., № 12 1903
6. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Большой словарь русских прозвищ.- М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007.- 704 с.
7. Ванюшечкин В.Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры в 2-х томах. Изд-во Воронежского пед. ин-та; Саратов: Науч. кн., 1983. - 275 с.
8. Унбегаун Б.О. Русские фамилии. Перевод с англ / Общ ред. Б.А.Успенского. М.:Прогресс, 1989.- 443 с.
9. Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков). Под редакцией Р.М.Цейтлин, Р.Вечерки и Э.Благовой. М.: Издательство «Русский язык». 1999.- 842 с.

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 81

Васильченко Е.Е. Особенности реализации стратегий и тактик англоязычного конфликтного дискурса

Васильченко Елизавета Евгеньевна

студент специалитета, Челябинский государственный университет, РФ, г. Челябинск
elizavetavasilchenko8@gmail.com

Implementation features of strategies and tactics of English-language conflict discourse

Vasilchenko Elizaveta Evgenievna

undergraduate student, Chelyabinsk State University, Russia, Chelyabinsk

Аннотация. В статье рассматривается конфликтный дискурс как коммуникативный акт. Предлагаются определения конфликтного дискурса, принятые в лингвистике. Автор рассматривает классификацию речевых стратегий и тактик. Приводятся определения речевой стратегии и речевой тактики. В качестве исследовательской задачи автором была определена попытка выявить особенности реализации и ситуации употребления речевых стратегий и тактик в англоязычном конфликтном дискурсе на материале сериала «Изобретая Анну». В ходе исследования автор приходит к выводу о форме реализации речевых стратегий и тактик в англоязычном конфликтном дискурсе.

Ключевые слова: диалогическая лингвистика, дискурс, конфликт, конфликтный дискурс, речевая стратегия, речевая тактика

Abstract. The article examines conflict discourse as a communicative act. The definitions of conflict discourse accepted in linguistics are proposed. The author considers the classification of speech strategies and tactics. The research aims at attempting the peculiarities of implementing the speech strategies and tactics of English-language conflict discourse on the example of the series "Inventing Anna". In the course of research, the author concludes on the form of implementation of the speech strategies and tactics of English-language conflict discourse.

Keywords: dialogic linguistics, discourse, conflict, conflict discourse, speech strategy, speech tactic

Речевые конфликты в настоящее время – отдельная сфера лингвистических исследований. К основным причинам возникновения коммуникативного конфликта относят: негативную ситуацию и обстоятельства общения, нарушение процессов понимания, противоположные личностные особенности участников диалога, нарушение принципов общения и несоответствие практических и коммуникативных целей.

Ученые разграничивают понятия «конфликтный диалог» и «конфликтный дискурс». Понятие «конфликтный дискурс» довольно размыто и неоднозначно.

Например, Н.Н. Кошкарлова понимает конфликтный дискурс как деструктивную деятельность участников общения, «речевое взаимодействие адресанта, адресата и целевой аудитории, совокупность способов речевого воздействия, стратегий речевого поведения в конфликтной коммуникации, речевых тактик и порождаемых речевых реакций» [1, с. 61].

По определению, данному Н.А. Белоус, «в качестве конфликтного дискурса выступает такое амбивалентное речевое взаимодействие собеседников в виде целостного конструктивного образования, иллокутивная доминанта которого представляет собой столкновение коммуникативных целей, а консеквент характеризуется изменением знаний и эмоциональных состояний оппонентов благодаря их вербальному воздействию друг на друга» [2, с. 6]. Под иллокутивной доминантой понимают девиантное речевое поведение, представляющее собой противостояние или столкновение коммуникативных целей участников коммуникации.

В ряде случаев конфликтный дискурс рассматривается учеными и как коммуникативный акт, содержащий амбивалентный характер, и как «взаимодействие людей с различными принципами, доказывающими друг другу свою позицию, расхождение оппонентов в понимании другой точки зрения», в связи чем возникает «антипатия оппонентов, которая приводит к оскорблениям друг друга» [3, с. 128].

В отличие от прочих типов дискурса, конфликтный дискурс характеризуется дисгармоничностью, противостоянием говорящих. Такое общение несет значение конфронтации, и его участники вступают в процесс активного взаимодействия.

В конфликтном дискурсе зачастую проявляются такие особенности, как эмоционально-психологическая и (или) ценностная несовместимость носителей смысла, множественность личностных позиций, несовпадение точек зрения. В конфликте обозначаются личностные границы персонажей, предел для вторжения в чужое личностное пространство, а также границы доступного для каждой из конфликтующих сторон понимания [4, с. 504].

Конфликты, возникающие в ходе общения индивидов, создаются, прежде всего, системными и речевыми характеристиками использованных средств. Люди, вступая в контакт, следуют тем или иным языковым и внеязыковым стратегиям и тактикам с целью достижения скрытых или явных мотивов и намерений.

Речевая стратегия объединяет условия, в которых протекает коммуникация, и личностные особенности участников общения. По определению О.С. Иссерс, «речевая

стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [5, с. 54].

Исследователи выделяют следующие речевые стратегии, характерные для конфликтного типа дискурса:

1. Стратегия дискредитации (подрыв доверия к оппоненту, умаление его качеств таким образом, чтобы человек чувствовал себя несправедливо оскорбленным) [там же, с. 161].

2. Деструктивная стратегия (угроза в адрес собеседника, манипулятивное поведение и обвинение).

3. Стратегия дистанцирования (отказ от диалога, инорирование или же соглашательство и уступка).

4. Стратегия кооперации (проявление сочувствия к собеседнику, поддержка и согласие) [6, с. 11].

Речевые стратегии осуществляются при помощи тактик. По определению ученых, речевые тактики – «речевые приемы, позволяющие достичь поставленных целей в конкретной ситуации» [7, с. 44]. Речевые тактики способствуют осуществлению речевой стратегии. Они формируют части диалога путем группировки и чередования модальных оттенков разговора (оценка, мнение, разочарование, радость и т. д.) [8, с. 888].

Среди тактик, характерных для стратегии дискредитации, выделяют тактики упрека, критики, провокации, иронии.

Говорящий может осуществить попытку психологического воздействия на собеседника, реализуя речевую стратегию манипуляции (деструктивную стратегию) [9, с. 15]. В рамках данной стратегии нередко используют тактики давления, угрозы, возмущения, издевки, оскорбления.

Зачастую один из участников конфликтного взаимодействия вместо зеркального отражения чужих провокационных тактик и языковых средств прибегает к использованию кооперативных тактик объяснения, лести, просьбы, уговоров [10, с. 34].

Стратегия дистанцирования, в отличие от прочих видов коммуникативных стратегий, предполагает применение таких коммуникативных тактик, как отказ от диалога, уступка, игнорирование и молчание.

Рассмотрим основные особенности реализации и ситуации употребления речевых стратегий и тактик в англоязычном конфликтном дискурсе на примере сериала «Изобретая Анну».

Стратегия дискредитации

Сериал представляет собой повествование об аферистке Анне Делви, чьи преступления исследует журналистка Вивиан Кент. Журналистка втайне берется работать над статьей об Анне несмотря на то, что ее редактор Пол дает ей совершенно другую работу. Тайна становится явной, и Пол, разозлившись, принимается выставлять Вивиан в невыгодном свете перед Лэндоном, руководителем издательства:

Paul: *She deliberately defied me!*

Vivian: *I wasn't trying to!*

Paul: *You MISLED me. She's supposed to be on the Wall Street Me Too story!*

Vivian: *Can we talk about that, though?*

Paul: *She can't just assign herself stories and brag about it like she knows better!*

Vivian: *I don't brag!*

Пол применяет тактики упрека и обвинения в сторону Вивиан, стремясь эмоционально воздействовать как на журналистку, так и на руководителя издательства. В своих дискредитирующих высказываниях Пол нередко говорит в третьем лице (например, «*She deliberately defied me!*»), используя большое количество коллоквиальной лексики оскорбительного характера (например, «*You MISLED me*», «*brag about it*»).

Анна Делви обманывает и «использует» не только крупных игроков рынка финансов, но и своих подруг. Так, позвав лучшую подругу Рэйчел в поездку за свой счет, она оказывается должна девушке круглую сумму. Рэйчел напоминает Анне о крупном долге, однако та приходит в бешенство:

Anna: *I told you! I'll pay you back.*

Rachel: *It's been three months, Anna, three months.*

Anna: *Why are you being like this? So dramatic.*

Rachel: *I'm being dramatic?*

Anna: *You always pretend to promote peace, but really you just love a riot! You crave drama!*

Анна не готова признать свою вину и вернуть деньги. Наоборот, она «нападает» на подругу, обвиняя ее в том, та слишком эмоциональна и нетерпелива (например, «*So dramatic*», «*You crave drama!*»). В данном диалоге так же прослеживаются тактики упрека, критики и провокации.

Деструктивная стратегия

После случая с невыплаченным долгом Рэйчел не желает иметь дело с Анной.

Когда та попадает в тюрьму, наименее пострадавшая от общения с аферисткой Нефф Дэвис настаивает на необходимости посещения бывшей подруги, на что получает резкий отказ:

Rachel: *I'm not visiting Anna in prison. I'm not required to visit that person in prison.*

Neff: *That person? She was your best friend! Her dad cuts her off and now she can't pay your way, fund your social life and clothes, so you drop her?*

Rachel: *Anna did not ever pay my way.*

Neff: *She paid for everything you have on! First National Bank of Delvey is closed and you dump her. You're a user!*

Rachel: *If anyone is the user, it's you. I mean, you let her buy you! She bought your time, she bought your...*

Подруги защищаются, обвиняя друг друга. В репликах доминируют слова с отрицательной семантикой (например, «*you dump her*») и большое количество восклицательных предложений (например, «*You're a user!*», «*you let her buy you!*»).

В рамках деструктивной стратегии применены тактики давления, возмущения и оскорбления.

Анна Делви – хороший манипулятор. Во время беседы с Вивиан она безжалостно насаждает на журналистку, заставляя ту оправдываться и впоследствии винить себя в мельчайшем проступке:

Anna: *Magazines?*

Vivian: *Shit. I don't have the magazines.*

Anna: *What do you mean you don't have them?*

Vivian: *I forgot to get them.*

Anna: *You forgot?*

Vivian: *I forgot. I'll... Next time.*

Anna: *I ask you for one little thing. I'm doing you a favor, giving you an exclusive interview. The least you could do...*

Анна постепенно выводит Вивиан из себя, задавая наводящие вопросы (например, «*you don't have them?*», «*You forgot?*»), а затем переходит к прямому обвинению (например, «*The least you could do...*»). В данном примере хорошо прослеживаются тактики давления, возмущения и издевки.

Стратегия дистанцирования

Анна Делви нанимает адвоката, чтобы тот защищал ее в суде. Вивиан Кент не терпит пообщаться с ним, ведь это может помочь статье. Она преследует адвоката

Тодда по дороге из суда. Журналистка стремится начать диалог, однако же Тодд не настроен на общение и стремится как можно быстрее избавиться от нее:

Todd: *I have no comment.*

Vivian: *I didn't ask for one.*

Todd: *But you're going to.*

Vivian: *She deserves to have her story told. One interview. All I'm asking is that you talk to her. Let her decide.*

Todd: *Who are you?*

Vivian: *Vivian Kent. Vivian.*

Todd: *I'm going to keep walking in this direction. And you are not.*

Тодд крайне агрессивно уходит от ответа (например, «*I'm going to keep walking in this direction. And you are not*»). Он настроен категорично.

Далее Вивиан вновь приходит в офис Тодда, уговаривая его работать вместе. Тодд не отвечает взаимностью и жестоко прогоняет журналистку (например, «*get out! Out!*»):

Vivian: *Look, if you share what you have on Talia, I can tag in and follow up when I meet with her.*

Todd: *We are not... There is no "we."*

Vivian: *So you haven't deposed her? Well, what does the prosecution have from her? Can you color it at least? Ball-park it? The more ammunition we have going into...*

Todd: *Vivian Kent, get out! Out!*

Стратегия кооперации

Вивиан узнает о том, что Анна Делви общалась с Талией Маллэй и уговаривает Пола позволить ей командировку к ней. Пол настроен негативно, однако идет на уговор в конце (например, «*Okay*», «*so be it*»):

Vivian: *Talia's agreed to speak with me so I need you to authorize travel to the Hamptons.*

Paul: *I'm not paying for your baby-moon in the Hamptons!*

Vivian: *It took tons of connections and convincing to get Talia Mallay to agree to meet with me! I just need a little bit of help from you, my editor, in getting there.*

Paul: *I gave you the Wall Street story. That's the best I can do. I don't know what else you want from me!*

Vivian: *I want you to not make me beg to get one tiny expense approved!*

Paul: *Okay. If this fake socialite is the hill you want to die on, so be it.*

Анна врывается в офис одного из своих инвесторов Алана и изо всех сил кричит

на него, Алан сначала повышает голос, но затем становится спокойным, выслушивая упреки:

Anna: *You said they'd come through, Alan! You said Reggie would help me out!*

Alan: *There are other options!*

Anna: *No, there aren't! I want that building! I told you, I want 281 Park. It can only be 281 Park!*

Alan: *Anna, you have to calm down.*

Anna: *No. They're going to give my building to someone else! They're trying to make me fail.*

Alan: *No one wants you to fail.*

Anna: *I thought you were on my side, Alan.*

Alan: *I am.*

Алан мог бы довести эту ситуацию до уровня серьезного межличностного конфликта, однако он проявляет терпеливость (например, «*No one wants you to fail*») и прибегает к таким кооперативным тактикам, как поддержка и согласие.

Таким образом, люди в процессе общения стремятся выполнить определенную коммуникативную задачу, например, навязать свою позицию по тому и иному вопросу, скрыть нежелательную информацию и т.д. С целью достижения своих мотивов и намерений участники общения следуют тем или иным стратегиям и тактикам, которые реализуются за счет таких языковых средств, как большое количество восклицательных предложений, использование слов и выражений с отрицательной семантикой, излишняя прямота и наводящие вопросы. В анализируемом нами материале (сериал «Изобретая Анну») наибольшее распространение получают стратегии дискредитации, манипулирования (деструктивная стратегия), дистанцирования и кооперации, каждую из которых определяет набор определенных тактик, таких как упрек, обвинение, провокация, реже – поддержка и согласие, что является характерным для конфликтного типа дискурса.

Список литературы

1. Кошкарлова, Н. Н. Диалогические жанры конфликтного и кооперативного типов дискурса / Н. Н. Кошкарлова // Вестник Челябинского Государственного Университета. – Челябинск: 2014. – С. 60-64.
2. Белоус, Н. А. Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве: семантические и прагматические аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Наталья Анатольевна Белоус. – Краснодар, 2008. – 48 с.
3. Петрова, Е. А. Исследование инвективной лексики в конфликтном дискурсе / Е. А. Петрова // Вестник УЮИ. – Уфа: 2022. №1 (95). – С. 126-135.

4. Хомякова, О. Р. Конфликт как категория литературоведения: аналитические стратегии исследования / О. Р. Хомякова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2021. – № 3. – С. 501–510.
5. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М.: ЛКИ, 2008. – 288 с.
6. Певнева, И.В. Коммуникативные стратегии и тактики в конфликтных ситуациях общения обиходнобытового и профессионального педагогического дискурсов русской и американской лингвокультур: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / Ирина Владимировна Певнева. – Кемерово, 2008. – 206 с.
7. Буренкова, О. М. Коммуникативная стратегия примирения и тактики её реализации (на материале англоязычного конфликтного дискурса) / О. М. Буренкова, Э. Н. Гиляева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 2-1(44). – С. 43-48.
8. Балакин, С. В. Конструктивные и деструктивные стратегии и тактики протестантского дискурса / С. В. Балакин, Ю. А. Москвина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16, № 3. – С. 887-892.
9. Лаюрова, Д. И. Речевые тактики конфликтной коммуникации в жанре «составление протокола о нарушении» / Д. И. Лаюрова // Юрислингвистика. – 2021. – №20 – С. 14-18.
10. Иванцова, Е. В. Речевое поведение диалектной языковой личности в конфликтных ситуациях / Е. В. Иванцова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2020. – №66. – С. 27-44.

УДК 372.881.111.1

Ощепкова Н.А., Луговая А.В. Возможности искусственного интеллекта при обучении иностранным языкам

Ощепкова Наталья Анатольевна

канд. филол. н., доцент кафедры английского языка
Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, РФ, г. Калуга
OschepkovaNA@tksu.ru

Луговая Анна Валерьевна

студент, Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского
РФ, г. Калуга
lugovayaav@studklg.ru

Artificial intelligence possibilities in teaching foreign languages

Oshchepkova Natalia Anatolievna

Cand. Sci. (Philology), assistant professor of English Language department
Kaluga State University, Russia, Kaluga

Lugovaya Anna Valeryevna

Student of linguistics department, Kaluga State University, Russia, Kaluga

Аннотация. Целью исследования является поиск оптимального чат-бота со встроенным искусственным интеллектом для развития навыков письменной и устной речи на уроке иностранного языка. Научная новизна заключается в поиске обоснования и выбора наиболее эффективной для формирования коммуникативной компетенции нейросети. В результате исследования был сформирован список критериев на основе современных подходов к развитию коммуникативных навыков и проанализированы несколько чат-ботов с искусственным интеллектом. В результате была выбрана нейросеть, которая отличается большим количеством доступных для изучения языков, практической направленностью коммуникации, возможностью голосового ввода, адаптивностью и наличием качественной обратной связи.

Ключевые слова: искусственный интеллект, чат-бот, нейросеть, коммуникативный навык, урок иностранного языка, информационные технологии

Abstract. The purpose of the study is to find the optimal chatbot with built-in artificial intelligence for developing written and speaking skills in a foreign language lesson. The scientific novelty lies in the search for justification and selection of the most effective neural network for the formation of communicative competence. As a result of the study, a list of criteria was formed based on modern approaches to the development of communication skills and several chatbots with artificial intelligence were analyzed. As a result, a neural network was chosen, which is distinguished by a large number of languages available for learning, practical orientation of communication, the possibility of voice input, adaptability and the presence of high-quality feedback.

Keywords: artificial intelligence, chatbot, neural network, communication skill, foreign language lesson, information technology

На современном этапе язык в первую очередь рассматривается как инструмент общения, поэтому развитие речевых навыков является основной целью обучения. [6] Однако, в рамках существующей школьной системы наибольшие затруднения, у обучающихся вызывает именно говорение. Согласно опросу, проведенному среди учителей, основные трудности включают в себя:

- отсутствие стимула к говорению, ограниченность словарного запаса
- психологический барьер в выражении собственного мнения;
- стремление к механическому заучиванию текстов без их анализа;
- большое количество произносительных, интонационных и грамматических ошибок в речи;
- сложности в выявлении ошибок при прослушивании собственной речи.

Большинство обучающихся 8–9 классов считают психологические барьеры основным источником затруднений. При опросе 50% школьников страх выглядеть глупо перед одноклассниками оказался в качестве главной причины несформированности говорения как вида речевой деятельности. Также 29,7% столкнулись с ограниченностью словарного запаса, а 20,3% с трудностями в построении предложений, одновременном анализе собственной речи и речи собеседника. [1]

Неуверенность в своих силах на фоне эмоционально сложного возрастного периода действительно является барьером для формирования иноязычной речи.

Ключевым элементом развития любого навыка является применение его на практике. Без создания речевых ситуаций невозможно обучить говорению. Несмотря на то, что на уроке английского языка класс делится на подгруппы, педагогу сложно поддержать необходимый баланс между достаточной отработкой тех или иных конструкций в речи и изучением нового материала. Поэтому еще одной причиной несформированности навыков говорения можно считать недостаточный объем речевой практики.

Использование современных технологий помогает найти выход из сложившейся ситуации. Стремительно развивающаяся индустрия искусственного интеллекта (ИИ) находит свое применение в том числе на уроке английского языка. Языковое образование будущего должно интегрировать чат-боты со встроенным ИИ, чтобы способствовать процессу обучения и снизить нагрузку на учителей за счет организации занятий в классе. [7]

Преимущества во внедрении информационных технологий в учебный процесс достаточно очевидны: технологии способны обеспечить индивидуальный подход,

геймификацию процесса общения, а также доступны в любое время суток. По сравнению с обычными чат-ботами, чат бот с ИИ решает проблему быстрого угасания интереса пользователя из-за стереотипности ответов на его вопросы. Когда чат-бот не может четко ответить или продолжить линию мысли, интерес пользователей быстро пропадает. [2]

Кроме того, часть проблем в освоении языка была связана с неуверенностью и страхом ошибки перед общественным мнением. Общение с нейросетью также снимает эти трудности, так как ИИ не осуждает, а поощряет коммуникацию. Обучение английскому языку способствует росту уверенности ученика в своих силах. Так, почувствовав способность говорить на английском языке, ученик начинает верить, что он сможет овладеть языком в целом, а может, и не одним. [1]

В настоящее время существует несколько чат-ботов со встроенным ИИ, поэтому целью исследования является поиск оптимальной нейросети для развития навыков письменной и устной речи на уроке английского языка. В качестве задач исследования можно выделить следующие:

1. Охарактеризовать современные подходы к обучению письменной и устной речи на уроке английского языка.
2. Сформулировать критерии для оценки чат-бота.
3. Проанализировать чат-боты со встроенным ИИ и составить их рейтинг на основе полученных данных.

Основоположником коммуникативного подхода в обучении иностранному языку в России является Е. И. Пассов, который сформулировал несколько принципов обучения ИЯ. [3] Специфика взаимодействия с чат-ботами со встроенной нейросетью априори соответствует части положений, предложенных ученым. Например, общение изначально является основной целью использования чат ботов, что соответствует принципу речевой направленности. Принцип ситуативности также реализуется через создание ситуаций обучения, каждая нейросеть способна справиться с этой задачей. Само по себе общение с ИИ несет в себе принцип новизны. А вариативность ответов, объем доступной ИИ информации позволяют поддержать мотивацию и интерес к коммуникации.

Однако не все нейросети соответствуют принципу индивидуализации, который заключается в учете уровня языка обучающегося, а также его личных потребностей и интересов. Для достижения большего результата необходима гибкость, поэтому умение адаптироваться под уровень языка обучающегося стоит включить в список критериев оценки чат-бота. В процессе общения обучающийся вынужден

внимательно подходить к выбору материала, чтобы быть верно понятым. В этом заключается принцип функциональности. При этом важно наличие обратной связи от “собеседника”, коррекция его речи. Неумение замечать недочеты при прослушивании является одной из основных сложностей с которой сталкиваются школьники. Поэтому в качестве критериев для отбора чат-бота со встроенной нейросетью важна возможность исправления ошибок обучающегося.

В обучении говорению немаловажную роль также играет правильная постановка произношения. Определяющее значение в организации работы по формированию, развитию и поддержанию произносительных навыков имеют три присущие ей особенности: 1) индивидуальный характер данной учебной работы, 2) необходимость в частом обращении к образцу-эталону; 3) обязательный индивидуальный контроль со стороны преподавателя. [4] Обращение к образцу-эталону для прослушивания помогает закрепить в памяти верную аудиальную форму того или иного слова, поэтому в качестве критериев для оценки нейросети можно выделить возможность прослушать ответ “собеседника”.

Мир нейросетей начал стремительно развиваться совсем недавно, однако чат-боты без поддержки ИИ уже прочно вошли в нашу повседневную жизнь. Адаптируя чат-боты без поддержки ИИ под потребности урока английского языка, Баграмова Н. В., Кудрявцева Н. Ф., Пантелеева Л. В., Тютюнник С. И. и Маркова И. В. выделяют следующие критерии [5]:

- доступность бесплатной версии
- возможность самообучения
- поддержка нескольких языков
- дидактический потенциал.

Использование чат-ботов со встроенным ИИ значительно расширяет возможности их интеграции в урок английского языка. Чат-бот перестает быть алгоритмом, способным взаимодействовать исключительно в рамках команд if и else, он начинает учиться и способен претендовать на звание полноценного собеседника при обучении языку. Поэтому требования, предъявляемые чат-боту со встроенным ИИ значительно выше:

1. Наличие обратной связи. Как уже упоминалось, школьники испытывают трудности при поиске ошибок в собственной речи, поэтому им необходима обратная связь в процессе диалога.

2. Возможность голосового ввода. Устная речь сильно отличается от письменной, поэтому для формирования навыков устной речи ученики должны проговаривать фразы, а не печатать их;

3. Наличие бесплатного доступа.

4. Адаптивность. Способность подстроиться под уровень языка позволяет сохранить мотивацию при общении, не делая коммуникацию непосильно сложной или слишком легкой для обучающегося. Кроме того, адаптивность позволяет осуществить плавный переход от простого к сложному, делая общение комфортным и продуктивным.

5. Аудиальное сопровождение. Проговаривание сообщений нейросетью позволяет ученику сравнить свой ответ с образцом-эталоном, скорректировать ошибки и закрепить верную аудиальную форму тех или иных слов.

Итак, в нашей системе оценивания, чат-бот со встроенным ИИ за соответствие каждому из критериев может получить по 5 баллов. В итоге 25 баллов- максимально возможная оценка, которая легко переводится в 100 процентов. Нами было проведено исследование следующих чат-ботов: Speaking club AI, PI- personal AI, Giglish, Character AI, Vondy.

1. В качестве преимуществ чат-бота со встроенным ИИ Speaking club AI (<https://speakingclubai.com/login>) можно выделить:

- Аудиальное сопровождение ответов. Каждый письменный ответ нейросети проговаривается, чтобы ученик познакомился с произношением тех или иных слов. Кроме того, есть возможность выбрать мужской или женский голос для большего комфорта в общении.

- Наличие встроенного перевода. Если ученик не понял вопрос или не уверен в значении той или иной фразы, он может ознакомиться с ее переводом.

- Выбор нескольких языков, доступных для обучения. Ученик может выбрать Итальянский, Испанский, Немецкий, Французский, Японский, Датский и конечно же, Английский языки.

- Простой и интуитивно понятный интерфейс, наличие бесплатной версии.

К недостаткам можно отнести:

- Ограниченное кол-во возможных сценариев на бесплатном тарифе.

- Бот не подстраивается под уровень ученика, однако, при фразе “I don't understand you”, достаточно качественно переформулирует мысль и использует более простую лексику и грамматические конструкции.

- Бот не исправляет ошибок, воспринимает опечатки и грамматические ошибки, никак их не комментируя. Однако при запросе “Correct my mistake”, объясняет какая конструкция использована неверно и предлагает варианты правильных формулировок.

- Отсутствует возможности голосового ввода.

В сумме рассматриваемый чат бот набирает 15 баллов из 25, которые можно перевести в 60% эффективности.

Нейросеть PI- personal AI (<https://pi.ai/talk>) оказалась самой «вежливой». Диалог больше похож на сеанс с психологом, чем на урок английского языка.

Из достоинств можно выделить:

- Повышенный психологический комфорт в общении.

- Полностью бесплатный доступ без ограничений и регистрации на начальном этапе. Учитывая проблему недостатка информационной грамотности у части школьных преподавателей, простота и доступность интерфейса данной нейросети служит ее существенным преимуществом.

- Большой выбор тем для обсуждения: поиск мотивации, оценка сильных и слабых сторон того или иного решения, выбор подарка близкому человеку, советы о том, как справиться с негативными эмоциями, карьерные планы, расширение кругозора интересными фактами, обсуждение философских идей и многое другое. Возможно, обучение с помощью данной нейросети оптимально для старшей ступени или работы со студентами. Кроме банальных тем о еде, спорте, одежде и так далее, стимулируется обсуждение более сложных вопросов, требующих знания продвинутой лексики.

Недостатками этого ресурса являются:

- Сообщения аудиально не дублируются, ученику доступен только визуальный канал восприятия.

- Отсутствие перевода фраз.

- При фразе “I dont understand” нейросеть пытается переформулировать предложение, но это получается достаточно коряво и все еще недоступно для базовой дискуссии.

- Бот не исправляет ошибок, при запросе “Correct my mistake” не всегда способен заметить грамматическую ошибку, в основном опечатки и проблемы в написании слов.

- Отсутствует возможность голосового ввода.

Вывод: нейросеть соответствует критериям на 11/25 баллов, то есть на 44% эффективности.

3. Ресурс Giglish (<https://giglih.com/free>) показал себя подающим большие надежды в обучении языку.:

- Ученику доступен выбор из большого кол-ва различных языков для общения, включая даже Ирландий, Индонезийский, Норвежский, Словацкий и так далее. Английский подразделяется на Американский, Британский и Австралийский.

- Ученику предоставляется право выбора симуляции жизненной ситуации общения или урока.

- Собственные ответы можно печатать, а можно просто проговаривать.

- Вопросы и комментарии ИИ дублируются устно.

- Есть встроенный перевод.

- Предлагаются варианты ответов на случай возникновения сложностей.

- Встроен подробный анализ ответов ученика: оценка произношение тех или иных слов, возможность сравнить их чтение с оригиналом. Разбор грамматических ошибок, демонстрация шаблона верной фразы и объяснение ошибки.

Данная нейросеть практически полностью отвечает заданным критериям, на 24/25 баллов, 96% эффективности.

4. Чат-бот со встроенным искусственным интеллектом Character AI (<https://characterai.us.autho.com/u/login?state=hKFo2SBHakgwNnNRVWZidDV1VE9GM1pla1l5RWpJenM5a2UwU6Fur3VuaXZlcnNhbC1sb2dpbqNoaWTZIF9Ta2dMRUZlUXhGTmkocoh3am9sa1lndEMtbHFoS1FFo2NpZNkgZHlEM2dFMjgxTXFnSVNHNoZ1SVhZaEwyVoVrbnFaenY>)

предлагает обучающимся пообщаться с известными персонажами: героями популярных фильмов, аниме и сериалов, историческими личностями, внесшими вклад в совершенно разные сферы жизни. Чат-бот пытается симулировать стиль общения различных героев, задавая от имени Сократа философские вопросы или рассказывая о немецкой еде от имени Эйнштейна.

К преимуществам данного ресурса относятся:

- Мотивация в общении благодаря нестандартному подходу к выбору собеседника.

- Наличие возможности устного ввода фраз.

- Бесплатный доступ.

Среди недостатков можно выделить:

- Бот не исправляет ошибок, при запросе "Correct my mistake", предлагает шаблон верной фразы, ничего не объясняя.

- Бот не проговаривает фразы, доступен только визуальный канал восприятия

- Бот не подстраивается под уровень ученика, однако, все же реагирует на фразу “I don't understand you”. Однако, Эйнштейн или Сократ не отличаются навыками упрощения лексики до базового уровня.

В сумме чат-бот набирает 15/25 баллов, которые соответствуют 60% эффективности.

5. Также в качестве помощника в изучении иностранного языка можно использовать многофункциональную нейросеть Vondy <https://www.vondy.com/chat/nuWqZzcl>.

К преимуществам ресурса относятся:

- Использование образов известных персонажей для поддержания мотивации диалога, глубокая проработка персонажей. Например, на вопрос о любимой еде “Гарри Поттер” рассказал о сэндвичах Миссис Уизли, а также сладостях Хогвартского экспресса.

- Бесплатный доступ.

- Возможность обмениваться фотографиями.

К недостаткам можно отнести:

- ИИ сложно упростить речь героев, сделав ее более доступной.

- Отсутствие голосового ввода и озвучки вопросов нейросети.

- Сложности с поиском ошибок в ответах даже после прямой просьбы об этом.

Нейросеть позиционирует себя как универсальный инструмент для решения широкого спектра задач: от создания HTML скриптов, до оказания психологической помощи. Поэтому отдельные аспекты, например, изучение иностранного языка в данном случае не являются приоритетными.

Нейросеть соответствует рассматриваемым критериям на 36%, то есть на 9/25 баллов.

Соответствие каждой нейросети выбранным критериям проиллюстрировано на Рисунке 1.

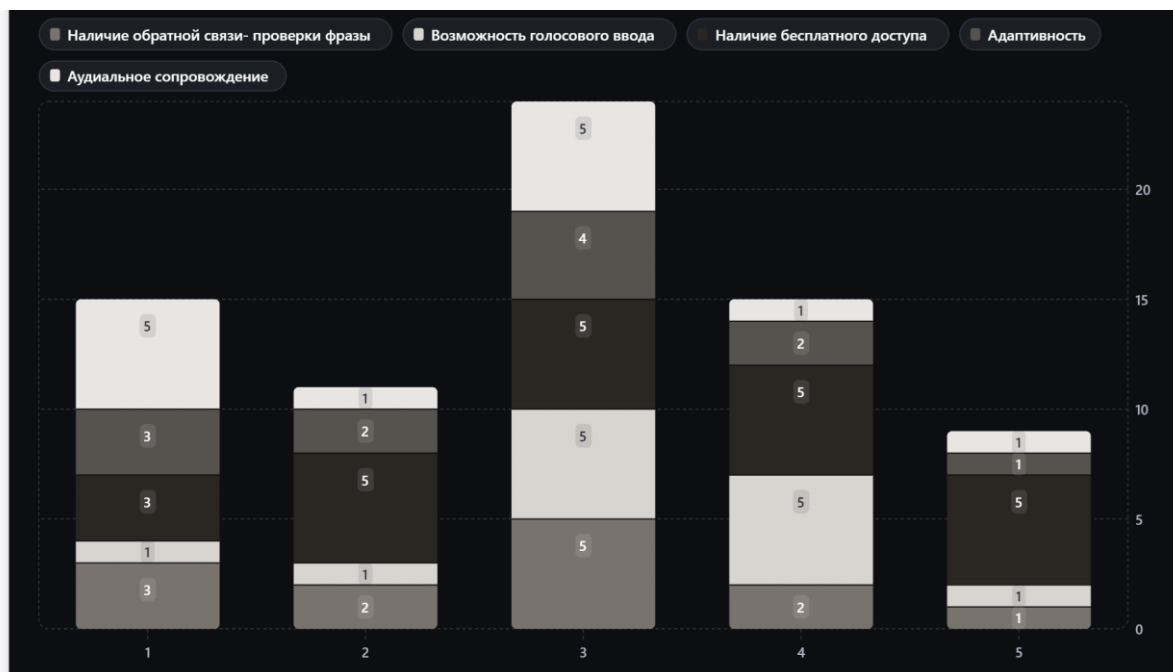

Рисунок 1. Соответствие нейросетей критериям отбора

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть огромный потенциал использования ИИ в обучении иностранному языку. Нейросети расширяют возможности, имитируя доброжелательного, толерантного, готового в любой момент времени к диалогу собеседника. Они могут проанализировать ответ и обратить внимание на ошибки обучающегося, переформулировать сложную фразу более простым и понятным языком. Оптимальным для формирования коммуникативных навыков является чат-бот со встроенным ИИ Gliglish. Его отличают широкий спектр выбора возможных языков для изучения, практическая направленность дискуссий, возможность голосового ввода, адаптивность и наличие качественной обратной связи. В качестве перспектив исследования представляется возможным провести эксперимент среди учащихся общеобразовательной школы с целью выявления эффективности выбранного чат-бота со встроенным ИИ.

Список литературы

1. Калачникова Р. С. проблемы освоения умения говорить на английском языке учеников 8-9 классов и пути их решения // Вестник ТГУ. 2022. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-osvoeniya-umeniya-govorit-na-angliyskom-yazyke-uchenikov-8-9-klassov-i-puti-ih-resheniya> (дата обращения: 20.12.2023).
2. Будникова А. С., Бабенкова О. С. Использование чат-ботов при изучении иностранного языка // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2020. №3 (55). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-chat-botov-pri-izuchenii-inostrannogo-yazyka> (дата обращения: 24.12.2023).
3. Пассов Е. И., Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. Москва: Русский язык, 1989. 276 с.

4. Зонова М. В., Николаева Н. А. Об опыте использования мессенджера WhatsApp при обучении иностранному языку // Наука и образование: сохраняя прошлое, создаём будущее. 2017. С. 189-191.
5. Баграмова Н. В., Кудрявцева Н. Ф., Пантелеева Л. В., Тютюнник С. И., Маркова И. В. Применение чат-ботов при обучении иностранному языку как важное условие повышения качества иноязычной подготовки будущих специалистов в области информатизации образования // Перспективы науки и образования. 2022. № 4 (58). С. 617-633.
6. Alfiah, R., & Zaeni, A. (2021). A Portrait of Teaching and Learning Speaking Strategy at Eighth Grade of English Extracurricular. *International Journal of Education and Humanities*. URL: <https://doi.org/10.58557/ijeh.v1i1.1> (дата обращения: 20.12.2023).
7. Ji, H., Han, I., & Ko, Y. (2022). A systematic review of conversational AI in language education: focusing on the collaboration with human teachers. *Journal of Research on Technology in Education*, 55, 48 - 63. URL: <https://doi.org/10.1080/15391523.2022.2142873> (дата обращения: 10.12.2023).

УДК 81–23

Потемина М. С., Белоусова Е. Д. Немецкий абсентив (Absentiv) как грамматическая и когнитивная категория

Потемина Марина Сергеевна

канд. филол. наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта
РФ, г. Калининград
mpotemina@mail.ru

Белоусова Екатерина Дмитриевна

студент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта
РФ, г. Калининград
belousova.e2003@yandex.ru

German Absentive as grammatical and cognitive category

Potemina Marina Sergeevna

Cand. Sci. (Philology), assistant professor
Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia, Kaliningrad

Belousova Ekaterina Dmitrievna

student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia, Kaliningrad

Аннотация. В работе рассматривается грамматическая категория «абсентив» в немецком языке, представленная Каспером де Гротом. Абсентив (Absentiv) сопоставляется с категорией немецкого прогрессива (Progressiv) и с длительными временами в английском языке (Progressive tenses). С помощью метода сопоставительного анализа, в статье доказывается обособленность абсентива от прогрессива, а также связь абсентива с когнитивными функциями человека.

Ключевые слова: абсентив, грамматическая категория, немецкий язык, когнитивная функция, прогрессив

Abstract. In this article the grammatical category of "absentive" is considered in the German language. It was discovered by Casper de Groot. Absentive is collated with the category of German progressive and English progressive tenses. Due to the method of comparative analysis, it was proved that absentive is a separate category from German progressive and has connection with human cognitive functions.

Keywords: absentive, grammatical category, German, cognitive function, progressive

Введение

Язык – это огромная живая система, имеющая свойство легко адаптироваться к новым реалиям, а также модифицироваться в зависимости от изменений, происходящих в мышлении человека. Довольно продолжительное время языки развиваются по пути упрощения, что вполне объяснимо с точки зрения человеческого сознания и внешних процессов. С развитием технологического процесса ритм жизни

индивида увеличился, общий уровень знаний человечества стабильно растет. В связи с этим появляется потребность в совершенствовании средств выражения, основным из которых выступает живой язык. Со временем часть грамматических конструкций упраздняется, другая часть видоизменяется, и появляются новые категории, позволяющие более емко передать ту или иную мысль.

Одной из таких недавно появившихся категорий является абсентив, представленный голландским лингвистом Каспером де Гротом в 2000 году [1, с. 693]. Данный феномен встречается в восьми европейских языках, среди которых немецкий, венгерский, голландский, итальянский, норвежский, финский, шведский и феринг (севернофризский диалект). Немецкому абсентиву в данной статье будет уделяться основное внимание, поскольку немецкий язык считается самым распространенным из вышеприведенного де Гротом списка. Исследования этой категории проводились немецкоязычными лингвистами в течение десятилетия, например, Авраамом Вернером [2, с. 3], Свеней Кениг [3, с. 42], Олафом Краузе [4] и Петрой Фогель [5, с. 14]. В них затрагивались аспекты возможной принадлежности абсентива к подтипу прогрессива, сравнения категории немецкого абсентива с грамматическими конструкциями английского и голландского языков и употребления абсентива в устной речи (частотность, смысл, коммуникативная ситуация).

Сущность категории абсентива по Касперу де Гроту

При рассмотрении абсентива необходимо обратиться к фундаментальному труду Каспера де Грота, который выделил данную грамматическую категорию и дал ей определение. Согласно де Гроту, абсентив «в основном является пространственной дейктической конструкцией». [1, с. 694]. Данное предположение подтверждается этимологией самого термина, который происходит от английского слова «absent» («отсутствующий»), что обнаруживает пространственную корреляцию. Де Грот отмечает, что данную «конструкцию часто считают подтипом прогрессива» [1, с. 694], однако рассматривать их следует как две принципиально разные категории.

По мнению Каспера де Грота в языке (в труде прослеживается сравнение восьми приведенных языков с английским) «существует множество типов лексических средств, способных выразить отсутствие <...> однако они не содержат (обязательно) сведения о периоде времени, когда человек будет отсутствовать, или что он вернется через некоторое время» [1, с. 694]. Абсентив же, в свою очередь, содержит сведения как о том, что человека, о котором ведется речь, нет в данном месте, поскольку он находится в другом месте и занимается какой-либо деятельностью, так и о том, что этот человек находится там именно в момент речи и

скоро вернется на «ключевое место», в «дейктический центр» (домой, на место работы и т.п.) [1, с. 697]. Так, например, абсентив часто употребляется, когда кто-то спрашивает про «отсутствующего» индивида по домашнему телефону или же стоя у двери его дома, а также когда люди оставляют где-нибудь записку о том, куда они ушли (из дома, с работы и т.п.) [1, с. 695].

Каспер де Грот считает, что «абсентив можно определить как грамматическое выражение отсутствия. Оно содержит четыре типа информации о референте: 1) объект отсутствует, 2) объект вовлечен в какую-то деятельность, 3) можно предугадать, как долго объект будет отсутствовать, 4) объект вернется через некоторое время» [1, с. 695].

Голландский лингвист обращает внимание на то, что «восемь языков представляют пять типов» [1, с. 695] конструкций абсентива. Структуру немецкого абсентива де Грот определил как «глагол-связка + инфинитив» на примере предложения «*Jan ist boxen*».

Каспер де Грот также неоднократно делает акцент на «отдаленности» абсентива. По его мнению, данная грамматическая категория «обычно не используется, когда человек, о котором идет речь, находится по соседству со спикером» [1, с. 698]. Конструкцию абсентива по умолчанию «нельзя комбинировать с придаточной частью по типу «X сидит рядом со мной», потому что такие фразы, естественно, не совместимы с абсентивом». Индивид, о котором говорят сторонние спикеры, не должен быть виден им именно «физически».

Сравнивая абсентив с явлением прогрессива, де Грот уточняет, что абсентив так же, как и прогрессив, подразумевает длительность действия, о котором идет речь, следовательно, «спикер и адресат должны придерживаться этого предположения» [1, с. 700]. Предположение заключается в том, что говорящий стремится передать сведения об ожидаемом периоде времени, когда тот, о ком ведется разговор, будет занят какой-либо деятельностью, которая обязательно должна быть вне «дейктического центра». Период времени же, в свою очередь, «охватывает все активности, связанные с деятельностью, на которую указывает лексический глагол. Количество и виды активностей определяются не лексически, а прагматически» [1, с. 700].

При этом абсентив может быть и статальной конструкцией. Каспер де Грот предполагает, что «спикер при использовании абсентива оставляет вопрос открытым с несколькими возможностями». Так, адресат в диалоге по типу «*Wo ist Hans? Er ist schwimmen*» может подумать следующее: в момент получения информации «Ганс

может быть на пути в бассейн, в самом бассейне или же идти домой из бассейна» [1, с. 701]. Это связано с тем, что абсентив обязательно выражает «два перемещения в пространстве» [1, с. 702] - от дейктического центра и обратно. Именно поэтому во фразах, где представлена конструкция абсентива, отсутствуют предлоги «к» и «от», так как они подразумеваются непосредственно в самой структуре.

Абсентив в принципе предполагает множество лексических и грамматических ограничений ввиду того, что конструкция всегда подразумевает период времени, перемещения в пространстве и отсутствие объекта речи. Так, например, помимо ограничения на использование предлогов места, в немецком абсентиве также не могут быть употреблены глаголы, «не имеющие агента, то есть контролера действия, установленного глаголом» [1, с. 705]. Это может быть объяснено тем, что «абсентив используется для того, чтобы передать информацию о людях, нежели о предметах; абсентив предполагает ряд смежных (предшествующих) действий, которые могут быть выполнены только отсутствующим человеком; объект должен контролировать длительность отсутствия» [1, с. 706].

Более того, конструкция абсентива априори не может иметь пассивной формы. Такая несовместимость может объясняться тем, что «пассив больше сосредоточен на объекте воздействия и уменьшает значимость агента действия» [1, с. 709].

Абсентив как самостоятельная грамматическая категория

Ввиду того, что абсентив считается относительно недавно открытым лингвистическим феноменом, его положение в грамматической системе, в частности его самостоятельность и обособленность от прогрессива, вызывает полемику среди зарубежных исследователей. Так, например, австрийский лингвист Авраам Вернер оспаривает точку зрения Каспера де Грота и других языковедов о том, что абсентив представляет отдельную грамматическую структуру. В своей работе он писал, что «у значения абсентива, в первую очередь, отсутствует категориальное положение. Скорее, оно представляет собой дейктический по отношению к спикеру и, следовательно, ситуативный смысл, далекий от какого-либо грамматического статуса, но, тем не менее, имеющий интересное и вынужденное прагматическое значение и применимость» [2, с. 4].

Немецкоязычные исследователи, в свою очередь, соглашались с точкой зрения де Грота, считавшего, что абсентив является отдельной грамматической категорией из-за наличия дополнительного когнитивного смысла (выражение отсутствия) и структурной аутентичности. Так, к примеру, немецкая лингвист Свеня Кениг и Институт немецкого языка выдвинули идею, что «абсентив не является ни

эллипсисом перфекта, ни абсолютным локативом (местным падежом)» [3, с. 43]. Для них «первостепенным подтверждением» того, что абсентив – это отдельная категория, не относящаяся к подтипу прогрессива, является тот факт, что «для абсентива вторично образование формы глагола, выражающей длительное действие», в то время как «прогрессив преимущественно образует такую длительную форму»; «у абсентива основная мысль заключается не столько в длительности действия, сколько в действии в качестве причины отсутствия субъекта» [3, с. 43].

Олаф Краузе также придерживается мнения, что абсентив и прогрессив существенно различаются тем, что отвечают на разные вопросы. Например, для прогрессива важен именно факт того, чем занимается третье лицо, в то время как абсентив первостепенно выражает местонахождение референта. Следовательно, вопрос к прогрессиву будет сформулирован как «*Was macht Peter gerade?* / Что делает Питер?», а к абсентиву «*Wo ist Peter?* / Где Питер?» [4]. Таким образом, Свеня Кениг делает вывод, что абсентив является «феноменом с собственной грамматической формой, которой присуще свое значение» [3, с. 46].

Кроме того, имеются другие факты, свидетельствующие в пользу того, что абсентив можно считать обособленной грамматической категорией. Несмотря на то, что и абсентив, и прогрессив характеризуются «длительностью и итеративностью» [3, с. 50], вторая категория не способна выражать будущее (факт, что отсутствующий референт через какой-то период времени вернется в дейктический центр), а только ограничивается описанием действия в момент речи.

Вследствие обязательного выражения временного периода в будущем, у абсентива априори не может существовать формы Plusquamperfekt, такой как «*Peter war pokern gegangen*», из-за того, что в данном времени событие происходит до точки отсчета в прошлом, что, соответственно, подкрепляет суждение о том, что абсентив не является «эллипсисом перфекта».

Абсентив также нельзя отнести к локативу, так как он «предоставляет больше сведений, чем локатив <...> не только место, но и деятельность, которой занимается индивид» [3, с. 54]. Таким образом, Свеня Кениг делает вывод, что «абсентив представляет собой грамматическую категорию, которую невозможно объяснить только при помощи традиционных описательных моделей» [3, с. 66].

Сопоставление абсентива с прогрессивом и длительными временами

Некоторые лингвисты ставят под сомнение самостоятельность категории абсентива, приравнивая ее к подтипу прогрессива. Однако применив сопоставительный метод, можно доказать с практической точки зрения, почему

абсентив все же следует рассматривать в качестве отдельного грамматического явления. Сравнить выбранную категорию мы будем с немецким прогрессивом и английскими длительными временами ввиду семантической и структурной схожести.

Под английскими длительными временами понимаются Present Continuous, Past Continuous, Present Perfect Continuous и Past Perfect Continuous. Каспер де Грот начинал рассмотрение категории абсентива именно со сравнения с прогрессивными грамматическими формами, причем английского языка. Так, сопоставление примера с самым распространенным в немецком абсентиве глаголом *einkaufen* и перевода этого же предложения на английский язык с соответствующими по времени Progressive tenses выглядит следующим образом:

Er ist einkaufen. – *He is shopping.* (Präsens – Present Continuous).

Er war einkaufen. – *He was shopping.* (Präteritum – Past Continuous).

Er ist einkaufen gewesen. – *He was shopping / He had been shopping.* (Perfekt – Past Continuous, Past Perfect Continuous).

Немецкий абсентив имеет только три допустимые временные формы: Präsens, Präteritum и Perfekt, которые чисто грамматически соотносятся с английскими Present Continuous, Past Continuous и Past Perfect Continuous. Однако в последнем примере можно увидеть, что предложение «*Er ist einkaufen gewesen*» можно интерпретировать на английский язык двумя способами – «*He was shopping*» и «*He had been shopping*». Хотя второй вариант перевода сочетается структурно (местоимение, глагол-связка «*ist-had*», вспомогательный глагол, показывающий длительность действия «*gewesen-been*» и смысловой глагол «*einkaufen-shopping*»), он будет неверным с семантической точки зрения, так как Past Perfect Continuous является индикатором предпрошедшего длительного действия, которому по идее должен соответствовать немецкий Plusquamperfekt, несовместимый с абсентивом.

Следовательно, три временные формы немецкого абсентива можно передать только с помощью двух английских прогрессивных времен - Present Continuous и Past Continuous. Однако с использованием Past Continuous связана следующая проблема – данное английское время обозначает действие, происходившее обязательно в прошлом параллельно с другим действием, выраженным временем Past Simple. В случае с абсентивом не ведется никакой речи о параллельном действии, только о смежных действиях, таких как *дойти до какого-то места и вернуться в дейктический центр*. Перевод предложения «*Er war einkaufen*» с использованием Past Simple звучал бы как «*He went shopping*», что соответствует семантически в плане завершенности

действия, но в то же время грамматически не выражает длительность, присущую категории абсентива.

Таким образом, при попытке перевода грамматической конструкции абсентива на английский язык с помощью длительных времен возникают следующие сложности: невозможность подобрать эквивалентную грамматическую структуру для прошедших времен *Präteritum* и *Perfekt*, так как *Past Continuous* по умолчанию выражает параллельное по отношению к основному действию в процессе, а *Past Perfect Continuous* передает предпрошедшее длительное действие, что несовместимо с категорией абсентива; *Present Continuous* хоть и соответствует структурно форме *Präsens* абсентива (местоимение, глагол-связка «*ist-is*», смысловой глагол «*einkaufen-shopping*») и отражает длительность действия, не несет в себе обязательной информации об отсутствии референта, о смежных с основным действиях, а также о предполагаемом периоде отсутствия.

Следовательно, такая невозможность выразить грамматическую категорию одного языка эквивалентной, на первый взгляд, структурой другого, добавляет аргумент в пользу того, что абсентив необходимо рассматривать как отдельный лингвистический феномен, а не как подтип прогрессива.

Сравнение двух немецких грамматических категорий, которые часто уравнивают или классифицируют как «вид-подтип», абсентив и прогрессив выглядит следующим образом:

Präsens

Peter ist einkaufen. (Absentiv)

Peter ist am/beim Einkaufen. (Progressiv)

Сопоставляя данные примеры, можно заметить, что единственное, что их связывает – это выражение длительного действия, происходящего в момент речи. Однако, как в случае с английскими длительными временами, немецкий прогрессив не апеллирует к третьему лицу и к его отсутствию в момент речи, демонстрирует только длительность действия и не предоставляет информацию о предполагаемом периоде отсутствия.

Лингвист Петра Фогель сопоставила абсентив не только с прогрессивом, но и с другими конструкциями, которые теоретически могут заменить его. Ее сравнение выглядит следующим образом:

Anna ist schwimmen. – *Anna ist im Schwimmbad.*

- *Anna ist beim Schwimmen.*

- *Anna ist zum Schwimmen* [5, с. 14].

В первом случае она отмечает, что конструкция «относится к месту и к связанной с ним деятельности» [5, с. 14]. Второй случай, прогрессив, «относится к деятельности как к таковой и обычно связанному с ней месту» [5, с. 14]. Третий пример «относится к отдалению от исходной точки с целью плавания» [5, с. 14]. Если сравнить абсентив с конструкциями, выступающими в роли его потенциальной замены, то можно заметить, что абсентив сочетает в себе все вышеперечисленные и дополнительные пункты: цель, деятельность, место, отдаление от дейктического центра и возвращение в него, а также предполагаемый период отсутствия.

Таблица 1. Сравнительно-сопоставительная таблица абсентива, прогрессива и английских длительных времен

Критерии сравнения	Absentiv	Progressiv	Progressive tenses
1. Выражение длительности	+	+	+
2. Грамматическая структура	Глагол-связка sein + инфинитив + gewesen (в Perfekt)	Глагол-связка sein + предлог принадлежности am/beim + субстантивированный глагол	Глагол связка to be/have/had + been (в Present/Past Perfect Continuous) + герундий
3. Выражение отсутствия по умолчанию	+	- (только в контексте)	- (только в контексте)
4. Наличие дополнительной когнитивной информации	+(смежные действия и предполагаемый период отсутствия)	-	-(Past Continuous и Past Perfect Continuous могут подразумевать параллельность/предварительность действия)
5. Формы речи, в которых употребляется	Только устная	Только устная	Устная и письменная

Заключение

Рассмотрев недавно появившуюся в лингвистике грамматическую категорию немецкого абсентива и сопоставив ее со схожими в семантическом и структурном планах явлениями (Табл. 1), можно прийти к выводу, что ее можно считать самостоятельным феноменом, о чем свидетельствует множество фактов. Так, например, если бы абсентив определялся в качестве подтипа прогрессива, то было бы невозможно объяснить, почему предложение с данной категорией не получается интерпретировать без потери смысла на английский язык, используя функционально схожие длительные времена. При этом стоит отметить уникальность абсентива и в семантическом аспекте: ни немецкий прогрессив, ни длительные времена не обладают дополнительной когнитивной информацией в той степени, в

которой это прослеживается у абсентива. Прогрессивным конструкциям присуще только выражение длительности действия; абсентив же, в свою очередь, ёмко передает сведения и об отсутствии референта в момент речи, и о смежных действиях (уход из дейктического центра и возвращение в него), и о предполагаемом периоде отсутствия.

Список литературы

1. Groot, Casper de. The absentive // *Tense and Aspect in the Languages of Europe* / ed. Östen Dahl – Berlin; New-York: Mouton de Gruyter, 2000. – P. 693–718.
2. Werner, Abraham. Absent arguments on the Absentive: An exercise in silent syntax. Grammatical category or just pragmatic inference? // *Language Typology and Universals*. – Berlin: Akademie Verlag, 2008. – P. 3–16.
3. König, Svenja. Alle sind Deutschland ... außer Fritz Eckenga – der ist einkaufen! Der Absentiv in der deutschen Gegenwartssprache // *OPAL-Sonderheft 4/2009*. – Mannheim: Institut für Deutsche Sprache, 2009. – S. 42–74.
4. Krause, Olaf. Progressiv im Deutschen: Eine empirische Untersuchung im Kontrast mit Niederländisch und Englisch. – Tübingen: Niemeyer, 2002. – 255.
5. Vogel, Petra. „Absentiv“ // *Deutsche Morphologie* / E. Hentschel / P. Vogel (Hrsg.) - Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2009. - S. 7–15.

УДК 808.51

Хусьяйнова С. Р. Манипуляция в стратегиях оратора в риторических политических выступлениях (на материале публичных выступлений Трампа)

Хусьяйнова Сание Рафиковна

магистрант кафедры теории и практики иностранных языков
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, РФ, г. Москва
khusyaynova.s@gmail.com

**Manipulation in the speaker's strategies in rhetorical political speeches
(based on the material of Trump's public speeches)**

Khusyaynova Sanie Rafikovna

Graduate student, Department of Foreign Languages in Theory and Practice
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
Russia, Moscow

Аннотация. Статья посвящена осмыслению манипуляции в политических выступлениях, которая реализуется в виде различных стратегий для реализации эмоционального воздействия на электорат. Автор выявляет основные стратегии и тактики, которые чаще всего используются в выступлении политического лидера Дональда Трампа. В статье отмечается значимость личности оратора и убедительность его публичной речи, которые основаны на фигуре политического лидера. Делается вывод, что эффективность стратегий и тактик зависит от ситуации общения, жанра речи, учета политиком особенностей адресата, а их выбор во многом формируется с учетом речевой культуры, а также с учетом типа языковой личности политического лидера, которые формируют его политический речевой стиль и имидж.

Ключевые слова: манипуляция, политический оратор, политическое выступление, Дональд Трамп, стратегии и тактики

Abstract. The article is devoted to the understanding of manipulation in political speeches, which is implemented in the form of various strategies for the realization of emotional impact on the electorate. The author identifies the main strategies and tactics that are most often used in speeches by political leader Donald Trump. The article notes the importance of the speaker's personality and the persuasiveness of his public speech, which are based on the figure of a political leader. It is concluded that the effectiveness of strategies and tactics depends on the communication situation, the genre of speech, the consideration of the addressee's characteristics by the politician, and their choice is largely formed taking into account speech culture, as well as taking into consideration the type of linguistic personality of a political leader, which form his political speech style and image.

Keywords: manipulation, political speaker, political speech, Donald Trump, strategies and tactics

Борьба за власть, стремление управлять массами и привлечь как можно больше сторонников на свою сторону побуждают политиков прибегать к разным видам речевого воздействия, наибольший интерес в науке представляет один из его видов – **манипуляция**.

Существенными отличительными признаками которой является скрытый характер воздействия, что не позволяет адресату распознать подлинные намерения манипулятора и оградить себя от такого рода действий, стремление завладеть волей адресата, чаще всего не принимать во внимание его интересы. К признакам манипуляции также относятся: обладание манипулятором определенных знаний; владение некоторыми психологическими навыками; создание видимости независимости принятия решений у адресата.

Отметим, что, на наш взгляд, отождествлять манипуляцию с обманом непродуктивно. Безусловно, в процессе манипулирования коммуникативный процесс со стороны продуцента речи не является вполне открытым, и, как и в случае с обманом, лестью, подхалимством и иронией, наблюдается расхождение между внешним положительным и внутренним отрицательным отношением отправителя речи к адресату [5].

Характеристики манипуляции тоже могут быть различными, при этом «манипуляция признается односторонним процессом воздействия и основное внимание уделяется языковой личности коммуниканта-манипулятора, тогда как объект воздействия практически остается без внимания» [2, с. 22]

Манипуляция – это психолингвистический процесс, который требует интеграции результатов психологических и собственно лингвистических исследований.

В качестве рабочего в докладе будет использоваться термин «*вербальная манипуляция*» с помощью речевых средств.

Отсутствие научной дефиниции понятия «манипуляция» порождает ряд других дискуссионных проблем, в том числе оснований для создания единой классификации манипулятивных средств и приемов, и актуализирует вопрос о разграничении манипуляции и смежных с ней явлений, таких как риторически организованная речь, языковая демагогия, пропаганда и т.д.

Манипулятивная стратегия состоит из совокупности специфических тактик, с помощью которых достигается цель политической коммуникации. Но манипулятивный прием – это не любое нарушение законов и требований логики.

Публичная политическая речь включает большое количество различных способов и средств внушения.

В политической коммуникации манипуляция часто используется и в качестве стратегии, как специфическая установка на общение (и тогда манипулятивная тактика реализует манипулятивную стратегию), и в качестве приема, как ситуативное и неявное средство воздействия (тогда это манипулятивная тактика при реализации других стратегий).

Для достижения конкретной цели манипулятор обращается к этой тактике, включенной в подготовку и проведение основного воздействия (например, при использовании стратегии самопрезентации или информационно-интерпретационной стратегии).

В устном речевом поведении политиков используются разные манипулятивные тактики: тактика гиперболизации, тактика компрометации, приемы подтасовки фактов, уклонения от ответа, «поспешного» обобщения и т.п.

В качестве материала исследования было использовано политическое выступление бывшего президента США Д. Трампа на Конференции консервативных политических действий (СРАС) 6 августа 2022 года.

Целью исследования является установить состав и частотность тактик, активно используемых политиками для направленного воздействия на массового адресата.

Применяемый метод исследования – прагматический анализ текста, посредством которого были определены интенции, стратегии и тактики коммуникации.

Новизна работы заключается в том, что в ней предпринято системное, многоаспектное описание одной из категорий языка – экспрессивности, реализуемое в рамках риторических стратегий политического лидера, а также проиллюстрированы речевые стратегии и тактики в рамках политического дискурса.

Речевые стратегии и тактики играют ключевую роль в раскрытии и реализации основных характеристик политического дискурса и также имеют множество вариантов трактовки.

Отмечаем, что в современной лингвистике нет единства в выделении и определении разнообразных видов и средств речевой манипуляции.

В настоящем исследовании используется подход, предложенный О. Л. Михалёвой, основанный на изучении дискурса по целям, участникам, способам общения, к которым относятся три вида речевых стратегий: стратегия на повышение, стратегия на понижение, стратегия театральности.

Стратегия на повышение отражает стремление говорящего представить себя в выгодном свете, максимально увеличить собственную значимость в глазах электората, направлена на демонстрацию собственной кандидатуры исключительно с позитивных сторон. Данная стратегия реализуется за счет следующих тактик:

1) тактика анализ-«плюс» – разбор ситуации, предполагающий имплицитное (скрытое) выражение положительного отношения говорящего к описываемой ситуации или поступкам людей;

2) тактика презентации – представление кого-либо в положительном свете, для реализации которой используются лексические единицы с положительной коннотацией, осуществляется прямое указание на положительные качества предмета речи;

3) тактика неявной самопрезентации может считаться частным случаем тактики презентации, используя которую политик косвенно выставляет самого себя или свою партию в наиболее выгодном свете;

4) тактика отвода критики и самооправдания, подразумевающая приведение аргументов и/или фактов с целью оправдания или объяснения каких-либо действий и поступков [6].

По результатам проведённого анализа, в рамках стратегии на повышение, нами установлено, что Д. Трампом употреблялись все тактики в стратегии на повышение, наиболее часто использовались: тактика неявной самопрезентации – 42%, тактика самооправдания – 25%, тактика отвода критики – 25%.

Так, при использовании тактики самопрезентации политик делает комплименты своему окружению, коллегам, соратникам, членам семьи, перечисляет их достоинства и выражает благодарность каждому, транслируя своим избирателям и свой собственный позитивный образ. Так, например, Трамп для этого использует метафоры, различные эпитеты и повторы *our*, которые относят политика к части нации, выражают его солидарность с общими интересами, общей гордостью за величие страны. Это все добавляет эмотивности высказыванию. Проявление данной тактики можно увидеть в примере:

The proud patriots here today are the beating heart of the conservative movement. The beating heart. You are the loyal defenders of our heritage, our liberty, our culture, our Constitution, and our God-given rights.

Чтобы отвести критику от себя, Трамп переключается на анализ действий политиков Нэнси Пелоси и Джо Байдена. Он субъективно оценивает их деятельность, используя словосочетания, имеющие отрицательную коннотацию. Также для

противопоставления себя и своих действий фигурам Пелоси и Байдена он использует антитезу «свой – чужой». Также для самооправдания он апеллирует цифровыми данными, чтобы звучать убедительней. В приведенном ниже примере тактика самооправдания и тактика отвода критики используются в совокупности:

The contrast between the Trump administration's amazing success and the Biden administration's brehtaking failure could not be more stark. Let's look at the facts. I got gasoline, gasoline for cars, put it in the tank. Thank you very much. \$ 1.87 a gallon I got it down to. They have it now at \$5, \$6, \$7.

Стратегия на понижение применяется для дискредитации политического противника, следовательно, тактики, используемые в данной стратегии, эксплицитно или имплицитно формируют отрицательное мнение о предмете коммуникации и направлены на то, чтобы дестабилизировать конкурента.

Данная стратегия осуществляется при помощи следующих тактик:

- 1) тактика «анализ-«минус» подразумевает имплицитное, неявное выражение отрицательного отношения к описываемому предмету, объекту, явлению и т.д.;
- 2) тактика обвинения, т. е. определенному лицу приписывается вина в совершении неблагоприятных дел, поступков, качеств;
- 3) тактика безличного обвинения очень схожа с предыдущей тактикой, но виновник при этом не указывается;
- 4) тактика обличения, речь идет о вине, но при этой тактике приводятся определенные факты, аргументы;
- 5) тактика оскорбления, т.е. частое использование в речи слов, которые будут наносить человеку обиду.

По результатам проведенного анализа, в рамках стратегии на понижение в выступлении Д. Трампа из пяти приведенных выше тактик выявлены следующие тактики: тактики обвинения – 50% и оскорбления – 25%.

Критикуя демократов и оценивая их деятельность, Трамп для убедительности приводит статистику и вспоминает конкретные случаи. Также он стесняется в выражениях и обзывает своего оппонента «старой вороной». Применение тактики обвинения и тактики оскорбления можно наблюдать в нижеприведенном примере:

I told the old broken crow, Mitch McConnell, that this was going to happen. He approved that infrastructure deal for trillions of dollars, and 91% of it is Green New Deal nonsense.

Когда дело касается политических противников, Трамп всегда отличается изобретательностью в придумывании им кличек, знает, как унижить и оскорбить

противника, подчеркивает его слабые стороны не только в карьере, но и во внешности тоже. Например, в примере показано, что Трамп не только обозвал американского политика-демократа, Адама Шиффа, «психом», но и отметил биологические особенности его формы головы, что создает впечатление, что Трамп не считает представителей демократической партии своими соперниками, он их не уважает.

And now we have the January 6th unselect committee of political hacks and folks like Schiff. He's a psycho, but he is not as stupid. And he does have an oddly shaped head. It's shaped like a watermelon.

Стратегия театральности политического дискурса формируется на основе учета говорящим аудитории (адресата-наблюдателя), т.е. потенциального избирателя. По мнению Е. И. Шейгал, театральность политического дискурса связана с тем, что народ (непрямой адресат дискурса) воспринимает политические события как некое зрелищное представление, которое специально для него разыгрывают [10, с. 92].

Данная стратегия представлена девятью тактиками:

- 1) тактика предупреждения, предостережение, предваряющее извещение о возможных событиях, действиях, ситуациях и т.п.;
- 2) тактика побуждения, призыв к какому-либо действию, принятию точки зрения;
- 3) тактика кооперации, способ обращения к адресату, с помощью которого говорящий конструирует образ последнего, апеллируя к идеям и ценностям, носителем которых он (по мнению говорящего) является;
- 4) тактика размежевания, выявление различий и несходства в позициях и мнениях;
- 5) тактика информирования, приведение данных и фактов, несопровожаемое выражением личного отношения говорящего;
- 6) тактика обещания, добровольное обязательство сделать что-либо;
- 7) тактика прогнозирования, предсказание, суждение о дальнейшем течении, развитии чего-либо на основании интерпретации различных имеющихся данных;
- 8) тактика иронизирования, осуществление воздействия за счёт контраста между сказанным и подразумеваемым;
- 9) тактика провокации, подстрекательство кого-л. к таким действиям, которые могут повлечь за собой тяжёлые для него последствия.

По результатам проведённого анализа, в рамках стратегии театральности, нами установлено, что Д. Трампом употреблялись 3 из 9 тактик в стратегии театральности,

наиболее часто использовались: тактика побуждения – 25%, тактика кооперации – 25%, тактика прогнозирования – 25%.

Для побуждения своих соратников к решительным действиям Трамп использует модальные глаголы *have to* и *need*, которые имеют функцию должествования в разной степени. Тактику побуждения можно наблюдать в следующем примере:

We need to return to the tried and true strategy of a thing called stop and frisk. We have to take the guns away from people that are criminals.

Для сплочения соратников и приверженцев республиканской партии Трамп использует местоимения “*we*”, “*our*”, “*us*”, чтобы показать, что он вместе с ними, что они вместе трудятся на благо их общей страны. Тактика кооперации применяется в данном примере:

And we are going to get our country back. As long as we can not lose our spirit, our movement will never be defeated.

Прогнозируя будущее Америки, бывший президент США использует сравнение с другой страной, чтобы наглядно показать, что может случиться, если американца не начнут действовать.

Our nation is doomed to become another Venezuela or become another Soviet Union, which is where we're headed. Or become a very large scale version of Cuba where all is lost and there is no hope.

В графическом виде применяемые **Дональдом Трампом** стратегии представлены следующим образом (см. рисунок 1). Проведённый анализ показал, что речевые стратегии используются политиком неравномерно, наиболее часто применяется стратегия театральности – 41%, далее следует стратегия на повышение – 34%, затем стратегия на понижение – 25%.

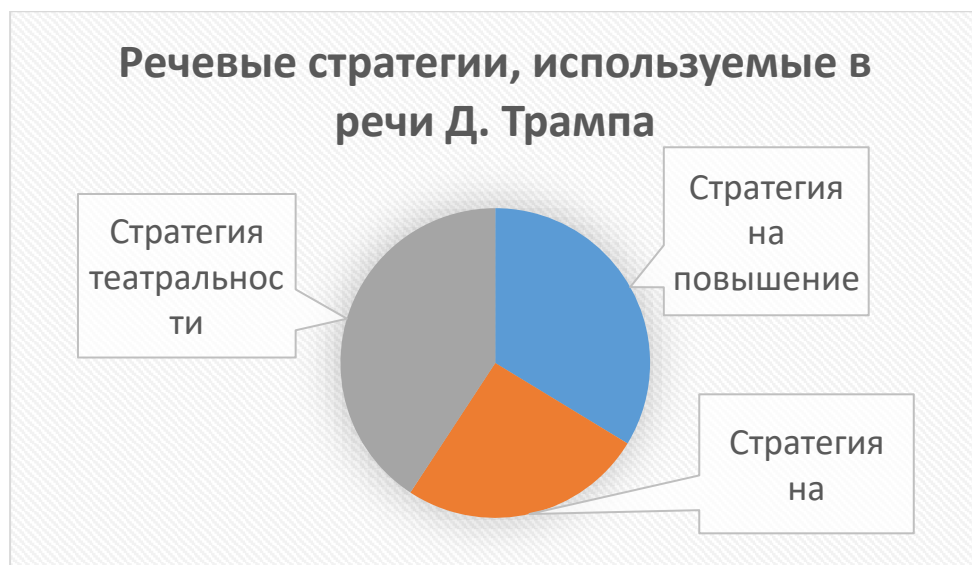

Рисунок 1. Речевые стратегии, используемые в речи Д. Трампа

Проведённый анализ выступления политика показал, что он активно реализует разнообразные речевые стратегии и тактики в своем выступлении, Использование трёх видов речевых стратегий в политическом дискурсе Дональда Трампа распределено неравномерно, преобладает стратегия театральности. Стратегия театральности применяется для повышения уровня зрелищности и отличается повышенной эмоциональностью.

Данные стратегии поддерживаются системой тактик, которые тесно взаимосвязаны, используются в совокупности с друг с другом. Полагаем, что эффективность стратегий и тактик зависит от ситуации общения, жанра речи, учета политиком особенностей адресата, а их выбор во многом формируется с учетом речевой культуры, а также с учетом типа языковой личности политического лидера, которые формируют его политический речевой стиль и имидж.

Несмотря на то, что речевая манипуляция является постоянным объектом различных лингвистических исследований, основные сложности изучения феномена манипуляции информацией в политическом дискурсе остаются и до настоящего времени. Полагаем, что это связано:

- 1) с междисциплинарным характером предмета исследования;
- 2) со смешением различных способов воздействия в речевых практиках;
- 3) с отсутствием в лингвистике общепризнанной классификации средств и приемов манипуляции;
- 4) с низкой информированностью населения относительно природы и форм манипуляции, а также существующих технологий манипулирования, что значительно облегчает возможности и расширяет границы манипулятивного воздействия.

Список литературы

1. Беляева, И. В. Феномен речевой манипуляции: лингвоюридические аспекты: дис. доктор. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2009. – 40 с.
2. Денисюк, Е. В. Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативно-прагматический аспект: дис. кан. филол. наук. – Екатеринбург, 2003. – 200 с.
3. Доценко, Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: ЧеРо, Изд-во МГУ, 1997. – 344 с.
4. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: ЛКИ, 2008. – 288 с.
5. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 80 с.
6. Михалева, О. Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.

7. Паршина, О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: монография / под ред. О. Б. Сиротининой. – Астрахань: Изд-во АГТУ, 2004. – 195 с.
8. Пищальникова, В. А., Хусьянова, С. Р. Специфика речевой манипуляции политиков в сети на материале социального сервиса Твиттер / Этнопсихоллингвистика. – 2020. – № 2(5). – С. 21-45.
9. Стернин, И. А. Введение в речевое воздействие / И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки. – 2001. – 252 с.
10. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. докт. филол. наук. – Волгоград, 2000. – 440 с.

Список источников

11. Former President Donald Trump speaks at CPAC: [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/former-president-donald-trump-speaks-at-cpac-8-06-22-transcript> (дата обращения: 30.11.2023).

УДК 81.27

Царькова О.А. Лексическая единица «power» в речи американских политиков: семантика и прагматика

Царькова Ольга Александровна

старший преподаватель кафедры английского языка и методики преподавания ин.языков, Самарский государственный социально-педагогический университет РФ, г. Самара

The notion “power” as represented in the speech of American politicians: syntagmatics and pragmatics

Tsarkova O.A.

Senior lecturer, Department of Foreign Languages and Teaching Methods Samara State University of Social Science and Education, Russia, Samara

Аннотация. Лексические единицы “power” и “powerful” являются ключевыми в репрезентации власти как центрального понятия политического дискурса. Проанализировав употребление данных лексем в речи крупнейших американских политиков 2010х годов Барака Обамы, Хилари Клинтон и Дональда Трампа, авторы приходят к выводу, что репрезентация ключевого концепта «власть» различается в индивидуальном дискурсе анализируемых политических деятелей. В дискурсе Барака Обамы структура концепта «власть» является более «децентрализованной», в то время как в дискурсе Дональда Трампа и Хилари Клинтон происходит сужение смысловых доминант структуры концепта. Подобные различия объясняются изменениями в социо-политической ситуации в Америке.

Ключевые слова: политический дискурс, политическая лингвистика, концепт «власть», power, структура концепта, вербализация концепта

Abstract. The words “power” and “powerful” are the key lexical units which serve as a means of expressing one of the most important notions in the sphere of politics. Having analyzed the use of these items in speeches of such significant American politicians of 2010s as B. Obama, H. Clinton and D. Trump. According to the results of the research, in the individual discourse of Barak Obama concept ‘power’ is represented through the biggest number of semantic elements, while in the discourses of Donald Trump and Hillary Clinton the concept under analysis represents through narrowed semantic dominants and reveals more similarity. The author argues that the concept of power is treated differently in the discourse of these political figures, which is accounted for by the changes in the socio-political situation.

Key words: political discourse, “power” concept, concept structure, political linguistics, concept verbalization

Власть как центральное понятие политического дискурса представляет особый интерес для исследователей. С развитием СМИ политика проникает в жизни обычных граждан всё больше и больше, многие исследователи политического дискурса отмечают, что современное общество, в целом, стало более политизированным (М. В. Данилов [1], Г.Б. Кучик [3], и др.). Неудивительно, что в современной политической

лингвистике среди исследователей существует повышенный интерес к изучению вопросов власти языка (С. Муди и З. Р. Есламзи [4], И. А. Зюбина и Г. Г. Матвеева [5]) и непосредственно концепта «власть». Здесь можно отметить работы Е. И. Шейгал [6], Л. В. Минаевой [7], Л. С. Чикилевой [8], О. Ю. Бойцовой [9], Л. А. Халиловой [10] и др. Кроме того, многие исследователи (например, В.И. Карасик [11], Е.Р. Левенкова [12], А. А. Карамова [13]) отмечают сложность анализа данного концепта, связанную с отсутствием какой-либо физической опоры данного концепта в материальном мире.

Актуальность настоящего исследования обусловлена идеей о том, что «власть» как центральное понятие политического дискурса так или иначе присутствует в индивидуальном дискурсе любого политика, однако в зависимости от индивидуальных особенностей актора, его политической программы, а также существующих в обществе социально-политических тенденций и политической повестки, трактовка данного понятия отличается – определённые элементы структуры концепта «власть» могут приобретать большее значение, а другие, наоборот терять свою актуальность в условиях текущей политической обстановки.

В настоящей статье ставится задача рассмотреть специфику реализации лексической единицы «power» как ядерной лексемы концепта «власть» на материале публичных выступлений крупнейших американских политиков США Х. Клинтон, Б. Обамы и Д. Трампа в период «новой холодной войны» (2014-2018гг). Выбор объекта исследования объясняется тем, что данная языковая единица является ключевой в реализации базового онтологического концепта политической коммуникации – концепта «власть». Напряжённая геополитическая ситуация в современном мире во многом определяется политическим курсом США, который направлен на установление контроля не только на своей территории, но также на территории других стран, как в экономическом, так и политическом смысле. Изучение языковых средств, связанных с понятием власти, призвано дать более полное представление не только о вербальном имидже политика, но о том, какое именно содержание вкладывают в данное понятие разные политические деятели. Вербальный имидж, или (в терминологии Л. В. Минаевой образ риторика в политической коммуникации [14, с. 54]) неоднократно привлекал к себе внимание исследователей, обращавшихся к лингвистическому анализу политических речей таких деятелей, как Барак Обама, Уго Чавес и Николя Саркози [15, с. 8-22] и др. Однако способы вербальной репрезентации понятия власти в сопоставительном плане до сих пор остаются недостаточно исследованными, и прежде всего, в отношении американских политиков второй декады 21-ого века. Именно этим объясняется актуальность избранной темы.

В соответствии с задачами, поставленными в рамках данной статьи, остановимся, прежде всего, на некоторых методологических посылках исследования.

В качестве материала исследования избраны тексты, реализуемые в политическом дискурсе, и поскольку данное понятие получает разную трактовку, представляется правомерным, прежде всего, определить его содержание. В широком смысле это понятие включает такие формы устного либо письменного общения, в которых к сфере политики относится хотя бы одна из его составляющих - субъект, адресат либо содержание сообщения. Этой точки зрения придерживаются, в частности, Е.И. Шейгал которая рассматривает политический дискурс как объект, существующий в двух измерениях - реальном и виртуальном, при этом в реальном измерении он понимается как «текст в конкретной ситуации политического общения», виртуальное измерение которого включает вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание сферы политической коммуникации, тезаурус прецедентных высказываний, а также модели типичных речевых действий и представление о типичных жанрах общения в данной сфере» [6, с. 22]. В узком смысле слова к политическому дискурсу относят тексты политиков, реализуемые в устной или письменной формах в таких жанрах политической коммуникации, как правительственные указы, политические дебаты, речи политиков и т. д. Понимание политического дискурса как сферы коммуникации политиков находит обоснование в работах известного нидерландского ученого Т. ван Дейка [16, с. 12–15]. Именно этого подхода мы и придерживаемся в своем исследовании.

Важно отметить, что политический дискурс является статусно-ориентированным, то есть, представляет собой институциональное общение – речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов, число которых определяется потребностями общества на конкретном этапе его развития [11, с.190-191]. Другими словами, выступая публично, политик не высказывает собственную точку зрения по определённому вопросу, а выступает от лица определённой партии, организации, либо целой страны.

Как социокультурный концепт, «власть» представляет собой некий объект, обладание которым даёт субъекту исключительные права или привилегии. Рассматривая данный концепт в своей монографии «Языковые ключи», В. И. Карсик называет его признаковым свойством возможность по своей воли определять повеление кого-либо. В качестве основных фреймов концепта автор выделяет

«одушевлённые объект и субъект подчинения, причины, цели и способы подчинения» [11, с.59].

В лингвистической литературе достаточно полно обосновано положение о том, что лингвокультурный концепт представляет собой сложную, многомерную структуру. Более того, этот объект не является статичным – он может различаться по силе, он может быть ограниченным и разнонаправленным. Описание структуры концепта осуществляется с разных позиций. В.И. Карасик, выделяя в структуре концепта понятийный (информационно-фактуальный) компонент, образно-перцептивный компонент, и ценностную составляющую (оценка и поведенческие нормы), рассматривает данный объект в функционально-прагматическом плане [11, с. 118].

З.Д. Попова и И.А Стернин выделяют в структуре концепта ядро и периферию [18, с.58]. Ядро концепта включает в себя словарные дефиниции лексической единицы, на периферии находятся реализации данного концепта в дискурсе. При этом периферия структурируется от менее абстрактных к более абстрактным значениям. Чем дальше на периферии находится определённое значение, тем более высока вероятность непонимания участников коммуникации друг другом, поскольку содержание различных слоёв концепта в сознании говорящего различно. В методологическом плане такое понимание структуры концепта оправдано тем, что здесь выделяются два взаимосвязанных аспекта, относящиеся к языку и речи. В то же время, на наш взгляд, здесь (как и в большинстве работ, посвященных описанию концептов) нет достаточно последовательного разграничения логико-понятийного и собственно языкового (лексико-семантического) аспектов.

В языковом наполнении ассоциативного поля, выступающего в качестве лексического средства выражения концепта «власть», центральное место занимает лексическая единица «power». Эта единица выступает как самостоятельный элемент высказывания, как компонент лексической синтагмы (powerful) и как компонент синтагм синтаксического типа. К последним относятся: глагольные сочетания: come to, rise to, seize, take, restore sb to, hold, exercise, use, wield, delegate power и т.д.; номинативные сочетания: power struggle, power unit и т.д; атрибутивные сочетания: absolute, ultimate, considerable, enormous, limited, arbitrary, popular, secular power и т.д.

На основании лексикографических данных [19] в семантической структуре слова можно выделить следующие составляющие: strength, influence, might, control, energy, country authority, force. Анализируя реализацию слов power и powerful в текстах публичных выступлений трех политиков, мы ставили перед собой задачу выявить

общее и различное в том, какое содержание вкладывают политики в понятие власти. В качестве материала экспериментального исследования избраны политические речи Б. Обамы, Х. Клинтон и Д. Трампа, опубликованные на сайтах новостных изданий Vox, The New York Times, Politico, а также на официальном сайте Барака Обамы obamaspeeches.com. Общий объем выборки составил 63 текстовых фрагмента, включающих данные единицы. Основные результаты исследования приводятся ниже.

В речи Барака Обамы наиболее частотным оказывается реализация названных единиц в значении *influence* (25%). Приведем примеры из речи Обамы на пресс-конференции по экономическому развитию в 2014 году, иллюстрирующие реализацию данного значения:

*«And when I say that we've just had six months of more than 200,000 jobs that hasn't happened in 17 years that shows you **the power of persistence**. It shows you that if you stay at it, eventually we make some progress. All right?»*

В этом примере словосочетание «*power of persistence*» призвано подчеркнуть упорство, с которым американская нация способна преодолеть любые проблемы.

Рассмотрим другой пример.

*«Hard-nosed diplomacy, leadership that has united **the world's major powers** offers a more effective way to verify that Iran is not pursuing a nuclear weapon».*

В данном фрагменте речи Обама говорит о способности стран влиять на политику другой страны: чем больше власти имеет государство, тем большее влияние оно оказывает на других участников политического процесса.

Другими часто встречающимися значениями являются *power = authority* (18%), *power = control* (18%), *power = strength* (14%), *power = might* (7.4%).

Интересным представляется следующий пример:

«Apparently people have forgotten that America, as the most powerful country on Earth, still does not control everything around the world». Здесь рассматриваемая лексическая единица реализуется в значении «*might*». Обама намеренно нивелирует значение «*control*»: с точки зрения Обамы власть не обязательно подразумевает контроль и полное подчинение.

Рассмотрим особенности риторики Хиллари Клинтон. Большинство употреблений лексических единиц *power* и *powerful* имеют значение «*might*» (29%):

«Don't be afraid of your ambition, of your dreams, or even your anger—those are powerful forces».

В данном фрагменте прилагательное *powerful* семантически связано с существительными *dreams*, *ambitions* и *anger*, обозначающими источник мотивации граждан Америки к деятельности, той мощной движущей силы, которая способна побудить американскую нацию к реальным изменениям в обществе.

Другими важными компонентами понятия *power* являются «control» (12%), «authority» (11%), «strength» (6%).

В речах американского президента Дональда Трампа понятие *power* реализуется в основном, через значение «might» (37%). Несколько ниже частотность реализации значений «authority» (31%) и «influence» (25%). Интересным представляется тот факт, что значение «authority» может иметь как положительную, так и отрицательную коннотацию. Так, Трамп говорит о России и Китае как о политических оппонентах Америки: «*We also face rival powers, Russia and China, that seek to challenge American influence, values, and wealth*». Россия и Китай в данном высказывании представлены как страны-соперники (*rival powers*), которые ставят под угрозу влияние, благосостояние и ценности Америки из-за своего значительного влияния на политической арене.

Таким образом, результаты проведенного анализа свидетельствуют о существенных различиях в тех смыслах, которые вкладывают в понятие политические деятели США. Во время президентства Барака Обамы структура понятия «власть» была менее централизована, основными значениями данного концепта являются «influence, authority, strength, control, might». Однако в дискурсе Клинтон и Трампа прослеживается сужение смысловых доминант, и на первый план выходит значение «might», которое не было столь ярким в речи Барака Обамы. На наш взгляд, эти различия связаны с существенными изменениями в социально-политической ситуации рассматриваемого периода, а также с различиями в избираемой политической стратегий каждого из описанных деятелей США.

Список литературы

1. Данилов М. В. Политизация современного общества: теоретические и прикладные аспекты // Правовая политика и правовая жизнь. 2010. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politizatsiya-sovremennogo-obschestva-teoreticheskie-i-prikladnye-aspekty> (дата обращения: 17.07.2023).
2. Кучик Г. Б. Концептуальные вопросы коммуникативного содержания политического текста // European journal of literature and linguistics. 2015. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-voprosy-kommunikativnogo-soderzhaniya-politicheskogo-teksta> (дата обращения: 18.07.2023).
3. Moody S., Eslami Z.R. Political Discourse, Code-Switching, and Ideology // Russian Journal of Linguistics. - 2020. - Vol. 24. - N. 2. - P. 325-343. URL: <https://journals.rudn.ru/linguistics/article/view/24096> (Дата обращения: 18.12.2023).

4. Зюбина И. А., Матвеева Г. Г. Неэкологичное доминирование в политическом дискурсе // Известия ВГПУ. 2022. №3 (166). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neekologichnoe-dominirovanie-v-politicheskom-diskurse> (дата обращения: 18.12.2023).
5. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса, дис. ...д.ф.н.: 10.02.01, 10.02.19 / Шейгал Елена Иосифовна. - Волгоград., 2000. - 431с.
6. Минаева Л.В. Речь в мире политики. М - Аспект Пресс, 2019. – 224 с.
7. Чикилева Л. С., Сергеева А. Г. Политический дискурс парламентских дебатов: прагмалингвистический аспект // Российский гуманитарный журнал. 2020. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-diskurs-parlamentskih-debatov-pragmalingvisticheskiy-aspekt> (дата обращения: 30.10.2023).
8. Бойцова О. Ю. "Власть" как концепт: фиксация смыслов в языке и их интерпретация в современной политической философии // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2018. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vlast-kak-kontsept-fiksatsiya-smyslov-v-yazyke-i-ih-interpretatsiya-v-sovremennoy-politicheskoy-filosofii> (дата обращения: 18.12.2023).
9. Халилова Л. А. Политический дискурс: стремление к простоте или изяществу? // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2021. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-diskurs-stremlenie-k-prostote-ili-izyaschestvu> (дата обращения: 18.12.2023).
10. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. - 477 с.
11. Левенкова Е.Р. Британский и американский политический дискурс: контрастивный анализ /Е.Р. Левенкова – Самара: ПГСГА, 2011. – 306 с.
12. Карамова А. А. Средства репрезентации концепта «власть» в текстах политического дискурса (на материале предвыборных программ парламентских выборов 2021 г.) // Политическая лингвистика. 2022. №5 (95). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-reprezentatsii-kontseptov-vlasti-v-tekstah-politicheskogo-diskursa-na-materiale-predvybornykh-programm-parlamentskih-vyborov> (дата обращения: 18.12.2023).
13. Минаева Л. В. Роль речевой коммуникации в создании имиджа //Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2000. — № 1. — С. 55–72.
14. Мохова Е. К. Метафорическая репрезентация категории СВОИ - ЧУЖИЕ в президентском дискурсе Барака Обамы, Николя Саркози и Уго Чавеса [Текст]: автореф. дис.канд филол. наук / Е. К. Мохова. - Екатеринбург, 2011. – 23 с.
15. Dijk T.A. van. What is Political Discourse Analysis / T.A. van Dijk. - Amsterdam, 1998. - 78 p.
16. Попова З.Д., Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. Воронеж: 2001 - 191 с.
17. Oxford Dictionary of English. Режим доступа: <https://en.oxforddictionaries.com/> (Дата обращения: 19.03.2022)

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.134.2

Соколова К.А. Компаративные фразеологизмы с цветовым компонентом «жёлтый» и «зелёный» в романских языках

Соколова Ксения Андреевна

Санкт-Петербургский Государственный Университет, Филологический факультет
Кафедра романской филологии, Кандидат филологических наук, ассистент
sokol.www@mail.ru

Comparative phraseological units with the color component "yellow" and "green" in Romance languages.

Sokolova Kseniia Andreevna

Saint Petersburg State University, Faculty of Philology
Department of Romance Philology Ph.D. (Linguistics), Assistant

Аннотация. В статье исследуются фразеологизмы-сравнения с цветовым компонентом «жёлтый» и «зелёный» во фразеологии трёх западно-романских языков (испанском, французском и итальянском) на материале лексикографических источников с привлечением художественных текстов из интернет-источников в качестве иллюстративного материала. Рассматриваемые единицы характеризуются высокой степенью интенсификации своего собственно-цветового значения и частотностью употребления в текстах различной направленности. Также фиксируются добавочные значения в виде эстетических и этических оценок.

Ключевые слова: компаративные фразеологизмы, цветообозначение, эталон сравнения, оценка, западно-романские языки

Abstract. The paper shall consider some stable comparative constructions with the color component "yellow" and "green" in the phraseology of three Western Romance languages (Spanish, French and Italian) based on lexicographic sources with the involvement of literary texts and Internet sources as illustrative material. The units under consideration are characterized by a high degree of intensification of their proper color meaning and frequency of use in texts of various orientations. Additional values are also recorded in the form of aesthetic and ethical assessments.

Key words: comparative phraseological units, color term, etalon of comparison, evaluation, Western romance languages

Как справедливо отмечает Gutiérrez Ordóñez, «человек постоянно охвачен стремлением к сравнению. Исследовать, измерять, познавать – значит – сравнивать ...» [14, с. 9].

Философы языка неоднократно подчеркивали, что способность сравнивать органически входит в процесс человеческого познания и является одним из средств формирования языка. «Сравнить, то есть, сопоставить ‘одно’ с ‘другим’ с целью выявить их возможные отношения; посредством сравнения мир постигается как

‘связное разнообразие’» [7, с. 623], целью которого представляется «установление сходства и различия предметов и явлений действительности» [ibid].

Нельзя не согласиться с мнением Г.Л. Денисовой, что «компаративная единица запускает механизм движения в сторону детализации, конкретизации признака, является вербальным стимулом к сравнению как к механизму получения выводного знания. Регулярность использования компаративных единиц в речи объясняется стремлением к детализации, конкретизации непомерно обобщённых представлений о признаках, объективируемых словом, и возможностью реализации «принципа наглядности» [2, с. 6].

Анализ практического материала показал, что все исследуемые компаративные фразеологизмы (КФ) демонстрируют сходства и различия в выборе эталонов сравнения в трёх языках.

Таблица 1. Эталоны сравнения для «жёлтого цвета» в испанском, французском и итальянском языках

испанский	французский	итальянский
Зоонимы (1): <u>un canario</u> (канарейка)	Зоонимы (3): <u>un serin</u> (канарейка), <u>un poussin</u> (цыплёнок), <u>un canari</u> (канарейка)	Зоонимы (1): Un rigogolo (иволга)
	Продукты питания (1): <u>le safran</u> (шафран)	Продукты питания (3): <u>una frittata</u> (яичница), <u>l'olio</u> (растительное масло), <u>lo zafferano</u> (шафран)
Материалы (2): <u>la cera (virgen)</u> (неплавленный) воск), <u>el oro</u> (золото)	Вещества и материалы (4): <u>un cierge pascal</u> (пасхальная восковая свеча), <u>cire (de la cire)</u> (воск (из воска)), <u>du pankin</u> (из нанки (ткань)), <u>l'or</u> (золото), <u>de l'ocre</u> (охра)	Вещества и материалы (2): <u>la cera</u> (воск), <u>l'oro di zecchino</u> (высокопробное, червонное золото).
Фитонимы (2): <u>un limón</u> (лимон), <u>un lirio</u> (ирис)	Фитонимы (3): <u>un citron</u> (лимон), <u>une orange</u> (апельсин), <u>un coing</u> (айва).	Фитонимы (3): <u>una carota</u> (морковь), <u>un limone</u> (лимон), <u>un porone</u> (дыня).
Природные объекты и явления (2): <u>el sol</u> (солнце), <u>el fuego</u> (огонь).		
Сфера смерти (1): <u>un muerto</u> (мертвец)		Сфера смерти (2): <u>la febbre gialla</u> (желтая лихорадка), <u>un morto</u> (мертвец)
Предметная сфера (1): <u>un pergamino</u> (пергамент).	–	
	Флоронимы (1): <u>un souci</u> (ноготки).	

Все КФ, в состав которых входит колоративный компонент «жёлтый», могут выражать следующие значения:

1) пейоративную эстетическую характеристику человека: исп. Los amigos ... me dieron el último adiós, porque estaba hecho un esqueleto y *amarillo como un lirio*. Con trabajo llegué a la Puerta de Foncarral y al respirar el aire libre del campo me animé mucho y ya podía sufrir el trote del caballo. [12] - 'Друзья сказали мне последнее «прощай», так как я выглядел как скелет и *был жёлтым как ирис*. С трудом я добрался до Пуэрта дэ Фонкарраль и, вдохнув свежего деревенского воздуха, я ожил и уже мог ощущать рысь коня'.

De su último viaje, Marcos regresó en un ataúd. Había muerto de una misteriosa peste africana que lo fue poniendo arrugado y *amarillo como un pergamino*. [12] - 'Из своего последнего путешествия Маркос вернулся в гробу. Он умер от загадочной африканской чумы, от которой он сморщился и *пожелтел как пергамент*'.

Del parto mi madre quedó con fiebre, y fue cuando papá, auxiliado por mí, sostuvo vivo el hogar. Pero ... aquel cabeza de familia tan lleno de virtudes, pero psicopáticamente colérico, hizo ... un berrinche tan fuerte, que enfermó al grado de ponerse *amarillo como un canario*. [12] - 'От родов у моей матери началась лихорадка, именно тогда папа с моей помощью поддерживал домашний очаг. Но ... тот глава семьи, полный всяческими добродетелями, однако с холерическим темпераментом, так вспылал, что разболелся, пожелтел как канарейка'.

фр. Mme Grandet était une femme sèche et maigre, *jaune comme un coing*, gauche, lente; une de ces femmes qui semblent être faites pour être tyrannisées. [10, с. 41]. - 'Мадам Грандэ была сухопарой худой женщиной, *жёлтой как айва*, неуклюжей, медлительной, одной из тех, которые, казалось, были созданы, чтобы их мучили'.

2) цветовая характеристика объектов:

исп. En tierras de Salamanca

habita un pájaro cantor.

Negro es su plumaje,

Su pecho *amarillo como el sol* [12].

'На землях Саламанки

живет певчая птичка.

Черно её оперенье,

А грудка - *желтая как солнце*'.

фр. *Jaune comme le citron*

Le soleil se cache á l'horizon

Orange, comme une orange
Voyez comme sa couleur change

Rouge, comme une tomate

Le soleil est écarlate [18]

'Желтое, как лимон,

Солнце скрывается за горизонтом

Оранжевое, как апельсин,

Вы видите как меняется его цвет

Красное, как помидор,

Солнце пунцового цвета.

ит. ... le foglie possono essere utilizzate nelle insalate primaverili, mentre i fiori,

uniti a brodi e risotti, tingono di *giallo come lo zafferano* [17]' ... листья можно

использовать для приготовления весенних салатов, в то время как цветки, добавленные в бульоны и ризотто, окрашивают их в *желтый как шафран* цвет'.

Колоративный компонент «жёлтый» встретился в 33 КФ: 9 в испанском, 13 во французском, 11 в итальянском. Общими для всех трёх языков являются 2 эталона сравнения - лимон и воск, в испанском и французском 4 (+ золото, канарейка), во французском и итальянском 3 (+ шафран), в испанском и итальянском 3 (+ мертвец).

Таблица 2. Эталоны сравнения для «зелёного цвета» в испанском, французском и итальянском языках

испанский	французский	итальянский
Зоонимы (3): una rana (лягушка), una lagartija (ящерица), un loro (попугай)	Зоонимы (1): un iguane (игуана)	Зоонимы (1): un ramarro (ящерица)
Растительный мир, фитонимы (6): las coles (капуста), los lirios (ирисы), el prado (луг), la albahaca (базилик), un musgo (мох), una hoja de orégano (лист орегана)	Растительный мир, фитонимы (4): un laurier (лавр), un pré (луг), un cresson (кресс-салат), une pomme (яблоко), un poireau (лук-порей)	Растительный мир, фитонимы (2): un aglio (чеснок), una gaggia (акация)
Сфера смерти (1): un muerto (мертвец)	Предметная сфера (1): une émeraude (изумруд).	

Меньшее количество КФ зафиксировано для единиц с хроматическим колоративным компонентом «зелёный». Всего 20 примеров (11 в испанском, 3 в итальянском, 6 во французском). Во французском языке отмечается только значение *цветового усиления признака*, в то время как *испанский и итальянский языки*

характеризуются также наличием отрицательной эстетической (испанский и итальянский) и этической оценки (только итальянский), путем указания на объекты, в основном, растительного мира.

исп. Fabio: (Va hacia ellos). Has dicho *verde como una rana* porque sabes que son verdes y que no podrías verlas coloradas aunque quisieras matarlo [12]. 'Фабио: (Идёт к ним). Ты сказал *зелёный как лягушка*, потому, что знаешь, что они зелёные, и ты не мог бы видеть их цветными, даже если бы очень хотел'.

Durante los dos días siguientes el muchacho debió quedarse en la cama, *verde como una lagartija* y convencido de que las náuseas y el dolor de cabeza iban a matarlo [12] 'В течение двух следующих дней молодой человек должен был оставаться в постели, *зелёный как ящерица* и убеждённый в том, что тошнота и головная боль вскоре убьют его'.

Florentino Ariza, *verde como un muerto*, se dejó llevar. No estaba preparado para ese encuentro, porque Fermina Daza no había encontrado la ocasión ni el modo de prevenirlo [15, с. 63] - 'Флорентино Ариса, *зелёный как мертвец*, дал себя увести. Он не был готов к этой встрече, так как Фермина Даса не нашла как случая, так и способа предупредить его'.

В испанском и итальянском языках также отмечены единицы, дающие пейоративную эстетическую оценку: исп. *verde como un muerto*, ит. *verde come un aglio* – смертельно-бледный, и этическую: ит. *essere verde come una gaggia* – быть жадным.

Контрастивно-сопоставительный и компонентный анализ КФ с колоративным компонентом в трёх романских языках позволили определить, «с одной стороны, типологические сходства в образной системе, в семантических преобразованиях компонентов сравнений и их функционировании в разных языках, а с другой – обнаружить расхождения в ассоциативно-психологических и лексико-семантических закономерностях становления и развития этих структур» [8, с. 60].

Семантический анализ позволяет выявить важные ментальные установки того или иного языкового коллектива, которые в некоторых случаях отражают общие культурно-исторические реалии, либо демонстрируют закономерные отличия национальных менталитетов, проявляющиеся в восприятии, переживании и осмыслении окружающего мира тем или иным этносом. Семантические функции устойчивых сравнений не ограничиваются только дескрипцией воспринимаемых человеком реалий. Компаративные конструкции

являются языковым средством оценки и интерпретации этих реалий. Они выражают степень интенсивности проявления признака объекта, актуализируют дополнительные характеристики объекта, передают эмоциональное отношение говорящего к объекту.

Компонентный анализ показал, что большинство выступающих в роли объекта сравнения в испанском, французском и итальянском языках имеют семантическую общность с основанием сравнения, что обуславливает их общезыковой характер и функциональную универсальность.

В качестве объекта для сравнения в КФ с колоративным компонентом чаще выступают природные и предметные лексические единицы, что объясняется цветовым разнообразием окружающего мира, открывающего широкие возможности для познания и закрепления обозначений окружающих объектов в языковом сознании.

Национально-культурно специфические черты устойчивых сравнений мотивируются различием в цветовой картине мира, которая, будучи универсальной ввиду отражения объективной действительности, направленности на научное знание, фиксирует и элементы быденного сознания, возникшие посредством преломления через призму собственного культурно-исторического опыта каждого народа. Этим обусловлена также и количественная асимметрия данных единиц в рассматриваемых языках.

В частных случаях используют одни и те же эталоны-стереотипы для интенсификации различного цветового признака в рамках одного языка (ср. исп. «белый как мертвец», «желтый как мертвец», «зеленый как мертвец», «жёлтый как ирис» (отрицательная эстетическая оценка) и «более зелёный, чем ирисы»

На основе проанализированного материала нами были выявлены различные типы оценочных компонентов значения: 1) пейоративная эстетическая и этическая характеристика человека, 2) цветовая характеристика объектов. Для «зелёного» во французском языке отмечается только значение цветового усиления признака, в то время как испанский и итальянский языки характеризуются также наличием отрицательной эстетической (испанский и итальянский) и этической оценки (только итальянский).

Говоря о структурах, участвующих в образовании стереотипных сравнений, в испанском языке можно отметить, опираясь на приведенные примеры употребления КФ, преобладание сравнительных форм с *más que* (более чем), которые, согласно

лексикографическим данным, являются практически неупотребительными в компаративных устойчивых структурах французского и итальянского языков.

Приведённые примеры употребления рассматриваемых конструкций в текстах различных жанров говорят о продуктивности данных структур и возможности их функционирования в различных речевых регистрах.

Список литературы

1. Гак В.Г., Ганшина К.А. Новый французско-русский словарь. М.: Русский язык, 1993. с. 1195.
2. Денисова Г.Л. Когнитивный механизм сравнения в немецком языке. АДД на соиск. уч.ст. д.ф.н. – Самара 2009. 38 с.
3. Испанско-русский фразеологический словарь / Под ред. Э.И. Левинтовой. – М.: Русский язык, 1985. с. 1080.
4. Итальянско-русский фразеологический словарь / Под ред. Я. И. Рецкера. – М.: Русский язык, 1982. с. 1056.
5. Новый Большой французско-русский фразеологический словарь / Под ред. В.Г. Гака. – М.: Русский язык, 2005. с. 1625.
6. Новый итальянско-русский словарь / Под ред. Г.Ф. Зорько, Б.Н. Майзеля, Н.А. Скворцова. – М.: Русский язык, 1995. с. 1018.
7. ФЭС = Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1983. с. 623.
8. Чекалина Е.М. Типологический анализ устойчивых сравнительных оборотов
9. с прилагательными цвета в романских языках. Межвуз. сб. научн. трудов:
10. Национальное и Интернациональное в развитии языков. Отв. ред. Л.А. Вербицкая. Изд-во: Ивановский гос. ун-т. Иваново, 1984, с. 53-60.
8. Alain Rey, Sophie Chantreau Dictionnaire d'expressions et locutions. – Paris: Le Robert, 2007. – 1086 p.
9. Balzac, H. de Eugénie Grandet, Paris, Editions: Gallimard 1972, p. 219.
10. Buitrago Jiménez A. Diccionario Espasa. Dichos y frases hechas. - Madrid: Espasa
11. Calpe, 1997. – 900 p.
12. CREA = Corpus de Referencia del Español Actual <http://corpus.rae.es/creanet.html> (дата обращения: 14.11.2023)
13. Charles Bernet, Pierre Rézeau Bardolle. On va le dire comme ça. Dictionnaire des expressions quotidiennes. Gawsewitch et Naulleau Éditeurs. Balland, Ed.: Le Seuil, 2008. 1085 p.
14. Gutiérrez Ordóñez S. Estructuras comparativas. – Madrid: Arco Libros, S.L., 2ª ed. 1997, 57 p.
15. Márquez García G. El amor en los tiempos del cólera. – Barcelona: Mondadori, 1999, 300 p.
16. Sorge P. Dizionario dei modi di dire della lingua italiana. Origine e significato delle frasi idiomatiche e delle forme proverbiali rare e comuni. Roma, Ed.: Newton Compton editori, 2011, 286 p.
17. casagrotteara.com/giardino-botanico/piante-officinali-e-piante-spontanee-commestibili/ (дата обращения: 11.11.2023)
18. www.momes.net/Comptines/Berceuses/ (дата обращения: 02.12.2023)

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 81'322.4

Германова А.В., Козюбердина А.Е. Переводческий анализ художественного текста нейронными системами

Германова Алена Владимировна

студент бакалавриата группы ПЕР-722, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет» (РИНХ), г. Ростов-на-Дону
germanova2004@inbox.ru

Козюбердина Анастасия Евгеньевна

студент бакалавриата группы ПЕР-712, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет» (РИНХ), г. Ростов-на-Дону
anastasiya.as2005@yandex.ru

Translation analysis of fiction text by neural systems

Germanova Alyona Vladimirovna

undergraduate student of group PER-722
Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don

Kozuberdina Anastasiia Evgenievna

undergraduate student of group PER-712, Rostov State University of Economics (RSUE)
Rostov-on-Don

Аннотация. В эпоху цифровизации искусственный интеллект значительно изменил переводческую деятельность, упрощая процесс работы профессионалов-переводчиков и делая его более доступным. Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме вероятности угрозы замены специалистов в области переводоведения нейронными системами. Основное содержание исследования составляет переводческий анализ отрывка художественного текста несколькими онлайн-переводчиками с технологией deep learning. В настоящей статье детально проводится анализ работы перевода отрывка художественного текста с помощью таких критериев, как скорость, правильное использование и распознавание стилистических приемов, эмоциональное воздействие на читателя при помощи применения творческого мышления машинами.

Ключевые слова: машинный перевод, искусственный интеллект, переводческая деятельность, переводческий анализ, онлайн-переводчики.

Abstract. In the era of digitalization, artificial intelligence has significantly changed translation activities, simplifying the work process of translation professionals and making it more accessible. The article is devoted to the currently topical problem of the probability of the threat of neural systems replacing translation professionals. The main content of the study is a translation analysis of a passage of a fiction text by several online translators with deep learning technology. According to the article in detail the translation performance of a passage of fiction text with the help of such criteria as speed, correct use and recognition of stylistic devices, emotional impact on the reader through the application of creative thinking by machines.

Keywords: machine translation, artificial intelligence, translation activity, translation analysis, online translators.

На протяжении многих веков переводческая деятельность являлась одним из важнейших видов человеческой активности. Из-за разнообразия языковых и культурных барьеров, которые мешали пониманию представителей других стран, а также межкультурной коммуникации, профессиональные переводчики с давних времен были неотъемлемой частью дипломатии, торговли, политических и культурных контактов, их работа была жизненно важна для обеспечения взаимопонимания и сотрудничества. Согласно одной из легенд, первые артефакты существования переводчиков были найдены в Древнем Египте. Упоминалось, что «давным-давно, когда на Земле властвовал Бог, самоуверенные люди не хотели слушать его. Разгневанное божество разделило гордецов на различные группы и огородило их барьером многоязычности. Вскоре Бог смилостивился и послал на землю помощников — переводчиков. Их целью было спасение людей от непонимания друг друга» [2, с. 416].

Искусственный интеллект является одной из самых обсуждаемых тем в наше время. В ситуации, когда происходит развитие автоматизированного и машинного перевода, а нейросети способны выполнять задачи любого типа и разной степени сложности, специалисты в области переводоведения задаются вопросом о замене их работы искусственным интеллектом. Как правило, искусственный интеллект представляет собой область компьютерной науки, направленную на создание устройств, способных осуществлять задачи, которые обычно требуют умственной деятельности человека. Его развитие связано с созданием систем, способных анализировать данные, извлекать шаблоны, делать выводы, принимать решения, а также воспроизводить некоторые аспекты человеческой интеллектуальной деятельности.

Так экономист и эксперт по нейросетям Майкл Уэбб рассуждает о том, что нынешняя цифровая революция напоминает промышленную и вызывает те же опасения у людей в связи с потерей работы. И действительно, можно заметить, что искусственный интеллект все больше интегрируется в различные области деятельности человека, например, медицину, финансы, транспорт, маркетинг. Поэтому в современном мире люди все больше и больше опасаются последствий, которые искусственный интеллект может повлечь за собой.

Поэтому в связи с появлением искусственного интеллекта была разработана технология deep learning. Глубокое обучение - это подход в машинном обучении,

основанный на технологии искусственных нейронных сетей с большим количеством слоев для выполнения сложных задач. Deep learning позволяет создавать модели, способные обрабатывать сложные взаимосвязи и выполнять различного рода задачи, например, обработка изображений, распознавание речи, автоматический перевод и многое другое.

Целью научной работы является описание и оценка методов перевода с использованием современных программ с технологией deep learning, изучение проблемы влияния цифровизации на переводческую деятельность. Объектом настоящего исследования выступают художественные тексты, а предметом - перевод данных текстов нейросетями [4].

Итак, Первая публичная демонстрация системы машинного перевода (МП) состоялась в США в 1954 году, справившись с переводом 250 слов. Как было сказано ранее, данная машина была основана на словарях и пыталась сопоставить исходный язык с языком перевода слово в слово, используя прямой перевод. Но, несмотря на недостатки качества работы простейшей системы машинного перевода, проект все равно был принят на его дальнейшее рассмотрение и финансирование.

К середине 1960-х годов подход, основанный на прямом переводе, был на стадии разработки, а уже в 1964 году по заказу правительства США Консультативный комитет по автоматической обработке языка (АЛЬПАК) подготовил отчет о развитии исследований в области машинного перевода (МП). В данном документе отмечались медлительность, недостаточная точность и дороговизна машинного перевода (МП) по сравнению с профессионалами-переводчиками. Стоит отметить, что Консультативный комитет по автоматической обработке языка (АЛЬПАК) прогнозировал мрачное будущее развитию машинного перевода (МП), демонстрируя данную систему как безнадежную модель.

В 1980-х годах появился статистический машинный перевод (СМП), а в конце 2000-х годов началась новая эра развития нейронного машинного перевода (НМП). По сравнению с предыдущими подходами к машинному переводу (МП), нейронный машинный перевод (НМП) произвел революцию в этой области, устранив многие из ограничений.

Переводы, выполненные с помощью нейронного машинного перевода (НМП), становятся более плавными и естественно звучащими благодаря его способности понимать контекст и выдавать результаты, похожие на те, которые дает человек. Кроме того, эта технология постоянно обучается и адаптируется на основе новых вводимых данных.

Одним из основных факторов, способствовавших успеху нейронного машинного перевода (НМП), является доступность больших данных. Поскольку ежедневно в различных отраслях и на разных языках создается все больше цифрового контента, в настоящее время существует множество высококачественных данных для обучения нейронных сетей. Это не только повышает общую производительность, но и позволяет адаптироваться к конкретной предметной области, что является важнейшим аспектом для профессиональных переводов [1, с. 158].

Но, как научить искусственный интеллект распознавать шутку, сарказм, стилистические приемы, такие как метафоры, олицетворения, гиперболы? Какова вероятность обучения искусственного интеллекта пониманию значения слова из десятков других возможных?

Стоит отметить, что в современном мире машинный перевод все еще не способен на точный и достоверный перевод художественных текстов, так как главной целью перевода художественного текста является понимание смысла исходного текста, а смысловая часть все еще является главным препятствием работы искусственного интеллекта, так как художественные произведения наполнены различными стилистическими приемами, их перевод является трудоемким процессом для искусственного интеллекта. Рекламные слоганы зачастую требуют креативности в переводческой деятельности от высококвалифицированных специалистов. Конечно, искусственный интеллект возможно обучить переводу некоторых метафор или фразеологизмов, но сфера маркетинга нуждается в оригинальных и привлекающих внимание потребителей рекламных заголовков для повышения охватов продаж, с чем искусственному интеллекту в силу отсутствия человеческого ума и ограниченности чувств и эмоций не удастся справиться.

Так в настоящем исследовании критериями, которые помогут проанализировать результаты работы перевода отрывка художественного текста, являются скорость выполнения работы искусственным интеллектом, перевод лексики, требующей отдельное внимание, правильное использование и распознавание стилистических приемов, эмоциональное воздействие на читателя при помощи применения творческого мышления машинами. За процесс перевода будут отвечать онлайн-переводчики, а именно, DeepL [5], PROMT.One [6] и GPTChat Bot [3]. Обратимся к отрывку из любовного романа Наис Долан «Захватывающие времена».

Таблица 1. Перевод художественного текста онлайн-переводчиками: DeepL, PROMT.One и GPTChat Bot

Текст оригинала	<p>The next evening, I narrated the argument to Julian. Between drags of his cigarette, he nodded and of-coursed in all the right places(1). 'Have you ever had flatmates(2)?' I said. 'Yes, of course, at Oxford, and when I was starting out in London(3). Most of them were fine. One guy was a complete nutter(4). This was my final year of uni. He was doing his dissertation on some existential quandary. You'd hear him pacing around all night muttering about it. And he never ate solid food – he put everything in this big fucking blender(5). Lived on smoothies. I think he got the top first in his year(6).' 'So having your own place is better?' 'Substantially better.' Neither of us pointed out that he didn't really live alone anymore. We finished the wine and he went to get another bottle. My jeans had a hole on the inseam near the top of my thigh. I picked at it, then jerked my hand away when I heard him returning(7).I said: 'What was your last girlfriend like?' He twirled his glass(8). 'She was fine. She got sent back to London.' 'How long ago was that?' 'A few months.' 'Any regrets?' 'No, none at all. I don't tend to look back(9).'</p>
DeepL	<p>Вечером следующего дня я рассказал о споре Джулиану. В перерывах между затягиванием сигареты он кивал и охал во всех нужных местах(1). «У тебя когда-нибудь были соседи по квартире?»(2) - спросил я. «Да, конечно, и в Оксфорде, и когда я начинал жить в Лондоне(3). Большинство из них были нормальными. Один парень был полным психом(4). Это был последний год моего обучения в университете. Он писал диссертацию по какой-то экзистенциальной проблеме. Можно было слышать, как он всю ночь ходит по комнате и что-то бормочет. И он никогда не ел твердую пищу - все помещал в этот гребаный блендер(5). Жил на коктейлях. По-моему, он занял первое место в своем году(6).» «Значит, иметь свою квартиру лучше?» «Существенно лучше.» Никто из нас не отметил, что на самом деле он уже не живет один. Мы допили вино, и он пошел за другой бутылкой. На моих джинсах была дырка на штанине в районе верхней части бедра. Я поковырялась в ней, потом отдернула руку, услышав, что он возвращается(7). Я спросила: «Какой была твоя последняя девушка?» Он покрутил свой бокал(8). «Она была ничего. Ее отправили обратно в Лондон.» «Как давно это было?» «Несколько месяцев.» «Не жалеете?» «Нет, вообще никаких. Я не склонен оглядываться назад(9).»</p>
PROMT.One	<p>На следующий вечер я рассказал о споре Джулиану. Между тасканиями его сигареты, он кивнул и курсировал во всех нужных местах(1). «У вас когда-нибудь были ровесники?» (2) - сказал я. «Да, конечно, в Оксфорде, и когда я начинал в Лондоне(3). Большинство из них были в порядке. Один парень был полным ублюдком(4). Это был мой последний год Уни. Он занимался диссертацией о некоем экзистенциальном затруднительном положении. Вы слышали, как он всю ночь бормотал об этом. И он никогда не ел твердую пищу - все положил в этот большой блендер(5). Жил на смузи. Я думаю, что он получил первое место в своем году(6).» «Так иметь собственное место лучше?» «Значительно лучше.» Никто из нас не указал, что он больше не жил один. Мы закончили вино, и он пошел за другой бутылкой. В моих джинсах была дырка на веревке около верхней части бедра. Я выбрал его, а потом отдернул руку, когда услышал его возвращение(7). Я сказал: «Какой была твоя последняя девушка?» Он закрутил стекло(8). «Она была в порядке. Ее отправили обратно в Лондон.» «Как давно это было?» «Несколько месяцев.» «Сожаления?» "Нет, вообще нет. Я не склонен оглядываться назад(9).»</p>
GPTChat Bot	<p>На следующий вечер я рассказал Джулиану об этом споре. Он кивал, куря свою сигарету, и в нужные моменты произносил «конечно» и «естественно»(1). «Ты когда-нибудь имел соседей по квартире?» (2)-спросил я. «Да, конечно, в Оксфорде и когда только начинал в</p>

Лондоне(3). Большинство из них были нормальными. Один парень был абсолютным чокнутым(4). Это был мой последний год университета. Он писал диссертацию на какую-то существенную тему. Ты слышал, как он ходил туда-сюда всю ночь и бормотал о ней. И он никогда не ел твердую пищу - он всё мешал в этом огромном чертовом блендере(5). Питался только смузи. Думаю, он получил самую высокую оценку в своем году(6).» «Так что, иметь собственное жилье лучше?» - спросил я. «Значительно лучше». Ни один из нас не указывал на то, что он уже не живет один. Мы допили вино, и он пошел за еще одной бутылкой. У моих джинсов была дырка на внутреннем шве возле верхней части бедра. Я заигрывал с ней, а потом резко отдернул руку, услышав его возвращение(7). «Какая была твоя последняя девушка?» - спросил я. Он закрутил свой бокал(8). «Она была нормальной. Ее отправили обратно в Лондон.» «Сколько времени прошло с тех пор?» «Пару месяцев.» «Сожалеешь о чем-нибудь?» «Нет, совсем нет. Я не склонен оглядываться назад(9).»

Таблица 2. Время, затраченное на перевод онлайн-переводчиками

	DeepL	PROMT.One	GPTChat Bot
Время(сек)	1.24	3.9	46.6

Одним из важных аспектов в художественном тексте являются стилистические приемы. Так при помощи стилистических приемов авторы влияют на восприятие текста, делая его более эмоциональным и запоминающимся, тем самым производя определенное впечатление на читателя. Переводческий анализ проводился тремя онлайн-переводчиками, в результате работы которых был выявлен ряд грамматических и лексических ошибок. Можно заметить, что DeepL и PROMT.One справились со своей работой быстрее, за считанные доли секунд, чем GPTChat Bot, которому потребовалось больше времени (около минуты), что гораздо больше по сравнению с другими программами (табл.2).

Итак, обратимся к переводу онлайн-переводчиками предложения: «Between drags of his cigarette, he nodded and of-coursed in all the right places.» (табл.1) Стоит отметить, что одной из основных задач высококвалифицированного специалиста при работе с переводом художественных текстов является передача смысловой части на язык-реципиент таким образом, чтобы для восприятия читателей той или иной языковой группы переведенные фрагменты отражали переводческую интерпретацию исходного текста как видение его глазами носителя другой культуры. Проще говоря, стиль и манера перевода художественных текстов с одного языка на другой должны быть такими же, как и в оригинале. Заметно, что предложение (1) каждая нейросеть перевела по-разному, но именно PROMT.One допустил больше речевых ошибок, чем DeepL и GPTChat Bot. «Of-coursed» - «соглашался», PROMT.One перевел как

«курсировал», но человек не может курсировать, так как данное словосочетание являются несовместимой парой в пределах русского языка. DeepL также неточно перевел «of-coursed», используя перевод этого слова как «охал».

Удивительно, что в переводе простого слова «flatmates» PROMT.One допустил ошибку, передавши смысл «flatmates» не как соседей, а как ровесников, что является недочетом с точки зрения лексики. В целом, остальные онлайн-переводчики, а именно, DeepL и GPTChat Bot верно передали смысл предложения под знаком (2).

Что касается перевода фразы «when I was starting out in London» (3), PROMT.One и GPTChat Bot не удалось до конца верно определить значение фразового глагола «start out», поэтому отрывок данного предложения получился незаконченным и весьма непонятным по своему значению. Далее с переводом «nutter» (4) все онлайн-переводчики справились, но, исходя из собственного перевода, звучащего как «он был с тем ещё прибабахом», становится ясно, что использование разговорного слова «прибабах» в переводе на язык-реципиент является наиболее подходящим для выражения странностей и причуд молодого человека.

Стоит отметить, что в переводе нейросетями предложения «and he never ate solid food – he put everything in this big fucking blender» (5) были замечены некоторые недочеты. Так, GPTChat Bot допустил речевую ошибку, используя слово «он» два раза, не найдя для него замену, а PROMT.One перевел «put» как «положил», вследствие чего «put» означает однократное, а не постоянное действие, что совершенно не подходит по смыслу в данном художественном отрывке. В собственном переводе использовались стилистические приемы, такие как «в придачу» и «чтоб его», придав красочности скудному предложению, что иной раз доказывает тот факт, что именно высококвалифицированные специалисты в области переводоведения обладают творческим мышлением и могут креативно и оригинально подходить к своей работе.

Обратим внимание на следующее предложение: «I think he got the top first in his year» (6). Искусственные интеллекты, привлеченные в эксперимент, полностью не справились с правильной передачей смысла данного фрагмента. По контексту перевод фразы «I think he got the top first in his year» должен звучать следующим образом: «Вроде стал лучшим студентом своего выпуска.», но нейросети считают по-другому. DeepL и PROMT.One почти одинаково справились со своей работой, в результате чего был получен такой результат: «По-моему, он занял первое место в своем году». А GPTChat Bot перевел лексическую особенность данного предложения

«the top» как «оценка», что является неверным определением с точки зрения перевода.

Примечательно, что с переводом предложений «My jeans had a hole on the inseam near the top of my thigh. I picked at it, then jerked my hand away when I heard him returning» (7) лучше всего справился DeepL, передав в полной мере смысл данного фрагмента. Что касается PROMT.One и GPTChat Bot, в результате их работы были замечены речевые и лексические ошибки. Главная героиня нашла у себя на джинсах дырку по шву, с внутренней стороны бедра. Так, от нечего делать (еще один стилистический прием, а именно фразеологизм, использовавшийся в собственном переводе художественного текста) девушка решила «поковырять» ее. Но PROMT.One и GPTChat Bot подобрали не лучшие варианты перевода фразы «picked at it», - «выбрал его» и «заигрывал с ней». Становится понятно, что искусственный интеллект все еще испытывает трудности с пониманием контекста художественных текстов.

Еще одним примером, доказывающим тот факт, что нейросетям не удастся в полной мере понимать смысл исходного текста является следующее предложение: «He twirled his glass» (8). Казалось бы, все онлайн-переводчики, использовавшиеся в эксперименте, точно справились с переводом данного фрагмента, так как «twirl» - это вертеть или закручивать, а «glass» может пониматься и как стекло, и как бокал, но только профессионал-переводчик, в противовес искусственному интеллекту, в силу обладания творческим мышлением, чувствами и эмоциями способен разобраться с контекстом и логически верно построить предложение на языке-реципиенте и качественно выполнить свою работу. Таким образом, верный перевод «he twirled his glass» звучит следующим образом: «Он повертел бокал».

Стоит обратить внимание на предложение «I don't tend to look back» (9). В целом, с точки зрения грамматики и лексики онлайн-переводчики справились со своей задачей, но из собственного переводческого анализа заметно, что путем замены ничем непримечательного словосочетания «оглядываться назад» на «что было, то прошло» перевод данного предложения в полной мере отражает культурно-речевые традиции языка-реципиента, в нашем случае - русского. Такие стилистические приемы производят эмоциональное впечатление на читателя, что способствуют повышению его интереса к чтению художественного произведения.

Таким образом, исходя из переводческого анализа художественного текста искусственным интеллектом становится понятно, что нейросети, использовавшиеся в эксперименте, не были способны в полной мере продемонстрировать стилистические приемы и культурно-речевые традиции языка-реципиента, не всегда верно

распознавали те или иные лексические особенности текста данного жанра, тем самым не произведя должного впечатления на читателей.

Безусловно, разработка искусственного интеллекта коренным образом изменила переводческую деятельность в эпоху цифровизации. Несомненно, нейросети имеют как слабые, так и сильные стороны. Одним из ключевых преимуществ использования сервисов перевода на основе искусственного интеллекта является скорость. Высококвалифицированные переводчики, хотя и опытные и хорошо осведомлены, могут работать только в определенном темпе. Искусственный интеллект, с другой стороны, обрабатывает и переводит большие объемы текста за долю времени. Такая повышенная эффективность позволяет предприятиям экономить драгоценное время и ресурсы, позволяя им сосредоточиться на других аспектах своей деятельности. Но, тем не менее, из переводческого анализа художественного текста при помощи работы нейросетей видно, что по большей части искусственный интеллект не всегда корректно определял перевод тех или иных слов с точки зрения культурно-речевых традиций языка-реципиента, лексические и стилистические приемы, а также не смог более красочно и креативно подать переводной материал. Становится ясно, что для профессионала-переводчика в силу обладания человеческим умом, а также чувствами и эмоциями, которыми машины ограничены, понимание смысловой части, применение творческого мышления и оригинального подхода к своей работе, умение распознавать стилистические особенности художественных произведений, еще раз доказывает тот факт, что необходимость в специалистах со знанием языков очевидна, без их помощи нейронным системам не обойтись.

Список литературы

1. Гудфеллоу Я., Бенджио И., Курвилль А. Г93 Глубокое обучение / пер. с англ. А. А. Слинкина. – 2-е изд., испр. – М.: ДМК Пресс, 2018. – 158 с.
2. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней) : учеб. пособие / Л.Л. Нелюбин, Г.Т. Хухуни. — М. : Флинта : МПСИ, 2006. — 416 с.
3. International Journal for Research in Applied Science & Engineering Technology (IJRASET), Language Translation Using Artificial Intelligence / Rupayan Dirghangi, Koushik Pal, Sujoy Dutta, Arindam Roy, Rahul Bera, Manosijo Ganguly, Dipankar Pariary, Karan Kumar.

Список источников

4. Нейросеть Chat GPT. URL: @gptchat_ai_bot (дата обращения 24.12.2023).
5. DeepL Translate: The world's most accurate translator. URL: <https://www.deepl.com/translator-mobile> (дата обращения 24.12.2023).
6. PROMT.One Perevodchik -бесплатный онлайн словарь и перевод текстов. URL: <https://www.translate.ru/PROMT.One> (дата обращения 24.12.2023).

УДК 81.42

Шкапенко Т.М. Языковая личность как актер современного лингвистического ландшафта

Шкапенко Татьяна Михайловна

д. филол. н., доцент, профессор Института гуманитарных наук
БФУ им. И. Канта, РФ, Калининград
tshakpenko@kantiana.ru

Linguistic personality as an actor in the contemporary linguistic Landscape

Shkapenko Tat'jana Mihajlovna

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Institute of Humanities
Immanuel Kant Baltic Federal University, Russian Federation, Kaliningrad

Аннотация. В статье описываются основные подходы к изучению лингвистического ландшафта в зарубежной и российской социолингвистике. Характеризуются акторы, формирующие лингво визуальный облик современных российских городов. К ним относятся административные органы, регламентирующие процессы топонимической номинации, и независимый индивидуальный номинатор, изобретающий наименования различных коммерческих объектов. Обосновывается ведущая роль в лингвистическом ландшафте элементов коммерческого нейминга. Выделяются главные типологические черты коммерческих наименований, связанные с гибридным мультилингвальным и мультимодальным способом их репрезентации. Делается вывод о том, что новые номинативные техники отражают изменения, происходящие на трех различных уровнях языковой личности: лексико-семантическом, когнитивном и прагматическом.

Ключевые слова: лингвистический ландшафт, коммерческий нейминг, языковая личность, гибридизация, мультилингвализм, мультимодальность

Abstract. The article describes the main approaches to the study of linguistic landscape in foreign and Russian sociolinguistics. The actors who shape the linguovisual image of modern Russian cities are characterised. They include administrative bodies regulating the processes of toponymic nomination and independent individual nominators inventing names for various commercial objects. The leading role of commercial naming elements in the linguistic landscape is substantiated. The main typological features of commercial naming, related to the hybrid multilingual and multimodal way of its representation, are highlighted. New nominative techniques testify to the changes taking place at three different levels of linguistic identity: lexico-semantic, cognitive and pragmatic.

Keywords: linguistic landscape, commercial naming, linguistic personality, hybridisation, multilingualism, multimodality

Термин «лингвистический ландшафт» (linguistic landscape) был впервые употреблен в работе канадских этносоциологов Р. Лэндри и Р. Бурхиса, изучавших особенности функционирования английского и французского языков в пространстве мегаполиса. В состав языковых единиц, образующих лингвистический ландшафт, ученые предлагали включать «придорожные плакаты, рекламные щиты, таблички-

названий улиц и площадей, вывесок на магазинах и общественных учреждениях, которые выполняют две основных функции: информативную и символическую» [1, с. 27], иначе говоря, всю совокупность визуализированных в рамках определенного пространства языковых знаков. Основное внимание исследователей было направлено на изучение информативной и символической функций, выполняемых разноязычными вывесками, расположенными на торговых объектах города.

Происходящая с начала 90-х гг. глобализация лингвокультурного пространства России нашла свое отражение, с одной стороны, в проникновении в лингвистический ландшафт (далее ЛЛ) многочисленных элементов английского языка, с другой стороны, в активизации элементов локальных языков полиэтнических регионов – вторых государственных языков, языков титульных наций или языковых меньшинств. Результатом взаимодействия двух вышеуказанных тенденций стал мультилингвальный характер ЛЛ всех городов России. Произошедшие в ономастическом пространстве кардинальные изменения привлекли внимание российских лингвистов и обусловили необходимость включения ими в активный терминологический оборот понятия «лингвистический ландшафт». Особенности его использования во многом связаны с изменением ведущей эпистемы в рамках современной философии знания. А.В. Кирилина подчеркивает, что изучение ЛЛ во многом предопределило изменения в самом методе исследования, так как в свете «постнеклассических познавательных установок, меняющих представления о нормах и ценностях научного познания, происходит отказ от разграничения объекта и процесса в пользу процессуальности объекта» [2, с. 50].

Действительно, динамичный характер ЛЛ, его мультилингвальный и мультимодальный формат, интегрирующий в многочисленных надписях элементы различных языков и комбинирующий вербальные элементы с элементами иконическими, предопределяет необходимость использования в процессе изучения новых методологических установок. К ним можно отнести концептуальные вопросы, сформулированные немецким лингвистом, П. Бекхаусом, специалистом в области проблематики мультилингвализма. Согласно предлагаемой им концепции, модель описания ЛЛ должна включать в себя ответы на три основных вопроса: 1) Кто создает ЛЛ? 2) Для кого создается ЛЛ? 3) Как развивается ЛЛ и каковы тенденции этого развития? [3, с. 152].

Данная модель, однако, не может быть признана исчерпывающей, поскольку не включает в себя изучение самого объекта, единиц, формирующих ЛЛ, с точки зрения их структурно-формальных, ономастических (семантических),

лингвокультурных и мультимодальных особенностей. Вполне очевидно, что без этой своего рода «лингвистической кухни», выявляющей и описывающей ингредиенты целостных номинативных единиц, конституирующих облик городов, невозможен ответ на вопросы внелингвистического характера об акторах процессов номинации, их целевой аудитории и о тенденциях развития ЛЛ.

В данной статье мы фокусируем свое внимание на поисках ответа на первый вопрос: кто создает ЛЛ. Представляется очевидным, что в условиях рыночной системы лингвовизуальный облик города формируют два основных актора: официальный, присваивающий имена внутригородским объектам, и неофициальный, дающий имена собственному бизнесу и различным продуктам. Э. Бен-Рафаэль и его соавторы подразделяют основных акторов на производителей знаков top-down (сверху вниз) и знаков bottom-up (снизу вверх). К первым ученые причисляют государственные учреждения, контролируемые законодательством, ко вторым частные компании и индивидуальных предпринимателей, для номинативных практик которых характерна большая степень свободы [4].

Безусловно, в рамках ономастического городского пространства основными акторами являются, с одной стороны, административные органы, регламентирующие процессы присвоения названия, в первую очередь, внутригородским топонимическим объектам. В их компетенции находятся наименования городских улиц, площадей, парков и скверов, государственных учреждений и т.п. Анализ многочисленных статей, посвященных рассмотрению ЛЛ современных городов России, позволяет прийти к выводу о том, что данная область номинации пребывает в состоянии лингвоаксиологической инерции. Практически во всех городах улицы, особенно центральные, продолжают носить имена деятелей социалистической эпохи, которая после распада СССР была деаксиологизирована в связи с экономической несостоятельностью идей коммунизма, и так и не получила внятной культурно-идеологической альтернативы.

В связи с этим имена, написанные на городских табличках, зачастую утрачивают свой символический и, более того, денотативный характер – значительному количеству представителей молодого поколения многие имена в городских годонимах представляются либо малоизвестными, либо вызывают достаточно противоречивый отклик. Единственной актуальной функцией символов уходящей эпохи следует признать ее мемориальную значимость для людей старшего поколения. Отсутствие выраженного аксиологического и лингвокультурного межпоколенческого диссонанса сглаживает, на наш взгляд, то, что размещенные на

жилых зданиях таблички с названиями улиц или площадей, составляют крайне незначительную долю во всеобщем объеме ЛЛ, и оттого вряд ли попадают в поле зрения привыкших к ним городским пользователям и соответственно вряд ли оказывают какое-либо ощутимое воздействие на потенциальную аудиторию ЛЛ.

В то же время вывески, демонстрирующие названия торговых центров, магазинов, ресторанов, клубов и т.п., занимают центральное пространство в ЛЛ как по своим пространственным параметрам, так и по своей изобразительной заметности, что связано с их предназначенностью для потенциального покупателя. Неслучайно в рамках различных ономастических исследований самостоятельное хождение получил заимствованный из области маркетинга термин «коммерческий нейминг», в котором коммодификационный компонент номинации коммерческих заведений находит эксплицитное отражение.

Изучение основных типологических свойств номинативных единиц, изобретенных в области коммерческого нейминга, приводит к выводу о том, что в их стремлении «увеличить продажи» с помощью оригинального имени отражается не только «языковой вкус эпохи» (по определению В. Г. Костомарова [5]), но и те изменения, которые произошли в языковой личности основного актора процессов коммерческой номинации. Многоаспектный анализ наименований торговых объектов в самых различных городах России позволяет составить довольно четкое представление об основных типологических чертах так называемых «неймов», названий компаний или реализуемых ими продуктов. Отличительной особенностью коммерческой номинации становится выход за пределы одной языковой системы и обращение к знакам других языков, а также к знакам других семиотических систем. Выход за пределы русского языка связан с активным включением в коммерческие имена, в первую очередь, элементов американского варианта английского языка, выступающего в роли главного донора глобализационных процессов. Выход за пределы лингвистической системы связан с новым форматом самой языковой личности, пребывание которой в виртуальной среде накладывает заметный отпечаток на использование языка в самых различных формах лингвокреативной деятельности, в том числе прагматико-ориентированном коммерческом нейминге. Привычка к мисксированию знаков различных семиотических систем в условиях интернет-коммуникации находит свое отражение и в гетеросемиотическом характере имен, присваиваемых различным коммерческим объектам. Вербальные знаки креативным образом соединяются с супрасегментными знаками (дефисы, вопросительные знаки, восклицательные знаки, апострофы, кавычки, многоточие), с графическими знаками

нумерологической системы (цифры, скобки, косая черта и т.п.), с графическими знаками, свойственными интернет-коммуникации и с различными знаками изобразительной системы.

Двум типам выхода за пределы привычных знаковых систем в процессе изобретения неймов соответствуют два уровня гибридизации языковых знаков: моносемиотический уровень (смешение знаков различных лингвистических систем, чаще всего английского и русского языков) и полисемиотический (смешение знаков различных семиотических систем) [6]. Устойчивость действия двух обозначенных выше тенденций вызывает вопрос об акторе частной ономазиологической инициативы: какие изменения произошли в трехуровневой, согласно Ю.Н. Караулову [7], личности современного носителя русского языка? С точки зрения лексикона, или вербально-семантического уровня, с полной уверенностью можно констатировать прогрессирующий англо-русский билингвизм, а также внедрение в ранее гомогенную языковую систему знаков других семиотических систем. Изменения на концептуальном уровне, безусловно, включают в себя те инновационные понятия и представления, которые характерны в целом для импортированного из американского варианта английского языка способа категоризации действительности. Прагматический (мотивационный, деятельностный) уровень языковой личности в области коммерческого нейминга поменялся кардинальным образом: основная цель обеспечить эффективность продаж с помощью названия торгового заведения предопределяет схему действий по созданию необычного, запоминающегося и аттрактивного лингвопродукта.

Можно предположить, что изменения в наборе средств, формирующих различные уровни языковой личности, отражают изменения в онтологической природе самого языка, изменяющегося под влиянием лингвокреативного актора. Объединение в процессе изобретения коммерческого имени элементов различных языковых систем, а также различных семиотических систем свидетельствует о том, что язык становится лишь одним из средств общего семиотического ресурса. Язык утрачивает свою феноменологическую чистоту, и это, на наш взгляд, происходит не от того, что *homo loquens* пытается избавиться от векового гнета слова, от словоцентричности своего мира, а в силу изменившихся обстоятельств бытования его языковой личности, которая совмещает в себе черты *homo loquens*, *homo videns* и *homo ludens*.

Список литературы

1. Landry R., Bourhis R. Linguistics Landscapes and Ethnolinguistic Vitality: An Empirical Study. *Journal of Language and Social Psychology*, 1997, vol. 16, p. 23 -49.
2. Кирилина А.В. Описание лингвистического ландшафта города: лингвистика и «что-то» ещё или новое понимание языка? // *Русский язык за рубежом*. 2020, № 1. С. 49 - 55.
3. Backhaus, P. (2008). Rules and regulations in linguistic landscaping: A comparative perspective. In *Linguistic Landscape: Expanding the Scenery* (pp. 157-172). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203930960>
4. Ben-Rafael, E., Shohamy, E., and M. Hasan Amara. Trumper-Hecht, N. 2007. Linguistic landscape as symbolic construction of the public space: The case of Israel. *International journal of multilingualism* 3 (1), pp. 7 - 30.
5. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. 3-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург : Златоуст, 2015. 320 с.
6. Шкапенко Т.М., Зубрицкая Е. В. Гибридные номинации в лингвистическом ландшафте г. Калининграда // *Мир русского слова*, 2021, № 4. С. 4 -13. DOI: 10.24412/1811-1629-2021-3-4-13
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.111:81'25

**Махортова Т.Ю. Названия произведений живописи как объект
транслатологического исследования**

Махортова Татьяна Юрьевна

канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики перевода и лингвистики
Волгоградский государственный университет, РФ, г. Волгоград
machortova@yandex.ru

Titles of paintings as an object of translational research

Makhortova Tatyana Yurievna

Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department
of Translation Theory and Practice and Linguistics
Volgograd State University, Volgograd, Russia

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению артионимов как переводческой проблемы. Описываются особенности артионимов, обуславливающие трудности их перевода; определяются задачи, стоящие перед переводчиком артионимов; выявляются стратегии перевода и способы передачи артионимов с русского языка на немецкий и английский языки. Исследование проводилось на материале названий картин русских художников и их переводов на английский и немецкий языки.

Ключевые слова: артионим, перевод названий картин, переводческая проблема, переводческие приемы и трансформации

Abstract. The article is devoted to the consideration of artionyms as a translation problem. The features of the artionyms that cause difficulties in their translation are described; the tasks facing the translator of the artionyms are determined; translation strategies and ways of transferring artionyms from Russian into German and English are revealed. The research was conducted on the material of the names of paintings by Russian artists and their translations into English and German.

Keywords: artionym, translation of the names of paintings, translation problem, translation techniques and transformations

Название является важным и неотъемлемым элементом любого произведения – будь то литература, кинематограф или живопись. Название – это первое, с чем сталкивается читатель или зритель. Оно не только привлекает внимание, но и передает некую информацию, несет часть смысловой нагрузки всего произведения. Через название автор, как правило, стремится раскрыть посыл своего произведения, что делает название своеобразным выражением индивидуальности автора.

В центре нашего внимания находятся названия картин русских художников, цель работы заключается в выявлении стратегии, технологии и трудностей перевода

названий произведений живописи с русского на английский и немецкий языки. Актуальность данного исследования обусловлена, прежде всего, высокой социально-культурной значимостью названия как неотъемлемой части произведения искусства, а также востребованностью музейного перевода, включающего в себя перевод музейного этикетажа и сопроводительных текстов на иностранные языки.

Названия картин относят к особому разряду имен собственных – «артионимам». По определению «Словаря русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской, артионим – «имя собственное (название) произведения искусства (живописи, скульптуры, графики, пластики) [1, с. 38]. Однако в более узком значении артионим понимается как имя собственное произведения живописи.

В названии полотна «зашифрована» заложенная художником мысль, основной посыл его произведения. Иными словами, название – это средство выражения индивидуальности автора, своеобразный монолог художника, обращенный к зрителю. Однако функция артионима не сводится исключительно к вербальному отображению изображения на полотне. Названия нередко становились объектами дискуссий, в том числе в художественных сообществах, ввиду чего художники экспериментировали с названиями для своих картин, постепенно отходя от традиции «прямого соответствия изображению» к символизму [2, с. 39].

Зачастую названия картин содержат большой объем как языковой, так и внеязыковой информации, являются своеобразными индикаторами, которые не только раскрывают содержание называемого объекта, но также указывают на временной период и лингвокультурную общность, к которой они принадлежат [3, с. 185]. Артионимы отражают этнокультурное своеобразие того языка, к которому относятся, и передают особенности культуры и социального устройства общества [4, с. 172]. Названия картин «кодируют» культурную информацию, поскольку хранят свидетельства о прошлом отдельных народов, об исторических событиях. В качестве примера приведем картину *К. Е. Маковского «Выбор невесты царем Алексеем Михайловичем»*, название которой прямо указывает на сюжет картины, на обычаи и нравы соответствующей эпохи. Таким образом, название картины формирует ее концептуальную базу, побуждает зрителя анализировать изображение, раскрывает зрителю тему и, возможно, сюжет изображаемого на полотне события.

Перевод артионимов представляет собой отдельную переводческую проблему, требующую изучения. В сущности, задача переводчика заключается в том, чтобы, основываясь на культурном опыте художника и зрителя, создать название картины, способное раскрыть ее содержание и привлечь внимание реципиента. Исследователь

И. П. Лугаськова подчеркивает, что функция перевода названия картины шире, и заключается не просто в отражении содержания, но прежде всего в информировании о тех или иных исторических событиях, местах, личностях. Перевод названия картины координирует её смысловое восприятие зрителем [5, с. 91]. Именно поэтому перевод названия должен быть ориентирован на реципиента, учитывать его языковые и культурные особенности. Название должно оставаться понятным, узнаваемым и простым для восприятия, для этого переводчику необходимо учитывать весь спектр языковых и экстралингвистических факторов.

На практике, при попытке соблюсти все вышперечисленные нюансы, переводчик сталкивается с рядом проблем, которые могут быть обусловлены, например, наличием безэквивалентной лексики, культурных реалий, незнакомых иностранному реципиенту и требующих адаптации. Трудности могут возникать ввиду различий в грамматических структурах двух языков, не позволяющих теми же средствами передать все оттенки лексического значения оригинала. Например, в русском языке наиболее продуктивным способом словообразования является аффиксальный. Разнообразие суффиксов в русском языке позволяет автору произведения придать названию эмоциональную окраску (например, «*Ночка*» А. Саврасова, «*Вдовушка*» П. Федотова), что не всегда возможно в английском языке и вынуждает переводчика искать иные средства для передачи необходимого лексического значения.

Итак, задача переводчика состоит в том, чтобы оригинал и перевод названия картины обладали коммуникативной равнозначностью и адекватностью восприятия [5, с. 92]. И. П. Лугаськова пишет о необходимости переводчика прибегать к прагматической адаптации названия картины, что обусловлено культурными различиями между автором произведения и зрителем. Об этом же пишет Н. М. Мухаметгареева, указывая на то, что выбор стратегии перевода названий картин «определяется потребностью в социокультурной или прагматической адаптации текста, то есть в таком переводе его названия, который бы имел определенную смысловую нагрузку для зрителя» [6, с. 71]. Кроме того, в переводе должны быть переданы стилистические, коммуникативные и художественные ценности оригинала.

Н. М. Мухаметгареева в своей работе выделяет и описывает следующие стратегии перевода артионимов [6, с. 72]:

1. Прямой (буквальный) перевод. Данная стратегия применяется при отсутствии непередаваемых социокультурных реалий и конфликта между формой и содержанием.

2. Трансформация названия. Применение данной стратегии может быть обусловлено лексическими, стилистическими, функциональными, прагматическими факторами. Например, при необходимости переводчик может прибегнуть к смысловой адаптации. В этом случае смысловая или жанровая недостаточность, вызванная дословным переводом, может быть компенсирована за счет замены или добавления лексических элементов, связанных с сюжетом произведения.

3. Замена названия. К данной стратегии переводчики прибегают в случае невозможности передать прагматический смысл исходного текста.

Особенности реализации данных стратегий были проанализированы нами в отобранном практическом материале (200 названий произведений русских художников и их переводов на английский и немецкий языки), произведен подсчет частотности применения той или иной стратегии в процентном соотношении (табл. 1).

Таблица 1. Частотность стратегий перевода артионимов (%)

Стратегия	Английский язык	Немецкий язык
Прямой (буквальный) перевод	50,9	30,8
Трансформация названия	46,5	59,7
Замена названия	2,6	9,5

Как можно видеть из полученных результатов (табл. 1), разница между первой и второй стратегией небольшая, однако наиболее распространенной стратегией перевода на английский язык является прямой перевод. В случае с переводами на немецкий язык чаще всего используется стратегия трансформации названия. Куда менее распространена стратегия полной замены названия. Можно предположить, что приём полной замены рассматривается большинством переводчиков как радикальный. По данным таблицы видно, что значительно чаще полной замене подвергались переводы названий на немецкий язык. При полной замене переводчик стремится передать не написанное в названии, а подразумеваемое. Сюжет картины может подтолкнуть переводчика передать не текст, а визуальные образы. Кроме того, переводчики нередко прибегают к полной замене в случаях, когда необходимо наиболее полно передать, или «растолковать» название, содержащее неперевожимую реалию.

Рассмотрим несколько примеров.

(1) Ф. А. Малявин «Вихрь» - нем. «*Wirbelnde Kleider*» (досл. *Кружащиеся платья*), англ. «*The Whirlwind*»

Если соотнести оригинальное название картины непосредственно с изображением, то станет понятно, что русскоязычный артионим носит скорее

метафорический характер. Немецкий вариант перевода призван отразить не столько текст оригинального названия, сколько визуальный образ самой картины. В английском варианте используется прямой перевод.

(2) И. И. Левитан «Вечер. Золотой Плёт» - нем. «*Abendstille am großen Fluß*» (досл. Вечерняя тишина у большой реки), англ. «*Evening. The Golden Plyos*»

В немецком варианте перевода мы видим полную замену названия. В отличие от первого примера, изображение на полотне легко считывается зрителем и переводу не обязательно нести дополнительную функциональную нагрузку, заключающуюся в «разъяснении» содержания. В немецком варианте перевода замена названия является не более чем актом творчества самого переводчика.

(3) В. А. Серов «Ходоки у В. И. Ленина» - нем. «*W.I. Lenin im Gespräch mit einer Bauernabordnung*» (досл. В. И. Ленин в беседе с крестьянской делегацией.), англ. «*Peasant petitioners visiting Lenin*» (Крестьяне-челобитчики в гостях у Ленина)

В данном случае мы видим замену названия в переводах на оба языка. Применение данной стратегии обусловлено наличием реалии в оригинальном названии. Согласно Толковому словарю Ушакова, «ходок – это выборный от крестьян, посланный куда-нибудь ходатайствовать о чем-нибудь перед кем-нибудь». Посредством полной замены названия, переводчикам удалось «растолковать» содержание оригинала для иностранных реципиентов.

(4) И. И. Левитан «Солнечный день. Деревня» - нем. «*Bauernkaten im Sonnenlicht*» (досл. Крестьянские хижины в солнечном свете), англ. «*Sunny Day. Village*»

В данном случае в немецком варианте переводчик прибегнул к полной замене названия. Как и в случае со вторым примером, практической необходимости в изменении оригинального названия нет. Можно лишь предположить, что посредством измененного названия, описывающего изображенные на холсте объекты, переводчик преследовал цель отделить картину среди прочих схожих произведений. В английском варианте переводчик обратился к прямому переводу.

Необходимо отметить, что стратегия трансформации названия применяется в подавляющем количестве случаев в переводах на немецкий язык, и достаточно часто встречается в английских вариантах перевода. Более подробный анализ позволил выявить наиболее распространенные приёмы и трансформации при переводе артионимов (табл. 2).

Таблица 2. Приёмы и трансформации при переводе артионимов (%)

Приём/трансформация	Английский язык	Немецкий язык
Добавление	18	34
Опущение	22	16
Транскрибирование/Транслитерация	28	23
Генерализация	4	2
Конкретизация	1	1
Перестановка	6	6
Функциональный аналог	8	6
Калькирование	5	5
Членение/объединение предложений	7	5
Описательный перевод	1	2

Следует отметить, что в большинстве переводов, как на английский, так и на немецкий язык присутствуют комбинации сразу нескольких трансформаций и приемов. Полученные данные показывают, что различия в частоте использования тех или иных переводческих трансформаций на двух языках в основном незначительные.

Из данных (табл. 2) можно увидеть, что наиболее часто используемой трансформацией в немецком языке является добавление. Приём добавления призван «уточнить» или отразить непосредственно содержание картины, предоставить дополнительную информацию, или передать невыраженные семантические компоненты оригинала. Рассмотрим несколько примеров.

(5) *И. Е. Репин «Портрет Николая II» - нем. *Porträt des Kaisers Nikolaus II*, англ. «Portrait of Nicholas II»*

Как можно видеть, в немецком варианте перевода добавлено существительное *Kaiser*. Посредством приёма добавления переводчик как бы акцентирует внимание на высоком титуле изображенного человека. В английском варианте название переведено дословно.

(6) *Е. Е. Лансере «Императрица Елизавета Петровна в Царском Селе» - нем. «Kaiserin Elisabetha Petrowna (Tochter Peteres des Grossen) in Zarskojo Selo» (досл. Императрица Елизавета Петровна (дочь Петра Великого) в Царском Селе), англ. «Empress Elizabeth in Tsarskoye Selo»*

В немецком варианте, помимо приёма транскрибирования и использования функционального аналога, можно заметить вставочную конструкцию, отсутствующую в оригинале. Отчество является социокультурной реалией России. Посредством добавления лексической единицы, в данном случае словосочетания, переводчик объясняет немецкому реципиенту антропоним «Petrowna» и предоставляет ему дополнительную информацию об императрице. В английском варианте переводчик опустил отчество и использовал приём транскрибирования.

(7) С. К. Петров-Водкин «Яблоки» - нем. «*Äpfel auf rotem Untergrund*» (досл. Яблоки на красном фоне), англ. «*Apples*»

В немецком варианте перевода присутствует приём добавления. Можно предположить, что переводчик, таким образом хотел не только максимально отразить содержание картины в названии, но и выделить её среди прочих работ с аналогичным названием.

(8) В. М. Васнецов «Иван-царевич на Сером Волке» - нем. «*Iwan Zarewitsch auf dem grauen Wolf / Iwan Zarewitsch reitet auf dem grauen Wolf*» (досл. Иван-царевич едет верхом на сером волке), англ. «*Ivan Tsarevich on a Grey Wolf / Ivan Tsarevich Riding the Grey Wolf*» (Иван-царевич едет верхом на сером волке)

К картине В. М. Васнецова были подобраны несколько вариантов перевода на оба языка. В обоих случаях во втором варианте перевода мы видим добавление лексических единиц, отсутствующих в оригинале. В немецком варианте это глагол *reitet*, в английском – *riding*. Приём добавления призван здесь передать имплицитный (подразумеваемый, но оставшийся невыраженным) семантический компонент оригинала, в данном случае глагол «ехать».

Изучение практического материала показало, что английские и немецкие переводы артионимов характеризуются частым использованием приёма транскрибирования. В первую очередь это связано с тем, что в состав многих названий картин входят антропонимы и топонимы, а также реалии русской культуры, которые посредством данного приёма сохраняются и без изменений переносятся в текст перевода. Например: В. М. Васнецов «Алёнушка» – нем. «*Aljonuschka*», англ. «*Alyonushka*»; Е. Е. Лансере «Императрица Елизавета Петровна в Царском Селе» - нем. «*Kaiserin Elisabetha Petrowna in Zarskojo Selo*», англ. «*Empress Elizabeth in Tsarskoye Selo*»; Н. Н. Ге «Пётр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе» - нем. «*Peter I. verhört den Zarewitsch Alexei Petrowitsch in Peterhof*» и др.

Наименее распространенными приёмами в переводах названий, как на английский, так и на немецкий языки, являются: генерализация, конкретизация и описательный перевод. Разница в частоте использования данных приёмов незначительна. Приём генерализации чаще встречается в переводах на английский язык. Рассмотрим примеры.

(9) Ф. А. Васильев «Перед грозой» - нем. «*Vor dem Gewitter*», англ. «*Before Rain*» (досл. Перед дождем).

В английском варианте слово «гроза» было нейтрализовано и переведено более общим понятием «дождь». В немецком варианте используется дословный перевод.

(10) М. В. Нестеров «Великий постриг» - нем. «Die große Mönchsweihe» (досл. Великое монашеское посвящение), англ. «The Great Initiation» (досл. Великое посвящение)

Согласно толковому словарю Ушакова, слово «постриг» обозначает обряд принятия монашества, сопровождающийся подрезыванием волос. Немецкий перевод полностью передает значение оригинала, в то время как в английском варианте переводчик прибегнул к приёму генерализации. Слово *initiation* имеет более широкое значение и обозначает посвящение либо принятие кого-либо во что-либо: посвящение в тайну, принятие в общество и т.д. С одной стороны, более удачным вариантом, с точки зрения передачи смысла, было бы использование слова *tonsure* (тонзура или пострижение) или глагольного словосочетания *take the veil* (принять монашество), что имеет общее значение с «постригом». С другой стороны, выбранный переводчиком вариант сохраняет синтаксическую структуру оригинала и воплощает в себе ряд специфических функций артионима, а именно эмоциональную (слово *great* взывает к определенным возвышенным чувствам у реципиента), и эстетическую (название легко запоминается, имеет приятную звуковую и графическую форму).

Приём конкретизации одинаково редко применяется для перевода как на английский, так и на немецкий язык. Например: А. И. Куинджи «После дождя» - нем. «*Nach dem Sturm*» (После шторма), англ. «*After the Rain*».

Остальные виды трансформаций используются в английском и немецком вариантах перевода примерно поровну.

Таким образом, в результате анализа практического материала удалось выяснить, что наиболее распространенной стратегией перевода артионимов на английский язык является прямой (буквальный) перевод, на немецкий – стратегия трансформации названия. В значительно меньшей степени в обоих языках распространена стратегия полной замены названия, которая рассматривается как радикальная. Более подробный анализ помог установить, что различия в частоте использования тех или иных переводческих трансформаций на двух языках в основном незначительные.

Подводя итог вышеизложенного, еще раз выделим основные выводы проведенного исследования:

1. Артионим является неотъемлемой частью произведения, берущей на себя часть смысловой нагрузки картины.

2. Перевод артионимов представляет собой отдельную переводческую проблему, в основе их перевода лежит необходимость прагматической адаптации, т.е.

перевод названия картин должен быть ориентирован на получателя, учитывать его языковые и культурные особенности.

3. Использование того или иного переводческого приёма не всегда связано с необходимостью решения определенной переводческой задачи. В отдельных случаях процесс трансформации или создание нового названия на другом языке – не более чем акт творчества самого переводчика.

4. Различия в частоте использования определенных переводческих трансформаций на немецком и английском языках в основном незначительные. Однако в целом переводчики на немецкий язык чаще прибегают к использованию трансформаций или полной замене названия там, где переводчики на английский обращаются к прямому переводу.

5. Артионимы, будучи продуктом своей эпохи, хранят в себе уникальную лингвокультурную информацию и являются не просто результатом творческого процесса, а его непосредственной частью, через которую художник стремится «объяснить» зрителю происходящее на картине, донести своё субъективное видение. Переводчик должен принимать во внимание культурный и исторический контекст произведения, понимать, как название соотносится с сюжетом картины, и что посредством названия хотел сказать или добиться автор.

Список литературы

1. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. Москва: Наука, 1988. 192 с.
2. Pirinen M. Game of the Name. Titles and Titling of Visual Artworks in Theoretical Discussions from 1960 to 2015. Jyväskylä: Open Science Centre, University of Jyväskylä, 2020. 178 p.
3. Maurizio V. The translation of book titles: theoretical and practical aspects // Beyond Borders: Translations Moving Languages, Literatures and Cultures. 2011. pp. 183–197.
4. Мухаметгареева Н.М. Специфика перевода названий картин (на примере полотен Винсента ван Гога) // Вестник ВЭГУ. 2014. № 5. С. 171–176
5. Лугаськова И.П. Лингвокультурологический аспект перевода названий произведений изобразительного искусства с английского на русский язык (на примере названий картин английских художников XVIII - XIX вв.) // Центр и периферия. 2021. № 1. С. 90–93.
6. Мухаметгареева Н.М. Артионим во французском и русском искусствоведческих дискурсах: лингвокультурологический аспект перевода: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы. Уфа, 2017. 203 с.

УДК 81

**Сяо Ц., Ло Х. Обзор китайского перевода русской поэзии в Китае
в последние 20 лет XX века**

Сяо Цзинъюй

Кандидат филос. наук, профессор Гуандунского университета иностранных языков
и внешней торговли, КНР, Гуанчжоу
Najia0802@163.com

Ло Хунцунь

Аспирант факультета русского языка и литературы Гуандунского университета
и иностранных языков и внешней торговли, КНР, Гуанчжоу

**A Review on the Translation of Russian Poetry into Chinese in the last 20 years
of the 20th century**

Xiao Jingyu

PhD in Philosophy, Professor, Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China

Luo Hongchun

Postgraduate student at the Department of Russian Language and Literature, Guangdong
University of Foreign Studies, Guangzhou, China

Аннотация. В статье проводится обзор истории перевода русской поэзии на китайский язык в Китае в последние 20 лет XX века. Авторы обращают внимание на китайский перевод русской поэзии, возникший и развивающийся в связи с усилением тренда распространения западного образования на восток в позднецинский и ранний республиканский периоды. По мнению Авторов, китайский перевод русской поэзии представляет собой сознательное приобщение китайского народа к русской культуре на определённом историческом этапе, что отражает реальность и духовную потребность китайского общества. Большим иллюстративным материалом авторы подтверждают значимость прослеживания истории перевода русской поэзии в современном Китае и изучения её генеалогических особенностей для развития обмена между китайской и российской цивилизациями.

Ключевые слова: китайский перевод, русская поэзия, современный Китай, Реформа и открытость, последние 20 лет XX века

Abstract. The article reviews the history of the translation of Russian poetry into Chinese in China in the last 20 years of the 20th century. The article provides an overview of the history of the translation of Russian poetry into Chinese in China in the last 20 years of the 20th century. The authors draw attention to the Chinese translation of Russian poetry, which arose and developed in connection with the strengthening of the trend of the spread of Western education to the East in the late and early republican periods. According to the authors, the Chinese translation of Russian poetry represents a conscious introduction of the Chinese people to Russian culture at a certain historical stage, which reflects the reality and spiritual need of Chinese society. With a large amount of illustrative material, the authors confirm the importance of tracing the history of the translation of Russian poetry in modern China and studying its genealogical features for the development of exchange between the Chinese and Russian civilizations.

Key words: Chinese translation, Russian poetry, modern China, Reform and opening-up, the last 20 years of the 20th century

Работа написана при поддержке Фонда планирования гуманитарных и социальных наук Министерства образования КНР (21YJA752012).

With the support of the 2021 Humanities and Social Science General Program sponsored by the Ministry of Education of the People's Republic of China (21YJA752012).

Русская поэзия - важный представитель русской литературы и жемчужина в сокровищнице мировой поэзии. На протяжении долгого времени стихи многих известных русских поэтов, таких как А.С.Пушкин, М.Ю.Лермонтов, И.А.Крылов, А.С.Грибоедов, Ф.И.Тютчев, А.А.Блок, А.А.Ахматова, К.Ф.Рылеев, А.И.Куприн, И.А.Бунин, Д.Л.Андреев, В.В.Маяковский, В.А.Жуковский и т.д., постоянно переводились в других странах мира и стали популярными произведениями. В Китае они также пользовались популярностью. Фактически ещё в 1845 году первыми произведениями русской литературы, появившимися в Китае, были русские стихи, т. е. сборники стихов И.А.Крылова и И.И.Дмитриева, подаренные Китаю российским посланником. Именно эти произведения положили начало обмену между китайской и русской литературой.

За последние сто лет, перевод русской поэзии на китайский язык пережил удивительный процесс. С началом политики «реформ и открытости» в 1978 г. раскрепостилось мышление китайских учёных, и русская и советская поэзия вновь стала объектом внимания в Китае. Уже с 1979 г. один за другим стали выходить в свет сборники русской и советской поэзии на китайском языке, причём их количество росло год от года, в отличие от ситуации 70-80-х годов, когда существовал пробел в переводе русской и советской поэзии на китайский язык. Одновременно в Китае появилось большое количество молодых поэтов, таких как Хай Цзы, Ши Чжи, Май Ман, Гу Чэн, Бэй Дао, Шу Тин, Си Мужун, Юй Гуанчжун. Их стихи вызвали бурную реакцию в обществе и возглавили тенденцию к поэзии в 80-х годах. Под их влиянием многие люди стали с энтузиазмом писать и читать стихи. Такая атмосфера создала благоприятные условия для дальнейшего развития перевода русской поэзии в Китае. Можно сказать, что после 20-летнего застоя русское и советское поэтическое произведение вновь начало процветать на китайской земле. Рассматривая китайский перевод русской поэзии в современном Китае, замечаем, что эту историю можно делить на два периода со своими особенностями.

I. Китайский перевод русской поэзии в период с начала «Реформы и открытости» к началу 90-х гг. XX века

С 1979 по 1982 год в Китае публиковалось в среднем в год по три перевода русской и советской поэзии, в 1983 году число возросло до шести. А в 1985 году - до четырнадцати, что стало самым высоким показателем за всю историю [1, с.345]. Поэтические переводы этого периода были разнообразны по тематике и богаты по содержанию, в отличие от начала нового Китая, когда было сильное политическое вмешательство.

В СССР после прихода к власти Горбачёва началась идеологическая "оттепель", и стало тайно распространяться творчество многих поэтов, отвергнутых и критикованных в прошлом: поэтов-эмигрантов И.А.Бунина, М.И.Цветаевой, Б.Ю.Поплавского, И.А.Бродского; поэтов-акмеистов А.А.Ахматовой, Н.С.Гумилёва, О.Э.Мандельштама; поэта сельской школы Есенина; поэтов-символистов Ф.И.Тютчев, А.А.Блока, В.Я.Брюсова и др. С возрождением этих стихотворений в СССР в то время, большое количество китайских переводчиков-русистов начали переводить их в Китае. Вскоре эти стихи появились и бурно распространились в Китае. Основные из них: «Избранная лирика Есенина» (Лю Чжаньцю, Жу Сянсюэ, Шанхайское издательство переводов, 1982), «Рецензия и избранные стихотворения Есенина» (Гу Юньпу и др., Издательство Пекинского университета, 1983), «Избранные стихотворения Ахматовой» (Дай Цун, Сычуаньское литературно-художественное издательство, 1985), «Избранные стихотворения Тютчева» (Чжа Лянчжэн, Издательство иностранной литературы, 1985), «Избранные стихотворения Ахматовой» (Ван Шоужэнь, Ли Хуа, Издательство Лицзян, 1987), «Стихи о прекрасной даме» Блока (Цин Жун, Издательство литературы и искусства Бэйюэ, 1988), «Избранная лирика Бунина» (Гэ Чунюэ, Издательство литературы и искусства Аньхой, 1989), «Избранные стихотворения поэта-символиста Брюсова» (Фан Юань, Издательство Китайской федерации литературы и искусства, 1989), «Вальс со слезой - избранные стихотворения поэта-лауреата Нобелевской премии Пастернака», (Ли Ган, У Ди, Чжэцзянское издательство литературы и искусства, 1988) и т.д.

Кроме того, в 1980-х годах переводилась классика русской поэзии в больших масштабах, чем когда-либо ранее. Причём качество перевода намного повысилось. К числу представителей относятся такие произведения, как «Избранные стихотворения Некрасова» (Вэй Хуанну, Шанхайское издательство переводов, 1980—1985), «Избранная лирика Пушкина» (Чжа Лянчжэн, Цзянцзунское народное издательство, 1982), «Избранная лирика Лермонтова» (Гу Юньпу, Изд.

преподавания и исследования иностранных языков, 1982), «Избранные стихотворения Шевченка» (Гэ Баоцюань, Шанхайское издательство переводов, 1983), «Сказки в стихах Пушкина»(Фэн Чунь, Мэн Хай, Шанхайское издательство переводов, 1982—1984), «Собрание современной советской поэзии»(У Ланьхань, Изд. иностранной литературы, 1984), «Евгений Онегин»(Фэн Чунь, Шанхайское издательство переводов, 1982—1986), «Избранная лирика Пушкина» (Фэн Чунь, Аньхойское издательство литературы и искусства, 1985), «Сборник поэм Пушкина»(Чжа Лянчжэн, Сычуаньское издательство литературы и искусства, 1985), «Избранные стихотворения Тютчева»(Чжа Лянчжэн, Изд. иностранной литературы, 1985), «Сборник переводов Гэ Баоцюаня - избранные стихотворения Пушкина»(Гэ Баоцюань, Изд. Пекин, 1987).

Стоит отметить, что стихи В.А.Жуковского, к которым раньше относились с осторожностью из-за их сильного религиозного подтекста, стали переводиться. Также в этот период впервые систематически переводились стихи Ф.И.Тютчева и Т.Г.Шевченка, которым раньше не уделялось должного внимания.

Поэт-символист Ф.И.Тютчев повлиял символистскую эстетику - "музыкальность стиха", и его стихотворения ритмичны, гармоничны, предельно музыкальны. К тому же он был очень строг к поэтическому творчеству и был известен привычкой шлифовать свой язык. [2] Это, несомненно, создаёт большие трудности при переводе. Как максимально воспроизвести музыкальные эффекты оригинального стихотворения, чтобы успешно передать его стиль и очарование, стало главной проблемой, стоящей перед переводчиком. Переводчик английской, американской и русской литературы Чжа Лянчжэн перенёс метод «пауза вместо стопы» в китайском переводе английских стихотворений на китайский перевод стихотворений Тютчева. «Пауза вместо стопы» - это переводческий приём, заключающийся в использовании паузы вместо стопы с целью воспроизведения ритма оригинального стихотворения. «Стопа» - это особое сочетание ударных и безударных слогов в строке, разные сочетания образуют различные стопы. Основными являются следующие: хорей, ямб, дактиль, амфибрахий и анапест. А сочетание нескольких одинаковых стоп называется метром. Очевидно, что понятие «стопа» соотносится с языками, в которых есть безударные и ударные слоги, тогда как в китайском языке нет безударных и ударных слогов, поэтому известный китайский переводчик Бянь Чжилинь выдвинул идею «пауза вместо стопы». «Пауза» является основной ритмической единицей современного разговорного китайского языка, обычно по два или три цзы за каждую паузу. «Последнее цзы "паузы - четыре цзы" должно быть служебными словами («的

», «了», «吗» и т.п.), иначе данная пауза должна распадаться на два "паузы - два цзы"; Если "пауза - одно цзы" предшествует "паузе - два цзы" или следует за "паузой - два цзы", то обычно нужно присоединиться к предыдущей или следующей "паузе - два цзы" в зависимости от значения данной строки. Одно цзы не может быть самостоятельной паузой.» [З-, с.4] Исходя из особенностей разных языков, переводческий приём «пауза вместо стопы» нашёл два соответствующих средства создания ритма в поэзии - «стопа» и «пауза». Этот приём даёт методологические рекомендации по китайскому переводу иностранных стихотворений.

Стиль перевода Чжа Лянчжэна в большой степени соответствует этому приёму. В качестве примера можно привести его перевод стихотворения Тютчева «Вечер» ("v" используется для обозначения ударного слога, "-" - для обозначения безударного слога):

Оригинальное стихотворение Тютчева «Вечер»	Перевод Чжа Лянчжэна 《黄昏》
Как тихо веет над долиной vv-/v--/-v-	好象//遥远的//车铃//声响
Далекий колокольный звон, -v--/-v/-v	在山谷//上空//轻轻//回荡,
Как шорох стаи журавлиной, — vv-/v--/-v-	好象//鹤群//飞过, //那啼唤
И в шуме листьев замер он. -v/-v/-v/-v	消失在//飒飒的//树叶上;
Как море вешнее в разливе, vv-/v--/-v-	好象//春天的//海潮//泛滥,
Светлея, не колыхнет день, — -v/-v/--/vv	或才//破晓, //白天//就站定——
И торопливей, молчаливей ---/v--/-v-	但比这//更静悄, //更匆忙,
Ложится по долине тень. -v--/-v/-v	山谷里//飘下//夜的//暗影。

Использование Тютчевым метра можно назвать совершенным, он умеет сочетать в одном стихотворении разные метры, так что ритм получается богатым и разнообразным. Поэт-символист А. Б. Белый назвал его «единственным поэтом по богатству и многообразию ритма». Хорошим примером может служить стихотворение «Вечер». Оригинальное стихотворение состоит из восьми строк. 1-я, 3-я, 5-я и 7-я строки написаны трёхсложной стопой, причём в разных формах, включая дактиль и амфибрахий, которые расположены и повторяются в одном и том же порядке, что придаёт стихотворению аккуратность и динамичность. Слабый звон колокольчика, стая летающих журавлей, шелест листвы и весенний прилив описаны настолько живыми и реальными. 2-я, 4-я, 6-я и 8-я строки написаны четырёхсложной стопой, причём в основном ямбом. Регулярное чередование и повторение безударных и ударных слогов создаёт ощущение плавности, что проявляет спокойное состояние души поэта в сумерках. Таким образом, с помощью разнообразных метров, не только

добиваются статические и динамические эффекты, но и создаётся богатый и запоминающийся ритм.

Из перевода видно, что Чжа Лянчжэн при переводе уделяет большое внимание воспроизведению ритмической красоты оригинального стихотворения. Возможно, это его стремление к саморазвитию, ведь он сам поэт. В оригинале стихотворение имеет смешанную структуру из трёх и четырёх стоп, в переводе это представлено тремя и четырьмя паузами. Причём каждая пауза состоит из двух или трёх цзы, что соответствует двухсложной и трёхсложной стопам в оригинале. Ритм перевода в целом спокойный, изредка динамичный, хорошо совпадает с оригиналом. Можно сказать, что Чжа Лянчжэн блестяще продемонстрировал ритмическую красоту поэзии Тютчева с помощью приёма «пауза вместо стопы».

Оригинал Пушкина	Перевод Чжа Лянчжэна
«Евгений Онегин», Глава 5-13	《欧根•奥涅金》，第五章第13节
<p>Она, взглянуть назад не смея, -v/-v/-v/vv/- Поспешный ускоряет шаг; -v/--/-v/-v Но от косматого лакея v/-v/--/-v/- Не может убежать никак; vv/--/-v/-v Кряхтя, валит медведь несносный; -v/v/-v/-v/- Пред ними лес; недвижны сосны -v/-v/-v/-v/- В своей нахмуренной красе; -v/-v/--/-v Отягчены их вести все --/-v/v-/vv Клоками снега; сквозь вершины -v/-v/--/-v/- Осин, берез и лип нагих -v/-v/-v/-v Сияет луч светил ночных; -v/-v/-v/-v Дороги нет; кусты, стремнины -v/-v/-v/-v/- Метелью все занесены, -v/-v/--/-v Глубоко в снег погружены. --/vv/--/-v</p>	<p>她连//回头//望望//也不敢， 只是//急促地//往前//赶路， 但无论//多快，//也躲不开 这个//毛茸茸的//忠仆。 可怕的//大熊//呜呜//叫着 往前//奔蹿。//前面//一片//苍松， 每一棵树//都呈现//肃穆的美， 枝桠//堆着雪，//凝然不动。 还有//桦树、//菩提//和白杨， 夜空的//繁星//从它们//高高的 枝桠的//树顶，//洒下//青幽的光。 远近//不见路，//一望迷离， 矮的//树丛//和急流的//溪水 都深深地//埋在//积雪里。</p>

В целом, количество строк в переводе совпадает с количеством строк в оригинале, и количество цзы в каждой строке перевода примерно соответствует количеству слогов в каждой строке оригинала. В частности, оригинальное стихотворение состоит из комбинации четырёх и пяти стоп, в том числе четыре стопы - восемь строк, а пять стоп - шесть строк; в переводе, за исключением 6-й строки, имеющей пять пауз, остальные строки имеют либо четыре паузы, либо три паузы, что соответствует количеству стоп в каждой строке оригинала.

Другой переводчик Вэнь Пэйюнь использовал новую поэтику - Байхуа в своём сборнике переводных стихов «Лин Лу Цзи», поскольку его переводы обладали двумя характеристиками: популяризацией языка и либерализацией поэтики.

С одной стороны, в переводах используются разговорная речь и заимствованные слова, что делает переводы доступными и актуальными. Например, в «Зимняя дорога» («Тройка» А. С. Пушкин) используется заимствованное слово, являющееся основным средством передвижения россиян до Эпохи Пара и даже национальным символом России.

А с другой стороны, строки различной длины используются в переводах, что придаёт переводам свободу и освобождает переводы от ограничений метра. Например, в «Белый олень» (И. А. Бунин) используются и длинные и короткие фразы, что делает перевод более естественным и ритмичным, чем метрический стих.

Наибольший вклад в перевод произведений А.С.Пушкина в этот период внёс Фэн Чунь. Он известен как "передающий полного образа Пушкина", и был одним из самых авторитетных переводчиков произведений Пушкина в 1980-е годы. Он творчески перевёл «Евгений Онегин», используя структуру сонета, включая итальянский петраркизм и английский Шекспировский стиль. Перевод получился выразительным и гармоничным, максимально передал китайским читателям настроение и колорит оригинального стихотворения.

Сравнивая перевод Фэн Чуня с переводом Чжа Лянчжэна, мы видим, что у каждого из них свой собственный стиль, но оба они достигли «достоверности, доходчивости и изящества». И помимо точности, эти два перевода насыщены красотами языка, ритма и настроения. Конечно, как говорил сам Фэн Чунь, он использовал относительно свободный подход, уделяя должное внимание ритму и рифме, в основном стремясь к грамотности и плавности. Лучше выразить мысли и чувства, чем следовать формальной строгости [4].

Эквивалентность на синтаксическом уровне - это формальная замена и внутриязыковая эквивалентность. Перевод на этом уровне заключается в замене знака одного языка (языковой единицы) знаком другого языка при сохранении синтаксических отношений. В качестве примера можно привести первую строку оригинального стихотворения Пушкина - «Она, взглянуть назад не смея, Поспешный ускоряет шаг» (перевод Фэн Чуня: «她不敢回头看上一眼, 只是急匆匆加快着脚步»). [5, с.31] Здесь слова, используемые в переводе Фэн Чуня, относительно просты, и семантика не слишком сложна. Перевод осуществлялся на основе синтаксической эквивалентности, т.е. сначала проводился синтаксический анализ оригинального

текста, затем выразились одни и те же синтаксические отношения на китайском языке. Итак, получился перевод с одинаковыми синтаксическими конструкциями. Таким образом достигалась синтаксическая эквивалентность.

Семантическая эквивалентность - это денотативная эквивалентность, которая состоит из двух уровней: компонентной эквивалентности и референтной эквивалентности. Компонентная эквивалентность заключается в сохранении семантемы оригинального текста и использовании разных формальных структур, причём в основном с помощью метода грамматической трансформации. В качестве примера можно привести третью строку оригинального стихотворения Пушкина - «Кряхтя, валит медведь несносный, Пред ними лес; недвижны сосны» (перевод Фэн Чуня: «讨厌的熊呼哧着向前奔窜, 出现了一座树林, 静止的松柏»). Здесь, хотя перевод Фэн Чуня сохраняет синтаксическую структуру оригинала, что, казалось бы, должно было относиться к синтаксической эквивалентности, Фэн Чунь добавил слова «向前» («вперёд») и «出现» («появиться») в соответствии с языковыми привычками китайцев. Фэн Чунь употребил разные грамматические средства, чтобы перевод читался легко. Это позволяет переводу более полно выразить смысл оригинала без изменения семантики, поэтому относится к компонентной эквивалентности.

Прагматическая эквивалентность – это высший уровень, который содержит ряд важных коммуникативных факторов, таких как коммуникативное намерение, коммуникативный эффект, читательское восприятие. Этот уровень обуславливает все остальные уровни и стоит выше всех остальных уровней [6, с.30]. В качестве примера можно привести пятую строку оригинального стихотворения Пушкина - «Клоками снега; сквозь вершины, Осин, берез и лип нагих. Сияет луч светил ночных.» (перевод Фэн Чуня: «沉重的白雪; 深沉的夜, 星光透过光秃的白杨、桦树和菩提的树梢向树林里流泻»). Здесь перевод короткой фразы кажется изящным, но мастерство не только в этом. В оригинале это предложение - описание состояния окружающей среды. Казалось бы, простое предложение, состоящее из нескольких слов, а на самом деле содержит обильные пространственно-временные информации. Итак, подавленное и нервное настроение героини хорошо передано. Данный перевод может выразить коммуникативное намерение автора и вызвать у читателя эмоции.

Однако, хотя переводы Чжа Лянчжэна и Фэн Чуня не идентичны, нельзя сделать простой вывод о том, какой из них лучше или хуже. Можно сказать, что оба переводчика постарались перевести «Евгений Онегин» с учётом собственного понимания и опыта, чтобы предоставить читателю новые возможности выбора. Можно лишь сказать, что чей перевод лучше в том или ином отношении.

Одним словом, расширение масштаба и повышение уровня китайского перевода русской поэзии в этот период были связаны не только с политикой реформ и открытости, но и с повышением уровня преподавания русского языка в Китае и повышением переводческой квалификации академического сообщества.

II. Китайский перевод русской поэзии в эпоху 1990-х

В 1990-е годы произошёл очередной подъём перевода русской поэзии на китайский язык. После распада Советского Союза в 1991 году произошёл переход от единства идеологии к плюрализму идеологий. В связи с этим, в сфере поэзии также начался плюралистический период. В этот период были переведены многие стихотворения символизма, акмеизма, футуризма, потока сознания и постреализма. В то же время модернистская поэзия в России вступила в период всестороннего развития. А в Китае с созданием системы социалистической рыночной экономики в 1992 году и проведением политики реформ и открытости, социалистическая культура также вступила в период развития. По мере развития исследований поэзии русского модернизма, китайские переводчики с большим энтузиазмом работали над ней. Тогда появились не только переводы стихотворений поэтов разных школ, но и различные переводы стихотворений одного и того же поэта. Об этом можно судить по следующим трём примерам[7, с.43]:

Во-первых, стихи новокрестьянского поэта С.А.Есенина были переведены шестью разными переводчиками, и были опубликованы разными издательствами: «Избранные стихотворения Есенина» (Гу Юньпу, Издательство Илин, 1999), «Лирические стихотворения Есенина» (Дин Лу, Хунаньское издательство литературы и искусства, 1991), «Берёза - избранные стихотворения Есенина» (Чжэн Фэн, Издательство иностранной литературы, 1991), «Избранные стихотворения Есенина» (Ван Чжиган, Издательство литературы и искусства "Чуньфэн", 1994), «Собрание книг и рисунков Есенина» (Ли Шень, Сычуаньское народное издательство, 2006), «Избранные стихотворения Блока и Есенина» (Чжэн Тиу, Чжэн Чжэн, Издательство Народной литературы, 1998).

Во-вторых, ниже приводятся переводы произведений поэта-акмеиста А.А.Ахматовой: «Избранные стихотворения Ахматовой» (Дай Цун, Сычуаньское издательство литературы и искусства, 1985), «Любовь - избранные стихотворения Ахматовой» (У Ланьхань, Издательство иностранной литературы, 1991), «Собрание стихов и проза Ахматовой» (Ма Хайдянь, Сюй Чжэнь, Аньхойское издательство литературы и искусства, 1991), «Реквием» (Ван Шоужэнь и др., Издательство

Цветочного города, 1992), «Воспоминания и стихи» (Ма Хайдянь, Издательство Цветочного города, 2001); Сборники стихотворений её мужа, поэта-акмеиста Гумилёва также активно переводились на китайский язык, и были изданы рядом издательств: «Сегодняшний мир - избранные стихотворения Гумилёва» (Ли Хай, Издательство иностранной литературы, 1992), «Сад души - избранные стихотворения Гумилёва» (Ли Хуа, Шанхайское издательство переводов, 1996). Кроме того, существует несколько переводов произведений О.Э.Мандельштама - яркого представителя акмеизма: «Ракушка - избранные стихотворения Мандельштама» (Чжи Лян, Издательство иностранной литературы, 1991), «Избранные стихотворения Мандельштама» (Ян Цзы, Хэбэйское образовательное издательство, 2003), «Полное собрание сочинений Мандельштама» (Ван Цзяньчжао, Издательство Восток, 2008). Появление этих переводов изменило прежнюю ситуацию, когда произведения Н.Г. Гумилёва и О.Э.Мандельштама вообще не переводились.

В-третьих, были всесторонне переведены и произведения поэтов-эмигрантов М.И.Цветаевой и И.А.Бунина. Например, «Нежный призрак - избранные стихотворения Цветаевой» (Лоу Цзылян, Шанхайское издательство переводов, 1990), «Тебе - через сто лет: избранные стихотворения Цветаевой» (Су Хан, Издательство иностранной литературы, 1991), «Собрание сочинений Цветаевой · Стихотворения» (Ван Цзяньчжао, Издательство Восток, 2003); «Избранные сочинения Бунина» (Гу Юньпу, Издательство Пекин Яньшань, 2005), «Собрание сочинений Бунина·Стихотворения» (Дай Цун, Лоу Цзылян, Аньхойское издательство литературы и искусства, 2005) и «Собрание сочинений Бунина» (Чэнь Фу, Издательство народной литературы, 2009). Ван Цзяньчжао перевёл и редактировал «Избранные русские эмигрантские стихотворения XX века» (в 2-х томах) (Хэбэйское образовательное издательство, 2004), он систематически и всесторонне перевёл шедевры ряда представительных русских поэтов-эмигрантов, что вызвало большой резонанс.

Ниже приводятся переводы произведений русских поэтов-символистов в этот период: «Избранные стихотворения русского символизма» (Ли Хаочжи, Чжэцзянское издательство литературы и искусства, 1996), «Юность• любовь• воображение» Блока (Ван Ицян, Ли Сихай, Народное издательство Шэньси, 1990), «Избранные лирические стихотворения Блока» (Ван Цзяньчжао, Хэбэйское образовательное издательство, 2003), «Избранные стихотворения Блока» (Дин Жэнь, Издательство литературы и искусства Бэйюэ, 2000), «Пылающий ангел» Брюсова (Чжоу Цичао, Лю Кайхуа, Издательство Харбин, 1999), «Избранные

стихотворения Гиппиуса» (Ван Цзяньчжао, Хэбэйское образовательное издательство, 2003), «Петербург» Белого (Цзинь Гэ, Ян Гуан, Издательство Гуанчжоу, 1996), «Почтовый голубь» (Ли Чжэнвэнь и др., Юньнаньский народный издательский дом, 1998), «Роза обручения - избранные стихотворения русского символизма» (Ван Цзяньчжао, Изд. Китайской федерации литературы и искусства, 1992).

Вышесказанное - это в основном переводы произведений Серебряного века русской поэзии. В то же время в Китае перевод произведений Золотого века русской поэзии стал более систематическим и всесторонним. В этот период стихи великих поэтов Золотого века, таких как А.С.Пушкин и М.Ю.Лермонтов, систематически и всесторонне издавались в виде многотомных сборников. Основными из них являются: «Полное собрание лирических стихотворений Пушкина» (Гэ Баоцюань и др., Чжэцзянское издательство литературы и искусства, 1994), «Собрание сочинений Пушкина» (в 10 томах) (Фэн Чунь, Шанхайское издательство переводов, 1999), «Собрание сочинений Пушкина» (в 7 томах) (Лу Юн, Издательство Народной литературы, 1995), «Полное собрание сочинений Пушкина» (в 8 томах) (Сяо Ма, У Ди, Чжэцзянское издательство литературы и искусства, 1997), «Полное собрание сочинений Пушкина» (в 10 томах) (под ред. Лю Вэньфэя, Хэбэйское образовательное издательство, 1999), «Полное собрание сочинений Лермонтова» (в 5 томах) (под ред. Гу Юньпу, Хэбэйское образовательное издательство, 1996), «Полное собрание лирических стихотворений Лермонтова» (Юй Чжэнь, Чжэцзянское издательство литературы и искусства, 1994), «Собрание сочинений Лермонтова» (в 7 томах) (Юй Чжэнь, Шанхайское издательство переводов, 1998), «Избранные русские лирические стихотворения» (Чжан Цаожэнь, Шанхайское издательство переводов, 1992) и т.д. Публикация этих переводов стихотворений имеет огромное значение для всестороннего понимания мыслей русских поэтов Золотого и Серебряного веков.

Конечно, недостатком является то, что стихотворения некоторых поэтов Серебряного века, отличающихся высоким поэтическим мастерством, до сих пор редко переводятся, в том числе В. Иванова, А. Белого, К. Бальмонта, Д. Мережковского, Ф. Сологуба, В. Хлебникова. Также отсутствуют переводы стихотворений футуризма, постмодернизма, потока сознания и других школ. И в настоящее время в Китае очень мало внимания уделяется современной русской поэзии (XXI века), поскольку количество переводов таких стихотворений крайне ограничено.

Тем не менее, рассматривая переводы на китайский язык некоторых известных переводчиков этого периода, нетрудно оценить переводческое мастерство, которое стоит изучать и исследовать.

В качестве примера можно привести перевод профессором Пекинского университета Гу Юньпу стихотворения С. Есенина "Гой ты, Русь, моя родная..." [8, с.61]. В качестве примера можно привести использование им таких приемов, как сложение, вычитание, заимствование и подобные трансформации.

Это стихотворение С. Есенина - восхваление своей страны. "Гой" - восклицание, встречающееся в основном в народной поэзии, "используется в приветствиях и поздравлениях, часто употребляется в сочетании с местоимением второго лица, чтобы сказать Ну! Да будешь ты здоров! Да будет долголетие!".

Постигнув чувства автора в целом, Гу Юньпу переводит восклицание, название статьи "Гой ты, Русь, моя родная..." в "Как ты прекрасна, Роза! и не только в этом случае апостроф меняется на "Росс", но и в первой строке стихотворения "Хаты - в ризах образа..." с помощью симилияра. В первой строке "Хаты - в ризах образа...", благодаря использованию метафоры и добавлению слова "像" в соответствии с китайским обычаем, имплицитный риторический смысл предложения переводится точно: "Крестьянский дом подобен иконе, украшенной сюртуком".

В следующем предложении слова "Не видать конца и края" переводятся путем вычитания слова, что переводится как "Я не вижу твоего конца с первого взгляда". В оригинальном тексте слово "конца и края" в словаре означает "the end and the edge", но согласно идиоме русского языка оно означает "конец", поэтому не может быть переведено как "Я не вижу твоих концов и краев", и в переводе опускается ничего не значащее слово.

В последующем переводе предложения -- "Только синь сосёт глаза." -- внешний признак "синь" (первоначально означающий "синий") используется для обозначения вещи, т. е. "синий" используется для обозначения "синего неба", поэтому Гувэнь переводит её как "одно только синее небо засасывает мой взгляд". В предложении "На приволье зеленых лех" (перевод Гу: "Бегу на широкие зеленые пастбища") снова используется прием лексической трансформации, существительное "широкое место" заменяется существительным "синее", а существительное "синее" используется для обозначения "синего неба", поэтому Гу переводит его как "только синее небо засасывает мой взгляд". Во фразе "приволье" (перевод Гу: "бегу к широким зеленым пастбищам") также используется прием трансформации слов, при котором

существительное "приволье", означающее "широкое место", переводится прилагательным "широкий".

Перевод Гу Юньпу - точный и беглый, с нежными и страстными штрихами, заставляющими читателя почувствовать, что чтение стихотворения - это своего рода прекрасное наслаждение. И использование этих приемов играет в нем немаловажную роль.

Одно из главных отличий поэтического перевода от других литературных жанров - художественное манипулирование звуком. Рифма или ритм - это лингвистическая стратегия, используемая поэтом для создания звуковой красоты стихотворения. Поэтому идеальный поэтический перевод, естественно, должен учитывать и звук, и форму, стремиться к красоте звука, формы и смысла, которые неотъемлемы: если смысл не перевести в звук, то в стихотворении не будет звука; если смысл не перевести в форму, то в стихотворении не будет бога. Древние говорили: "Форма - это качество Бога, а Бог - это использование формы", поэтому "Бог - это форма, а форма - это Бог". Если форма существует, то существует и Бог; если форма утрачена, то утрачен и Бог"[9, с.421].

Переводы Гу Юя, Ли Чунъюя и других переводчиков А. А. Фета (1820-1892), известного поэта золотого века русской литературы, можно считать образцовыми. А. Фет был представителем чисто художественной школы, умел находить, ценить и создавать красоту в обыденной жизни и выражать ее в своих стихах тонкими штрихами. В русском литературном мире, где в то время преобладали поэты-реалисты, Феттер был уникален тем, что сосредоточился на лирической поэзии, в основном на темах любви и красоты природы. Многие из его стихотворений туманны, длинны и музыкальны, отличаются большой оригинальностью дикции и риторики. Это затрудняет перевод его стихов. Если взять в качестве примера перевод стихотворений Феттера, выполненный двумя вышеупомянутыми переводчиками, то можно отметить, что они гибко использовали соответствующие переводческие приемы и перевели стихи Феттера необычным образом, очень точно передав красоту звука, формы и смысла.

Хотя красота звука и формы стихотворения очень важна при переводе поэзии, которая напрямую связана с тем, может ли переведенное стихотворение передать физические характеристики стихотворения, переводчик поэзии, исходя из традиции перевода, все же ставит красоту смысла на первое место при переводе, а за красотой звука и формы обращается только после того, как убедится, что красота смысла не потеряна.

Прежде всего, основой смысла является сходство, и можно сказать, что между ними существует прогрессивная связь. Перевод должен в первую очередь соответствовать оригинальному тексту семантически, а после передачи семантики следует подумать и о передаче смысла [10, с.141]. Фейт - редкий русский поэт, обладающий обаянием восточной поэзии, его стихи очень богаты красотой смысла. Кроме того, Фейт иногда намеренно делает исходный смысл и переходное значение слов двусмысленными, их довольно трудно угадать [11, с.311], что усложняет перевод его стихов.

Возьмем, к примеру, "Печальная береза..." (Печальная береза) в стихотворении "Печальная береза у моего окна, И прихотью мороза Разубрана она...", в переводе г-на Гуйю звучит так: "Печальная береза, стоящая перед моим окном, и суровая береза... перед моим окном, и суровый холод ехидного нрава одевает ее". В этом стихотворении Феттер антропоморфирует березу и наделяет ее собственными эмоциями; он переживает за березу в снегу и льду. Но в то же время он видит березу в белом как достойную и гордую. Для того чтобы передать настроение оригинального стихотворения, необходимо хорошо понимать риторические приемы, мысли и чувства, которые использует здесь поэт. Первоначальное значение слова "печальная" - "грустная, печальная, унылая", а слово "унылая" означает безлюдная, холодная, пустынная, лишенная бодрости, невеселая, равнодушная, дряхлая. Слово "xiaosuo" означает пустынный, холодный, заброшенный, лишенный жизненных сил, бездействующий, безразличный, дряхлый; но г-н Гуйю переводит его как "печальный". Г-н Гуйю переводит это слово как "печальный", что является удачным использованием глагола "含", подчеркивающим антропоморфный прием и придающим березе более динамичное ощущение. Напротив, если перевести это слово как "меланхолия", то риторических соображений будет меньше, а настроение будет передано хуже. Кроме того, с точки зрения мыслей и чувств поэта, эта строфа призвана показать, что береза остается в вертикальном положении после испытания холодом. Если перевести ее как "угрюмая", то это будет означать, что береза погибла от сильного холода, и трудно подвести к тому, что в последующей части стихотворения береза все еще стоит высокая и гордая.

Во-вторых, обеспечив передачу смысла, умелый переводчик будет стремиться к красоте звучания. Поэзия должна обладать ритмом, рифмой, броским и хорошим звучанием, в этом и заключается красота звучания поэзии [12, с.76]. Поэзия А.Фета богата ритмом и музыкальностью, и Чайковский однажды назвал А.Фета "поэтом, похожим на музыканта". Точно так же и в китайском переводе особое внимание

уделяется тому, как сыграть роль "звука" с точки зрения рифмы, уровня и наклона, звучания, ритма и т.д., чтобы достичь художественного эффекта "звука и эмоции". А.Фет часто использует прием повтора согласных и гласных для выражения семантики через звуковые эффекты, придавая поэзии фонетическую красоту. Однако между русским и китайским произношением существует огромная разница, и передать красоту звука в процессе перевода на китайский язык, несомненно, является сложной задачей.

Гу Юй ставит "Шепот, робкое дыханье..." ("Шепот, робкое дыхание") как "Шепот, робкое дыханье, Трели соловья, Серебро и колыханье Сонного ручья". Фраза "悄声息, 怯生呼吸" переводится как "Шепот, робкое дыхание, щебетание соловья дыхание, щебет соловья, мягкое колыхание сонного ручья, серебристая рябь". В этом стихе многократно перекрываются гласные "о" и "е". В свое время Бальмонт, исследуя звуковые эффекты гласных и согласных, заметил, что "гласные 'а' ясны, гласные 'о' приятны, гласные 'е' легки" [13, с.60]. Повторение гласных 'о' и 'е' в оригинальной строфе передает радость и волнение от встречи с возлюбленным. Однако китайская фонетика не позволяет читателю ассоциировать этот аспект, поэтому в переводе Гу Юя повторы гласных не сопровождаются соответствующими акустическими эффектами. Вместо этого он использует фразу "шепот, робкое дыханье", чтобы создать атмосферу тишины, чтобы человек мог находиться в присутствии поэта, разделить с ним спокойное время свидания и почувствовать шепот возлюбленной в своем ухе.

В-третьих, красота формы также является важным аспектом красоты переводной поэзии. Сюй Юаньчун говорит о том, что красота формы стихотворений зависит от двух других аспектов: длины и симметрии, и лучше добиваться сходства форм или, по крайней мере, общей аккуратности [5, С.78]. Как видно, переводчик должен учитывать общую структуру стихотворения. В качестве примера можно привести стихотворение А. Фета "Чудная картина...".

Оригинальное стихотворение представляет собой безглагольный стих, созданный А.Фете, в котором строго соблюдается трехстопный ямбический пентаметр, количество слогов в каждой строке - 6 5 6 5, структура рифмы аккуратно организована, что позволяет достичь эффекта движения в неподвижности за счет группировки картины, а также красоты формы и смысла одновременно. С точки зрения грамматической формы, подобный безглагольный стих существует в китайской поэзии, и этот вид предложения соответствует привычке китайского выражения, например, "Одинокий дым в пустыне, солнце садится на реку Янцзы"

Ван Вэя, поэтому в переводе следует по возможности избегать глаголов. В переводе Ли Чунъюя также используются безглагольные предложения, все произведение аккуратно и симметрично, по четыре слова в строке, первые две строфы строго рифмованные, с прекрасным звучанием, формой и смыслом, что максимально восстанавливает оригинальный колорит русских стихов.

Подводя итог, можно сказать, что принципы красоты по звучанию, форме и смыслу в поэтическом переводе часто дополняют друг друга, но иногда они и противоречат друг другу, а очень часто их невозможно совместить. Изучая переводы переводчиков, легко заметить, что почти все они выступают за точность смысловой связи, а затем стремятся к красоте звучания и формы; либо разбирают возникшие трудности, используют часть перевода для передачи одной из трех красот, а затем в остальной части перевода сосредотачиваются на других красотах.

III. Заключение

Вышесказанное рассмотрение доказывает, что в последние 20 лет XX века дело перевода русской поэзии на китайский не было без препятствий. Но оно отражает не только достижения китайского перевода русской поэзии, но и социальные изменения в современном Китае, включая подъем и спад культурного обмена между Китаем и Россией. Перевод русской поэзии на китайский язык сыграл огромную роль в распространении русской литературы и культуры в Китае, а также открыл китайскому народу окно для знакомства с Россией. В настоящее время мы переживаем исторический момент беспрецедентных перемен и строительства "сообщества человеческой судьбы". Углубленное развитие дружественных отношений между Китаем и Россией, постоянное развитие цивилизационного и культурного обмена между обеими странами обеспечивают прочную основу для достижения дальнейшего процветания и развития китайского перевода русской поэзии в Китае. В этом также заключается возможность и миссия, предоставленная временем новому поколению китайских переводчиков.

Список литературы

1. Чжи Лян. Собрание сочинений Чжи Ляна. Изд. Восточно-китайского педагогического университета. 2013. 383с.
2. Jianzhao Wang. Beauty can be best reflected in poetry//Liberation Daily. 2019-05-25.
3. Бянь Чжилинь. Четыре трагедии Шекспира, Пекин: Изд. Фан Чжи, 2007. 499с.
4. Ян Цзяньминь. Вечерние новости Пекина. 2018-08-15.
5. Feng Chun. Selected Poems of Pushkin. Changsha: Yuelu Publishing House. Shanghai Translation Publishing House. 2018. 369с.
6. Цай И и Дуань Цзинхуа, Советская теория перевода. Ухань: Хубэйское образовательное издательство. 2000. 319с.
7. Мао Чживэнь. Перевод и развитие советской и русской поэзии в Китае//Преподавание русского языка в Китае, № 3, 2014. СС.40-45.
8. Гу Юньпу. Избранные стихотворения С.А.Есенина. Ханчжоу: Чжэцзянское издательство литературы и искусства. 2000. 321с.
9. Фу Дэмин. Сокровищница классической китайской литературы. Яньбянь: Народное издательство. 2007. 430с.
10. Цэн Си-и, Исследования русской поэзии. Пекин: Изда. Пекинского университета. 2018. 141с.
11. Сюй Чжифан. История русской поэзии. Пекин: Изд. Пекинского университета. 2002. 389с.
12. Xu Yuanchong: Forever Southwest Associated University. Jiangsu Phoenix Literature and Art Publishing House .2021.288с.
13. Юй Сяньцин. Музыкальное исследование лирической поэзии Бальмонта// Преподавание русского языка в Китае. №1. 2009. СС.60-64.

ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'33

Пресняков А.С. Актуальные подходы к осуществлению персуазивной интенции в современных рекламных текстах

Пресняков Александр Сергеевич

студент магистратуры факультета лингвистики
Российский Университет Дружбы Народов, РФ, г. Москва
cshsepresnyakov@gmail.com

Научный руководитель Рябова Марина Эдуардовна

д. филос. н., проф. кафедры германистики и лингводидактики
ГАОУ ВО МГПУ, РФ, г. Москва
ryabovame@mail.ru

Relevant approaches to expressing persuasive intention in modern advertising texts

Presnyakov Alexander Sergeevich

graduate student of the Faculty of Linguistics
Peoples' Friendship University, Russia, Moscow

Scientific Adviser Ryabova Marina Eduardovna

Dr. Sci. (Philosophy), Full Professor, Professor of the Department of German Studies
and Linguodidactics, Moscow City University, Russia, Moscow

Аннотация. В работе рассматриваются актуальные стратегии формирования продвигающих текстов и особенности реализации их персуазивной интенции. Целью исследования является изучение актуальных подходов к написанию персуазивных рекламных сообщений. Актуальность работы заключается в важности использования разнообразных стратегий и тактик для реализации намерения убеждения, способствующих достижению целей рекламных кампаний. Необходимость в качественном оформлении убедительных рекламных текстов, влияющих на потребительское поведение и отношение к бренду, определяет важность проведения исследования. Новизна работы заключается в недостаточной изученности влияния стратегий продвижения на подходы к формированию убедительных рекламных текстов. В результате исследования были рассмотрены и изучены особенности оформления персуазивности в наиболее распространённых стратегиях формирования продвигающих текстов в современной рекламной деятельности, и было обнаружено, что при применении стратегий рационалистического типа необходимо оформлять продвигающие сообщения таким образом, чтобы потребитель осознал потенциальную выгоду от владения продвигаемой продукцией и самостоятельно принял решение о её приобретении. Также было обнаружено, что перед использованием проекционных стратегий необходимо совершить оценку эмоций, доступных для воздействия на поведение и сознание реципиентов сообщения, составить поликодовый текст, содержащий яркие визуальные образы и сформировать общее оформление сообщения в тандеме с положительными вербальными сообщениями. Апелляция к позитивным эмоциям и личному опыту реципиентов сильно способствует закреплению

положительных ассоциаций, связанных с образом товара и бренда, обеспечивая убедительность. Ключевым выводом работы является необходимость в заблаговременном проведении исследования целевой аудитории бренда и возможностей использования эмоционального воздействия на потребителя, от результатов которого будет зависеть как выбор рекламной стратегии, так и выбор подхода к оформлению персуазивной интенции в продвигающих текстах.

Ключевые слова: персуазивность, стратегии, убеждение, реклама, продвижение, текст, сообщение

Abstract. Relevant strategies of forming promotional texts and the features of the realization of their persuasive intention are addressed in this article. The aim of this study is to research relevant approaches to writing persuasive advertising messages. The relevance of the paper lies in the importance of utilizing various strategies and tactics for the realization of the persuasive intention in advertising messages that help achieve the goals of promotional campaigns. The necessity of correctly forming persuasive advertising texts that influence consumer behaviour and their attitude toward the brand defines the importance of the study. The novelty of this study lies in the inadequate level of investigation of the influence that promotional strategies possess on the approaches used to create persuasive advertising texts. As the result of the research, the features of realizing persuasiveness in the most prevalent strategies of writing promotional texts were studied, and it was discovered that while utilizing rationalistic strategies it is necessary to design promotional messages in such a way that the consumer realizes the potential benefits from possessing the promoted product and makes the decision to purchase it by themselves. Moreover, it was found that using projection strategies requires conducting assessment of the emotions that are available for influencing the behaviour and consciousness of the recipient of a message, the creation of polycode texts that include bright visual imagery and the overall design in tandem with positive verbal messages. Appealing to positive emotions and the personal experience of recipients strongly promotes the consolidation of positive associations that are connected to the image of the product and the brand, assisting in persuasion. The key finding of this research is the necessity in researching the target audience of the brand and the possibilities of using emotional influence on the consumer in advance, the results of which will dictate both the choice of the promotional strategy and the decision regarding the approach to designing persuasive intention in promotional texts.

Keywords: persuasiveness, strategies, persuasion, advertising, promotion, text, message

Введение

Актуальность работы заключается в важности применения разнообразных подходов к оформлению персуазивной интенции в рекламной деятельности для достижения успеха рекламных кампаний. Типы стратегий продвижения представляют интерес для рассмотрения в контексте их убедительности и того, как они осуществляют воздействие, используя это свойство продвигающего текста. Важность корректного оформления рекламных текстов для убеждения потребителя в изменении поведения и отношения относительно рекламодателя и приобретении

рекламируемого продукта или услуги является ведущим фактором, определяющим необходимость в проведении исследования.

Новизна работы заключается в недостаточной изученности связи между видами используемых в ходе рекламной деятельности стратегий продвижения и тем, как посредством формирования текста рекламы можно качественно осуществлять персуазивную интенцию продуцента сообщения.

Цель исследования заключается в рассмотрении и описании актуальных в современности подходов к формированию продвигающих текстов в контексте оформления в них намерения убеждения рекламодателя.

Методология исследования состоит из специализированных лингвистических методов наблюдения и описания, применённых в ходе изучения современных рекламных текстов, метода контекстного анализа, использованного в целях определения сущности персуазивной интенции в рассматриваемых текстах, а также общенаучных методов категоризации и систематизации.

Рекламная деятельность является одной из старейших деловых практик в истории человечества. С момента, когда люди начали жить в общинах и поняли, что можно зарабатывать, предлагая окружающим свои услуги или продукцию, в то же время, естественно, также возникла и конкуренция, которая привела к необходимости продвигать свои услуги или продукты. Обилие аналогичных товаров на рынке предполагало обязательные усилия со стороны каждого ремесленника, но даже более важной являлась необходимость в том, чтобы донести до потенциальных клиентов информацию об особенностях и преимуществах предлагаемой продукции. Лингвистика всегда играла важнейшую роль в составлении рекламных сообщений, так как качество донесения любой информация в продвигающем сообщении напрямую зависит от мастерства рекламодателя в формировании текста рекламы. Рекламный текст по определению А.-М. Ариас и И. А. Щербаковой является «видом поликодового текста, коммуникативной целью которого является побуждение реципиента к приобретению товара или услуги» [1, с. 11-12]. Наиболее интересным термином в предложенном определении является слово «побуждение», ведь именно оно позволяет рассуждать о функциях рекламного текста более раскрыто.

Помимо очевидной функции информирования реципиентов сообщения о существовании и свойствах продвигаемой продукции, наиважнейшую роль играет также и свойство, которое должно привести к «побуждению» заинтересоваться, захотеть и приобрести товар. В современности это свойство принято называть персуазивностью текста, понятие, под которым рассматривается «воздействие автора

сообщения на реципиента с целью убеждения, призыва к совершению какого-либо действия» [2, с. 431]. Убеждение принято считать основным смыслом применения определённых вербальных и невербальных единиц в сообщении. Каждое тщательно подобранное слово, фраза и предложение в рекламном тексте должны служить цели убедить потребителя в превосходстве и высоком качестве рекламируемой продукции. Невозможно отрицать, что персуазивность является одним из ключевых, если не главным свойством продвигающего сообщения, ведь без элементов, обеспечивающих достижение основной цели сообщения, побуждения потребителя к покупке товара, полностью теряется смысл существования этого сообщения. Важно также учитывать, что ввиду огромного разнообразия продвигаемых в современности товаров и уникальности каждой группы, являющейся целевой аудиторией определённой продукции, не может существовать одного, идеального подхода к их составлению, из чего следует, что для определения способов осуществления персуазивной интенции в них, необходимо рассмотреть разнообразие видов продвигающих текстов и стратегий, применяемых для их оформления.

Характеристикой рекламных текстов, которую необходимо учитывать при оформлении персуазивного намерения в сообщении является стратегия, выбранная рекламодателем для проведения кампании. Рекламные стратегии принято разделять на два основных типа, рационалистический и проекционный. Главенствующую роль в рационалистических рекламных кампаниях занимают утилитарные свойства и достоинства рекламируемого продукта, наиболее часто тексты, формируемые в ходе применения рационалистического подхода, не содержат в себе апелляций к эмоциональной реакции со стороны потребителя, уделяя внимание «физическим свойствам товара, которые выделяют его из товарной категории» [3, с. 118]. Как правило, перед составлением текстов подобного типа необходима максимально скрупулёзная оценка целевой аудитории, так как потенциальный потребитель должен быть заранее заинтересован в категории продвигаемого продукта, ведь единственными свойствами продукции, которыми тексты этого типа могут заинтересовать покупателя являются узнаваемость марки производителя, сложившееся доверие потребителей к бренду, и уникальные свойства продукта, такие как особые функции, его внешний вид и потенциальная польза для потребителя. А. С. Лысенко утверждает о существовании трёх основных стратегий формирования рекламных кампаний рационалистического типа, которые необходимо рассмотреть для понимания тонкостей оформления намерения убеждения, так как каждый

рекламный текст уникален, ввиду разнообразия продвигаемой продукции и подходов, требуемых для ее продвижения.

«Родовая» [4, с. 78] стратегия предполагает содержание в сообщениях прямолинейного утверждения о характеристиках товара, не сравнивая его с аналогичными конкурентами. Чаще всего эта стратегия используется при вводе нового товара в рыночный оборот с целью формирования ассоциативного ряда категории рекламируемого продукта с конкретным производителем и крайне распространена на рынках товарных категорий, на которых обновленные версии продукции появляются с высокой частотностью. Одной из описываемых сфер является фармацевтика, в частности – категория болеутоляющих средств. В качестве примера можно рассмотреть рекламный текст болеутоляющего средства бренда «Солпадеин». «Солпадеин Фаст. Направленное действие против разных видов головной боли, бережен для желудка». В рассматриваемом примере персуазивная интенция осуществляется исключительно через предоставление точной информации о свойствах товара, так как его категория предполагает крайне широкую целевую аудиторию, по причине того, что все люди периодически сталкиваются с проблемой, которую решает продвигаемый товар, головной болью. Дополнительных усилий по оформлению персуазивной интенции помимо описания эффекта, предлагаемого продвигаемым товаром, в подобных рекламных текстах не наблюдается, так как интересующий целевую аудиторию бренда результат приёма болеутоляющих может исключительно быть бинарным, средство может только подействовать или нет. После того как реципиент увидит текстовый баннер или рекламный видеоролик, содержащий информацию о рассматриваемом продукте нет дальнейшей необходимости в том, чтобы убедить читателя в том, что именно этот товар является лучшим в своём классе, так как всё, что интересует потребителя в подобных товарах – это вопрос его действенности, с донесением информации о чем рассматриваемый текст справляется. В случае родовой стратегии интенция убеждения со стороны рекламодателя отходит на второй план с большим упором на информирование реципиента и закрепление товара в сознании потребителя как вышедший первым на рынок или просто эффективный и достойный внимания покупателя. Используя утверждения М. Э. Рябовой и А. А. Эльсцова относительно массовости в современной рекламной деятельности явления «смерти автора», которое рассматривает «читателя как соавтора» [5, с. 100] сообщения, можно подтвердить факт продуктивности использования рекламного сообщения, где задача в оформлении и следовании

персуазивной интенции рекламодателя перекладывается на реципиента, который желает удовлетворить свои нужды и желания.

Стратегия «преимущества» [4, с. 78] основывается на реалистичном усилении и гиперболизации преимуществ продвигаемой продукции, сравнивая её с аналогами на рынке. При составлении сообщений, придерживаясь обсуждаемой стратегии, необходимо основывать утверждения о преувеличенных свойствах продукта, базируя их на предлагаемой посредством использования родовой стратегии точной информации. Стратегия преимущества отходит от прямолинейности и лаконичности родовой стратегии, предлагая потребителю утверждения о том, что одно или несколько из его свойств являются лучшими в своём классе. Ярким примером является рекламная кампания 1959 года компании «Херох», которая была одной из первых производителей копировальных аппаратов. Рекламные тексты, использованные в их продвигающей кампании, гласили следующее, «No waste paper – and 7 copies a minute – automatically! New XEROX 914 Office copier, easiest of all to operate» («Никакой отбракованной бумаги и 7 копий в минуту – автоматически! Новый офисный копировальный аппарат XEROX, самый простой из всех в обращении»). Рассмотренный рекламный текст полностью попадает под требования стратегии преимущества, так как в нём содержится как точное описание функций товара, которое полностью совпадает с требованиями родовой стратегии (отсутствие отбракованной бумаги и скорость печати), так и преувеличение простоты его использования в сравнении с другими аналогичными продуктами. В данном примере применения стратегии преимущества можно наблюдать использование такого средства выразительности как гипербола для оформления персуазивного эффекта, успех которого зависит не только от факта существующего желания или необходимости реципиента сообщения в приобретении продукта и владении им, но уже содержит в себе элемент, который позволяет совершать действия относительно персуазивной манипуляции сознанием реципиента. В утверждении о максимальной «простоте в обращении» продвигаемого копировального аппарата содержится подобие вызова, провокации интереса потребителя и убеждении его в качестве и ценности товара, указание свойства, выделяющего рекламируемый товар на фоне аналогов, способствует формированию заинтересованности среди реципиентов сообщения в продвигаемой продукции, что является признаком осуществления персуазивного эффекта.

Третьей стратегией рационалистического типа является подход со стороны «позиционирования» [4, с. 78], предусматривающий действия рекламодателя,

нацеленные на поиск позиции, которую может занять товар в сознании потребителей. Первым возможным направлением деятельности в стратегии позиционирования являются действия, направленные на конкуренцию с лидерами рынка, которые Дж. Траут и Э. Райс называют «атаками» [6, с. 45], представленными рекламными кампаниями, где продвигаемая продукция сравнивается с целью продемонстрировать своё превосходство, либо приравнивается по качествам с лидирующим по популярности товаром с целью занять в сознании реципиентов позицию равную лидеру рынка. Крайне показательным примером атаки на лидера рынка является рекламная кампания смартфона компании “Samsung”, в ходе которой использовалось следующее сообщение, “48 megapixels? You’re almost there, Apple! We’ve had 108 megapixels for 2 years, 6 months, 4 days” («48 мегапикселей? Вы почти справились, Apple! У нас 108 мегапикселей уже как 2 года, 6 месяцев, 4 дня»). В рассматриваемом примере наблюдается прямая атака на лидера рынка смартфонов, “Apple”, со стороны рекламодателя. Основным интерес в рассматриваемом тексте вызывает высказывание саркастического содержания, направленное в сторону компании “Apple”, оформленное посредством отсылки на описанное в тексте отставание в технологическом развитии их фотокамер. Персуазивная интенция автора сообщения легко заметна, посредством использования сообщения, продуцент пытается убедить реципиента в превосходстве продукции “Samsung”.

Также усилия по позиционированию товара могут прикладываться в направлении поиска свободной ниши, которую может занять выдвигаемая на рынок продукция. Важно отметить, что этот подход более актуален на этапе разработки продукта, после оценки узкой целевой аудитории, которая будет заинтересована в его приобретении. Показательным примером продвижения нишевого продукта является слоган компании “Nomatic”, специализирующейся на изготовлении аксессуаров для людей, предпочитающих образ жизни в постоянном движении. Слоган, состоящий из неполного предложения, “Life On The Move” или «Жизнь в Движении», предположительно сокращенного от “Live your life on the move” или «Проведи жизнь в движении», составлен таким образом, чтобы точно воздействовать на целевую аудиторию бренда, людей, любящих путешествовать, таким образом выражая персуазивную интенцию рекламодателя. Увидев высказывание, которым бренд выбирает описать себя и свою продукцию, и которое напрямую соотносится с ценностями, важными для потребителя, слоган закрепляется в разуме реципиента как компания, товары которой могут удовлетворить основные потребности читателя.

Последним рационалистическим подходом к продвижению продукции является стратегия «уникального торгового предложения» [4, с. 79], применение которой предполагает оформление двух обязательных характеристик рекламных текстов, используемых при продвижении товаров. Во-первых, каждое объявление должно содержать в себе призыв к действию, в частности – к покупке товара или получению какой-либо пользы от товара. Во-вторых, свойства, польза предлагаемой продукции и содержание рекламных текстов должны быть уникальными, не имея аналогов среди конкурентов. Часто уникальное предложение выражается посредством дополнительных действий, предлагаемых потребителю в качестве бонусов к приобретению товара или использованием услугами компании, таких как, к примеру, выделение части средств с продаж продукции на благотворительность, спонсированных продажами продукции, действий производителя в направлении сохранения экологии и т.д. Достаточно распространённой на данный момент является практика апелляции к желанию потребителей быть более осторожными относительно их влияния на состояние окружающей среды. Показательным примером подобного является рекламный текст компании “IKEA”, “Bring your own bag. We'd really like to see everyone use reusable bags when they shop. That's why we now charge 5 cents for every IKEA plastic bag – money that we donate entirely to Tree Canada so they can plant more trees” («Берите с собой свою сумку. Нам бы очень хотелось увидеть, как все используют многоразовые сумки, когда они покупают товары. Поэтому отныне мы просим 5 центов за каждую пластиковую сумку IKEA – деньги, которые мы полностью жертвуем в фонд Деревьев Канады, чтобы они могли посадить больше деревьев»). С помощью проведения подобных кампаний бренды стремятся к закреплению своего образа в сознании потребителей не просто как предоставляющие непосредственную выгоду реципиентам, а как стремящиеся принести пользу обществу. Е. В. Каргина называет процесс составления фраз-обещаний потребителю, таких как обещание жертвовать денежные средства в благотворительный фонд в рассматриваемом тексте методом «ориентации на результат» [7, с. 745] и утверждает о его эффективности в оформлении интенции убеждения при обещании именно конкретного результата, подкреплённого фактической информацией, что в рассматриваемом примере осуществлено посредством указания суммы, которую компания-рекламодатель гарантирует жертвовать за каждый приобретенный товар. Приведенный пример наглядно демонстрирует пользу в оценке и воздействии на желания и нужды современного потребителя, таким образом побуждая к использованию услуг бренда “IKEA”.

При использовании второго типа стратегий продвижения, который принято называть проекционным или эмоциональным, делается упор на психологически значимые или в некоторых случаях даже воображаемые свойства продвигаемого товара. По своей природе в рекламных текстах проекционного типа делается больший упор на оформление персуазивного эффекта со стороны продуцента сообщения, так как в его основе является впечатление и побуждение к приобретению реципиентов, воздействуя на их эмоции и психические «рычаги давления». Именно поэтому в эмоциональной рекламе чаще встречаются невербальные средства, а тексты являются поликодовыми, содержа в себе сочетание нескольких различных кодов помимо вербального текста (к примеру, визуальное оформление, аудио-сопровождение, видеоряд). Ц. Кайси, помимо утверждений о необходимости использования в ходе применения проекционной стратегии исключительно образов, фиксирующих «позитивный эмоциональный настрой с вызываемой маркой» [8, с. 42], также предлагает три основные эмоциональные стратегии.

Первой проекционной стратегией является «имиджевая» [8, с. 42], используемая брендами для воздействия на потребителей с целью вызвать положительные эмоции со стороны аудитории относительно действий рекламодателя, продемонстрировать «надежность, эффективность, стабильность и благожелательность к клиентам» [9, с. 18]. Успешным примером имиджевого продвижения является рекламная кампания “Coca Cola” начала 2000-х годов, в ходе которой бренд предпринимал попытки в построении ассоциативного ряда «продукция “Coca Cola” = праздник». На баннере можно наблюдать следующую надпись, «Coca Cola. Волшебство приходит в гости». Представленное высказывание расположено на фоне радостных людей, машущих вслед грузовикам, брендированным названием компании и изображении персонажа Санта Клауса или деда Мороза с бутылкой продукции компании в руке (рис. 1). Посредством красочного визуального оформления и положительной заряженности сообщения, продуцент текста вызывает положительную реакцию и ассоциацию у потребителей напитка компании с праздничным «волшебством», яркими, приятными эмоциями, связанными с такими праздниками, как Рождество или Новый Год, что в итоге привело к успеху кампании, образ бренда на долгие годы закрепился не просто как той, продукцию которой стоит приобретать и потреблять во время праздничного застолья, но также с помощью текста «Волшебство приходит в гости» осуществляет персуазивную интенцию рекламодателя, прочно закрепляя положительный образ компании в сознании потребителя. Это подтверждает В. Ю. Хартунг, утверждая в

своем описании функций персуазивной интенции о необходимости посредством оформления намерения убеждения «изменять поведение реципиента» [10, с. 187], с чем рассматриваемый поликодовый текст успешно справляется.

Рисунок 1 Рекламный баннер, использованный в новогодней рекламной кампании бренда Coca Cola.

Источник: http://www.rufa.ru/netcat_files/userfiles/februar14/NY2.jpg

В качестве второй стратегии эмоционального типа необходимо рассмотреть «резонансный» подход к формированию рекламных кампаний, которые по утверждениям Ц. Кайси используются для продвижения «товаров, при выборе которых ведущими являются иррациональные мотивы» [8, с. 42]. Задачей рекламиста для реализации персуазивности текста при применении данной стратегии является пробуждение личного опыта реципиента или важных для него ценностей с целью закрепления образа товара или бренда не просто как положительного, а как близкого реципиенту по духу, «понимающего», что ценит читатель. Как правило, резонансные рекламные тексты нацелены на формирование связи товара с такими явлениями, как семейное счастье, успех в карьере, любовь или дружба. Особенно успешными в применении резонансной стратегии показали себя рекламные кампании бренда-производителя ювелирных изделий “De Beers”, которые начали долгосрочную рекламную кампанию своих колец с бриллиантами, нацеленную на помещение образа продукции бренда в одном ментальном поле с любовью и её выражением. В известном рекламном сообщении 1947 года компания использовала текст “How can you make two months’ salary last forever? The Diamond Engagement Ring” («Как ты можешь сделать так, чтобы двухмесячной зарплаты хватило навсегда? Бриллиантовое помолвочное кольцо»). С помощью сопоставления

ценности выражения своего романтического отношения и серьезных намерений к любимой женщине с покупкой бриллиантового кольца, представление о том, что именно такое ювелирное изделие необходимо приобретать для того, чтобы жениться прочно зафиксировало своё положение как один из наиболее долгоживущих феноменов, повлиявших на покупательское поведение. Также прямое обращение к реципиенту текста, используя местоимение “you” обладает убедительным эффектом. М. Э. Рябова в своих трудах отмечает, что в результате такого воздействия текст «должен убедить потребителя, что именно ему нужен конкретный товар, именно с ним его жизнь станет лучше» [11, с. 143]. Рекламная кампания рассматриваемого бренда была настолько успешна в создании ассоциативного ряда «бриллиантовое кольцо = выражение любви» и убеждении мужского населения англоговорящих стран, в особенности США, в том, что на хорошее кольцо необходимо потратить заработную плату, полученную за два месяца работы, что по сей день это считается одним из самых успешных примеров коммерческого влияния на потребительское поведение.

Последним подходом эмоционального типа продвижения является «аффективная стратегия», в ходе которой продуценты сообщений стремятся вызвать «эмоциональную причастность потребителя и перенести чувства, связанные с восприятием рекламы, на сам товар» [8, с. 42]. Наиболее часто используемыми приёмами в данном подходе являются юмор, шокирующие в положительном ключе сюжетные повороты, игра слов. Применение аффективной стратегии в рекламе направлено на закрепление в сознании связи товара и эмоции, вызванной потреблением рекламного текста, но как правило, она используется в совокупности с другими подходами, так как сообщения, оформленные с её помощью, не обладают сильной запоминаемостью, нацеливаясь больше на вызывание ярких ощущений в моменте, которые потенциально могут привести к приобретению продукции рекламодателя. Часто в аффективных рекламных кампаниях можно наблюдать использование милых, смешных или дружелюбных маскотов, олицетворяющих бренд или продвигаемый продукт, которые своим позитивным настроением относительно ситуаций, в которых они находятся и положительным отношением к рекламируемому товару. Именно этим подходом активно пользуется бренд молочной продукции «Простоквашино», в анимированных рекламных роликах которого главным героем выступает вызывающий ностальгические ощущения у потребителей известный персонаж мультипликационного сериала про деревню «Простоквашино», кот «Матроскин». В тексте распространяемого по телевидению видеоролика,

продвигающего мороженое бренда звучат следующие реплики анимированного персонажа. «Ух ты! Мороженое, вкусное, потому что натуральное, на деревенских сливочках. Я с мороженым Простоквашино в два раза счастливей стал». Убеждению потребителя в случае «Простоквашино» служат несколько элементов сообщения. Визуальное оформление миловидного говорящего животного, которого с раннего возраста помнит огромное количество потребителей, «красочные изображения и звуковые эффекты, которые могут захватить внимание зрителя и вызвать эмоциональную реакцию» [12, с. 99], и его позитивные утверждения относительно вкусовых качеств и состава продукта вместе способствуют убеждению реципиента, вызывая у него чувства ностальгии и умиления. Бренд, ввиду культового и ностальгического статуса мультсериала, который используется для формирования образа линейки продукции, вызывает доверие потребителя, а использование персонажа, любимого многими реципиентами с раннего детства, для продвижения товара, способствует убеждению потребителя в превосходстве его качеств среди аналогов и последующем приобретении продукции.

Заключение

Невозможно отрицать критическую важность осуществления интенции убеждения в рекламной практике. Уникальность и разнообразие предлагаемых на сегодняшний день товаров и услуг создают необходимость в тщательной работе по подготовке рекламных кампаний и текстов, с помощью которых будет осуществляться их продвижение. В ходе исследования было обнаружено, что для применения стратегий продвижения рационалистического подтипа, таких как родовая, стратегия преимущества, позиционирования и уникального торгового предложения, рекламные сообщения необходимо составлять таким образом, чтобы подтолкнуть потребителя к осознанию личной выгоды от продукции и самостоятельному принятию решения о приобретении товара, так как тексты этого подтипа более направлены на выполнение информирующей функции, осуществляя влияние на потребителя исключительно посредством описания свойств товара, превосходящих в качестве и пользе аналогичные предложения на рынке и сравнения с лидерами занимаемого рынка с целью занять его позицию в представлении реципиентов. Качества рекламируемого товара при имплементации рационалистических стратегий в продвигающие кампании необходимо описывать таким образом, чтобы достичь убеждения реципиента в том, что продвигаемая продукция уникальна по своим свойствам и является именно тем, в чём он нуждается, удовлетворяя его

существующие нужды. В свою очередь, при применении имиджевой, резонансной и аффективной проекционных стратегий продвижения, необходимо заранее провести оценку положительных эмоций, с помощью которых можно повлиять на эмоциональное состояние и потребительское поведение реципиента, и которые впоследствии будет возможно ассоциативно связать с образом бренда-рекламодателя или продвигаемой продукции. Ввиду того, что целью проекционного рекламного сообщения является получение эмоциональной реакции для запоминания бренда и его продукции, эффективными способами оформления сообщений этой стратегии являются яркое визуальное оформление и образы, и положительно заряженные высказывания. Закрепление у читателя ассоциативной связи между наделёнными положительными эмоциональными свойствами образами товара и бренда, и личным опытом потребителя, связанным с этими эмоциями и полученным до ознакомления с рекламным текстом или в процессе его чтения, сильно способствуют осуществлению персуазивной интенции сообщения. Вне зависимости от выбранного типа продвигающей стратегии, при подготовке рекламной кампании необходимо проведение точного исследования двух решающих факторов, целевой аудитории товара и возможности использования эмоционального воздействия при его продвижении. От особенностей потребителей, которые могут заинтересоваться в приобретении рекламируемой продукции напрямую зависит как выбор стратегии продвижения, так и подходы, используемые для оформления персуазивной интенции рекламодателя. Результаты исследования могут быть расширены и уточнены в будущих исследованиях для получения более точной информации касательно формирования эффекта убеждения в рекламных текстах.

Список литературы

1. Ариас, А. М. Способы реализации персуазивности в англоязычной видеорекламе / А. М. Ариас, И. А. Щербакова // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. – 2021. – № 3(75). – С. 11-17. – DOI 10.35854/2541-8106-2021-3-11-17. – EDN MVGYHU.
2. Рюкова, А. Р. Языковые способы реализации персуазивности / А. Р. Рюкова, Е. А. Филимонова // Вестник Башкирского университета. – 2016. – Т. 21, № 2. – С. 431-435. – EDN WKVDML.
3. Ляшенко, С. В. Управление рекламой на предприятии // Экономический вестник Донбасса. – 2008. – № 1(11). – С. 112-124.
4. Лысенко, А. С. Рекламные стратегии: сущность и место в системе маркетинга коммерческого предприятия / А. С. Лысенко // ЭКОНОМИКА, УПРАВЛЕНИЕ и ПРАВО: ИННОВАЦИОННОЕ РЕШЕНИЕ проблем : сборник статей XVII Международной научно-практической конференции, Пенза, 20 мая 2019 года. – Пенза: "Наука и Просвещение" (ИП Гуляев Г.Ю.), 2019. – С. 77-80. – EDN TUTUBX.

5. Рябова, М. Э. Виды современной Интернет-рекламы и ее роль в принятии решений / М. Э. Рябова, А. А. Эльясов // Организационная психоллингвистика. – 2023. – № 1(21). – С. 96-107. – EDN NLRMCD.
6. Траут, Дж., Райс, Э. Маркетинговые войны. – СПб. Издательство «Питер» – 2019 г.
7. Каргина, Е. В. Формулировка уникального торгового предложения на основе выявления конкурентных преимуществ // Экономика и социум. – 2018. – № 10(53). – С. 743-746.
8. Кайси, Ц. Важность рекламных стратегий в маркетинговых мероприятиях / Ц. Кайси // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2015. – № 8. – С. 39-43. – EDN UNYDJZ.
9. Блюм, М. А., Молоткова, Н.В. Основы использования средств рекламы в коммерческой деятельности: учебное пособие / М.А. Блюм, Н.В. Молоткова. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. – 160 с. – ISBN 5-8265-0473-0.
10. Хартунг, В. Ю. Некоторые особенности реализации персуазивных стратегий в частных рекламных объявлениях (на материале английского языка). – 2018. – № 11(89). – С. 186-190.
11. Рябова, М. Э. Специфические характеристики рекламного звучащего текста в контексте перевода / М. Э. Рябова // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. – 2019. – № 1. – С. 139-146. – DOI 10.25586/RNU.V925X.19.01.P.139. – EDN YZMUKT.
12. Рябова, М. Э. Специфика социальной рекламы в Интернет-пространстве в контексте идеологического позиционирования / М. Э. Рябова, А. А. Эльясов // Гуманитарные и социальные науки. – 2023. – Т. 100, № 5. – С. 97-102. – DOI 10.18522/2070-1403-2023-100-5-97-102. – EDN BUDVPX.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

УДК 81

Воронкова В.А. Лингвистический анализ с позиции языковых уровней как ключ к пониманию рассказа И.А. Бунина «Кавказ»

Воронкова Виктория Александровна

студент, Тобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева
(филиал) ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», РФ, г Тобольск
vika.voronkova.2014@mail.ru

Научный руководитель Ермакова Елена Николаевна

доктор филологических наук, профессор, Тобольский педагогический институт им.
Д.И. Менделеева (филиал) ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»
РФ, г Тобольск
ermakova25@yandex.ru

Linguistic analysis from the perspective of language levels as the key to understanding the text in I.A. Bunin's short story «The Caucasus»

Voronkova Victoria Alexandrovna

student, D.I. Mendeleev Tobolsk Pedagogical Institute (branch) Federal State Educational
Institution of Higher Education «Tyumen State University», Russian, Tobolsk

Scientific supervisor Ermakova Elena Nikolaevna

Doctor of Philology, Professor, D.I. Mendeleev Tobolsk Pedagogical Institute
(branch) Federal State Educational Institution of Higher Education "Tyumen State
University" of the Russian Federation, Tobolsk

Аннотация. В данной статье предпринята попытка лингвистического анализа произведения русского писателя И.А. Бунина «Кавказ», входящего в цикл «Тёмные аллеи». Исследуются особенности стиля писателя, манера письма. Рассматривается фонетический уровень текста – гласные и согласные звуковые комплексы. Приводятся примеры их функционирования и определяется их роль в представлении полной картины текста. В статье обозначена важность фонетического уровня лингвистики для выявления стилистических особенностей текста.

Ключевые слова: произведение, текст комплекс, уровень, Бунин, функция, звук.

Abstract. This article attempts a linguistic analysis of the work of the Russian writer I.A. Bunin "The Caucasus", which is part of the cycle "Dark Alleys". The features of the writer's style and writing style are evaluated. The phonetic level of the text is considered – vowels and consonantal sound complexes. Examples of their functioning are given and their role in presenting the full picture of the text is determined. The article highlights the importance of the phonetic level of linguistics to identify the stylistic features of the text.

Keywords: work, text complex, level, Bunin, function, sound.

Образ И.А. Бунина, сложившийся по воспоминаниям современников, весьма неоднозначен. Например, русский писатель М. Горький в середине 20-х годов отмечал следующее: «выньте Бунина из русской литературы, и она потускнеет, лишится радужного блеска и звёздного сияния его одинокой страннической души» [4, с. 2]. Действительно, тексты Бунина обладают чарующей силой, отличаются мастерством, а также утончённостью и поэтичностью слога. Стиль его произведений узнаваем. Кроме этого, писателю свойственен особый способ изображения мира и духовных стремлений человека. У каждого писателя постепенно формируется собственная манера письма, стиль литературного языка. И творчество Ивана Алексеевича Бунина имеет особенности повествования. На его формирование, по мнению исследователей, повлияла поэзия А.С. Пушкина, А.А. Фета, Л.Н. Толстого и других классиков.

Но важно отметить, что Бунин был не только приверженцем традиций, но и новатором в создании художественного образа. Проза писателя основана на её синтезе с поэзией. Исследователи его творчества отмечают, что Иван Алексеевич – мастер художественной детали. Он ювелирно подбирает каждое слово для своего произведения и прекрасно владеет знанием языковых уровней текста. Новелла писателя «Кавказ» настоящий пример продуманной и отделанной до мельчайших частиц работы. Огромное внимание в этом произведении Бунин уделил языковой системе, включающей различные единицы языка: от звуков до словосочетаний.

Для того, чтобы понять функцию языковых средств, употреблённых в данной новелле, необходимо дать информацию об языковых уровнях текста. Произведение исследовалось с позиции четырёх уровней: фонетического, лексического, морфологического и синтаксического. Каждый из уровней заслуживает отдельного внимания, но более подробно следует остановиться на фонетическом языковом уровне, так как он имеет особое значение в формировании общего представления о глубинном смысле новеллы.

Рассматривая фонетический уровень, необходимо отметить, что он не является главным в художественном тексте, однако нередко именно он способствует полному выражению содержания. В языкознании принято считать, что «фонетические стилистические средства повышают экспрессивность речи и ее эмоциональное и эстетическое воздействие» [2, с. 68]. Фонетический уровень текста связан с двумя функциями:

Ономатопея – «звукоподражание»

Мнемотика – «запоминание»

Как правило, эти две функции связаны с использованием консонантных комплексов – несколько идущих подряд согласных звуков. Фонетический уровень характеризует лёгкость/сложность произнесения текста. В лирическом тексте данный уровень важнее, чем в прозаическом, однако не следует его недооценивать. Чем труднее произнести текст, тем более дисгармоничную информацию он содержит. На дисгармоничность указывает обилие шумных согласных крупных комплексов, сочетаний согласных звуков. Лёгкость и гармония создается преобладанием сонорных и уменьшением количества комплекса согласных звуков.

Более сложный вариант консонантизма – это реализация мнемотической функции. Она воплощается, когда определенный звуковой комплекс ассоциируется с корневой морфемой и воспроизводится во всех словах текста. Безусловно, это сознательная работа автора и «при помощи этого приема происходит расширение семантики» [5, с. 165]. Бунин прекрасно проделывают данную работу, в результате которой выделяется некое ключевое слово, которое отражается во всех словах текста и обогащается их семантикой. Слово как бы расширяется и воздействует на другие слова.

Обратимся непосредственно к тексту Бунина. Композиционно новелла поделена на семь неравных частей. Следует начать с первой части. До отъезда героев из Москвы на фонетическом уровне выделяется повтор согласного звука *p*, происходит «раздражение»: *воровски, номерах, переулке, Арбата, затворником, три раза, страшно осторожна, (план) дерзок*, а также многократное повторение звука: «вечера среди черных кипарисов» [1, с. 1]. Такой приём употребления слов не случаен: труднее произносится, *p* – резкий звук, даёт эффект усиленного звучания – несёт дисгармоническую информацию. Соотнося с сюжетом такую деталь, читатель может понять, что герои испытывают напряжение. Однако, при описании героини этот звук уже перестаёт быть преобладающим: *я только на одну минуту, бледностью любящей взволнованной женщины, спешила поднять вуальку* – подбор такого звукового комплекса – сонорные *m, n* и гласные *o, e* – свидетельствует о том, что на уровне гласных звуков реализуется эмоциональный эффект, содержательность текста.

Вторая часть текста – описание вокзала, вагона и встречи – насыщена не только звуком *p*, но и другими согласными: *ч, ш*, которые как бы смягчают звучание, делая его тише: *шумно лил...по крыше, узкой шинелью, отшатнулся, в замшевой перчатке*, но иногда словно «врывается» ударный звук *p*: *отвратительный вечер, замер, ударил второй (звонок), кондуктору*. Данные примеры обращают внимание

читателя на то, что ожидание героя своей возлюбленной хранится в некоем секрете, как бы умалчивается, но в то же время он чувствует тревогу, на которую указывает звук *р*.

Город, который покидают влюбленные, описан с преобладанием повтора тех же согласных и неполногласных звуков *И, Ы, У*: «В Москве шли холодные дожди, похоже было на то, что лето уже прошло и не вернется, было грязно, сумрачно, улицы мокро и черно блестели раскрытыми зонтами прохожих и поднятыми, дрожащими на бегу верхами извозчичьих пролеток» [1. С. 2]. Повторение неполногласных звуков в тексте с точки зрения исследователей семантики поэтического языка, например учёного К.Ф. Тарановского, выражает слабость, дисгармоничность, сомнение. Фонетические повторы позволяют добиться ощущения шума, суматохи, которую испытывали влюбленные до отправления на Кавказ.

При описании Кавказа в следующих частях текста среди фонетических повторов новеллы встречаются такой, как «горит/гореть»: «горячее солнце», «горящим кизяком», «сквозные ставни горячие» – снова некое напряжение, которое можно трактовать как огонь страсти или как адский огонь. Здесь герои свободны, и Бунин подчеркивает это. Но писатель также предупреждает читателя на интуитивном уровне при помощи звукового комплекса, что надвигается опасность и дальнейшая катастрофа:

«По ночам надвигались с гор страшные тучи, шла злобная буря, в шумной гробовой черноте лесов разверзались волшебные зеленые бездны, и раскатывались в небесных высотах допотопные удары грома» [1, с. 4]- пример художественного приёма описания природы как средства эмоционального нагнетания. Такой подбор соответствующих звуковых комплексов перед приездом обманутого мужа и трагическим финалом указывает на блестящее владение Буниным навыком функции языковых средств. Писатель добивается соответствующего настроения за счет повтора звуков *с, ш, р, ч*: *заросшее чинаровыми лесами, жаренная на шкаре рыба, в черной тьме плыли, мерцали, светили. Громоздились облака* – в восприятии человека образ «облака» ассоциируется с лёгкостью, воздушностью, но в то же время сочетается с громким, резким «громоздились».

В завершающей части новеллы И.А. Бунин удивительно подробно и прозаично описывает последние часы жизни обманутого мужа, который является трагической фигурой. Убедиться в этом читателю помогает то же употребление в этом фрагменте неполногласных звуков *И, Ы, У*, но здесь уже преобладающим количеством являются полногласные звуки *А, О, Э*:

«Он искал ее в Геленджике, в Гаграх, в Сочи. На другой день по приезде в Сочи он купался утром в море, потом брился, надел чистое белье, белоснежный китель, позавтракал в своей гостинице на террасе ресторана...» [1, с. 5]. Это свидетельствует о возвышении роли мужа, который больше не воспринимается как шут, над которым можно смеяться, а становится человеком, попавшим в безвыходное положение. Неполногласные звуки снова вносят дисгармонию, в то время как полногласные выражают полноту бытия, гармонию, силу, уверенность в своем решении. Поэтому, самоубийство мужа можно трактовать и как катастрофу и как освобождение от отчаяния.

Таким образом, проанализировав фонетический уровень данной новеллы, можно вывести заключение о том, что писатель намеренно прорабатывает языковые уровни произведения, чтобы создать особую атмосферу, которая в целом и определяет пространство художественного текста. Фонетический уровень способен в большей мере способствовать продемонстрировать индивидуальность текстовой организации, передать полноту смысла.

Список литературы

1. Бунин И.А. Темные аллеи.: Сборник рассказов – Москва : Высш. шк., 2004. – 292 с.
2. Дрога М.А., Юрченко Н.В., Фуникова С.В. ЯЗЫКОВАЯ ПРИРОДА ОНОМАТОПЕИ // Верхневолжский филологический вестник. 2020. №4 (23). С. 67-73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-priroda-onomatopei> (дата обращения: 09.12.2023).
3. Журавлев А.П. Фонетическое значение : монография / А. П. Журавлев ; Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР. – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1999. – 159 с.
4. «Король изобразительности »: Библиографический список к 150-летию со дня рождения И.Бунина / Сост.: Климкина Т.И. – Карталы : МУ ЦБС, 2020. –12 с.
5. Маслова В. А. Лингвистический анализ текста. Экспрессивность : учебное пособие для вузов / В. А. Маслова ; под редакцией У. М. Бахтикиреевой. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 201 с. URL: <https://urait.ru/bcode/515415> (дата обращения: 11.12.2023).

УДК 81

Зэйнаб С.К. Применение лингвистических методов к анализу русской литературы

Зэйнаб Сафуан Камаль Аль дин

Доцент кафедры русского языка, Филологический факультет
Самарский университет, Самара, Ирак
Zainab_safwan@uosamarra.edu.iq

Application of linguistic methods to the analysis of Russian literature

Zainab Safwan Kamal Al din

Associate Professor of the Department of Russian Language, Faculty of Philology
Samara University, Samara, Iraq

Аннотация. В данной статье исследуется применение лингвистических методов к анализу русской литературы. Анализ литературных произведений является важным инструментом для понимания литературных трендов, стилей и тематик. В статье рассматриваются различные лингвистические подходы, которые используются для анализа русской литературы, включая стилистический анализ, семантический анализ и анализ текстовых корпусов. Кроме того, исследователь в статье описывает применение компьютерных и статистических методов в лингвистическом анализе литературы и их влияние на развитие этой области исследования. В заключение подчеркивается важность лингвистического анализа для расширения наших знаний о русской литературе и ее влиянии на культуру и историю.

Ключевые слова: русская литература, лингвистический анализ, стилистический анализ, семантический анализ, текстовые корпуса, компьютерные методы, статистический анализ.

Abstract. This article examines the application of linguistic methods to the analysis of Russian literature. The analysis of literary works is an essential tool for understanding literary trends, styles, and themes. The article examines various linguistic approaches that are used to analyze Russian literature, including stylistic analysis, semantic analysis, and analysis of text corpora. In addition, the author describes the application of computer and statistical methods in the linguistic analysis of literature and their impact on the development of this field of research. In conclusion, the importance of linguistic analysis is emphasized in order to expand our knowledge of Russian literature and its influence on culture and history.

Keywords: Russian literature, linguistic analysis, stylistic analysis, semantic analysis, text corpora, computer methods, statistical analysis.

Методы лингвистических исследований – это детально разработанные процедуры достижения целей лингвистического исследования. Обобщенная совокупность теоретических установок, приемов и методик исследования языка, связанных с определенной лингвистической теорией, получила название метода.

В рамках отдельного метода есть свои приемы и операции, служащие инструментом для исследования того или иного аспекта языка. Научные методы определяют пути познания и толкования фактов, а также позволяют классифицировать эти факты, получать их различные научные, логические отображения [2, с. 14]

Общенаучным методом, который широко используется в языковедческих исследованиях, является гипотетико-дедуктивный метод. Он предусматривает четкую последовательность анализа:

- сбор фактического (речевого) материала;
- построение гипотезы;
- проверка ее истинности на новых фактах.

Для лингвиста источником фактического материала служат разнообразные тексты и словари. Собранный материал обобщается путем индукции. Индуктивным называется умозаключение, в котором мысль развивается от знания единичного и частного к знанию общему. В результате индукции создается теория в виде гипотезы.

В рамках системно-функционального подхода к изучению языка наиболее актуальной считается методика контекстуального анализа. Его процедура предполагает исследование языковой единицы в составе речевого контекста, то есть той части текста, в которой реализуется ее семантика.

Кроме лингвистического контекста, на значение слова, словосочетания или предложения влияют также ситуативно-речевой и этнокультурный контексты, и поэтому системное исследование невозможно без учета тех условий коммуникации, которые определяют сдвиги в семантике слов или грамматических форм. Выявить собственно лингвистическое окружение языковой единицы позволяет методика дистрибутивного анализа, а установить набор языковых средств, типичных для исследуемых текстов, можно с помощью методики стилистико-статистического анализа.

Контекстуальная методика применяется при семантическом анализе слов и конструкций, при установке синтагматических отношений. Если же исследуемые компоненты являются меньше языковой единицы, то исследователи прибегают к компонентному анализу, примерами которого могут быть разборы слова, предложения, толкование слов (сем в семантической структуре). Кроме наблюдения и описания, в лингвистическом анализе важную роль играет также классификация изучаемых явлений – распределение их по классам на основании существенных (диагностических) признаков [3, с. 54].

Следует помнить, что всякая классификация должна строиться на едином принципе деления, а для одного множества можно получить несколько классификаций, если ввести различные основания деления. Своеобразной разновидностью научной классификации является типология, при которой систематизация объектов с общими структурными или функциональными признаками происходит на основе определенных абстрактных моделей – типов.

Таким образом, современные лингвистические исследования могут быть проведены с использованием как традиционных, так и инновационных методов, позволяющих получить новые лингвистические сведения.

Изучение структурного состава в лингвистике проводится в рамках такого раздела, как синтаксис. В истории изучения лингвистами синтаксиса обычно сводилось к изучению формального строения предложения безотносительно семантики и в отвлечении от коммуникативных целей. Будучи разделом грамматики, синтаксис старался не выходить за пределы собственно грамматических категорий [1, с. 66]

А семантический аспект ограничивался попытками вскрыть значение синтаксических связей и смысловым определением функций второстепенных членов предложения. Ни природа значения предложения и высказывания, ни их состав, ни семантические типы предложений, ни семантические типы тема-рематических отношений, ни взаимодействие формальной и семантической структур предложения не были до последнего времени предметом специального анализа.

Интерес к этому кругу вопросов пробудился в последние два десятилетия и был стимулирован рядом факторов, среди которых можно назвать общий поворот науки к смысловым отношениям в языке и речи, обращение к прагматическому компоненту речевой деятельности и новый этап взаимоотношений лингвистики с психологией и логикой.

Применение лингвистических методов к анализу русской литературы имеет важное значение для расширения наших знаний о литературных произведениях, их стилистических особенностях, семантике и контексте. С помощью лингвистических методов мы можем раскрыть различные аспекты литературного текста и литературных явлений, а также осуществить сравнительные анализы разных произведений. Одним из основных лингвистических методов в анализе русской литературы является стилистический анализ. Стилистический анализ позволяет изучить особенности авторского стиля, его выразительные средства, уровень языка, использование риторических приемов и словарной лексики. Этот метод позволяет

выявить уникальные черты авторского почерка и сравнить различные стилистические стратегии, которые используются в литературе [5, с. 65].

Семантический анализ является еще одним важным лингвистическим методом, применяемым к анализу русской литературы. Семантический анализ позволяет изучить значения слов, фраз и образов, использованных автором в тексте. Анализируя семантику произведения, мы можем раскрыть его глубинные смыслы, концепции и идеологические аспекты.

Другой важный инструмент в анализе русской литературы - это анализ текстовых корпусов. Составление текстовых корпусов русской литературы позволяет нам собрать большое количество текстов для последующего анализа. При помощи компьютерных методов обработки текста и статистического анализа мы можем извлекать количественные данные о лексике, синтаксисе и семантике литературных произведений, а также обнаруживать статистические закономерности, тренды и особенности. Таким образом, применение лингвистических методов в анализе русской литературы позволяет нам получить глубокое понимание текстов и их художественных особенностей. Это важный инструмент для исследования и интерпретации литературы, а также для изучения ее влияния на общество и культуру [4 с. 5].

Для анализа русской литературы существует несколько различных лингвистических подходов, которые позволяют изучать различные аспекты текста. Вот некоторые из них:

1. **Стилистический анализ:** стилистический анализ направлен на изучение языковых средств и стилевых особенностей, используемых в литературных произведениях. Он анализирует различные стилистические приемы, такие как метафоры, аллегории, сравнения, повторы и др. Стилистический анализ позволяет понять, как автор создает определенные эффекты и передает свои идеи через языковые средства.

2. **Семантический анализ:** семантический анализ фокусируется на изучении значений, концептов и смыслов, которые закодированы в литературных текстах. Он позволяет анализировать темы, мотивы и идеи, присутствующие в произведениях, а также исследовать связи между различными элементами текста. Семантический анализ помогает понять глубинные смыслы произведений и их воздействие на читателя.

3. **Анализ текстовых корпусов:** анализ текстовых корпусов основан на использовании современных компьютерных технологий для обработки и

исследования больших объемов текстовых данных. Этот подход позволяет проводить количественные и качественные исследования литературных текстов, выявлять статистические закономерности, определять частотность слов и фраз, анализировать структуру и организацию текста. Анализ текстовых корпусов помогает выявлять тенденции в литературе, изучать изменения в языковых предпочтениях и другие факторы, связанные с текстами [1, с. 21].

Комбинирование этих подходов позволяет исследователям получать более полное представление о литературе и ее особенностях. Каждый из этих подходов имеет свои преимущества и может быть использован в зависимости от конкретных исследовательских задач и целей.

В русской литературе существуют множество талантливых писателей, чьи произведения оставили неизгладимый след в истории. Чтобы лучше понять эту удивительную литературную традицию, предлагается провести сравнение наиболее значимых произведений, используя анализ русской литературы. Сравнение и анализ позволяют обратить внимание на динамику развития русской литературы на протяжении разных исторических периодов.

Например, можно провести сравнение между романами Александра Пушкина «Евгений Онегин» и Федора Достоевского «Преступление и наказание». Оба произведения являются классикой русской литературы, однако разные по жанровой специфике. «Евгений Онегин» представляет собой роман в стихах, рассказывающий о сложностях выбора в жизни молодого человека, в то время как «Преступление и наказание» – это реалистический роман, исследующий психологию преступника. Сравнивая эти произведения, мы можем обратить внимание на сходства и различия в стиле и подходе авторов, а также на влияние времени, в которое они были написаны, на содержание и форму произведений.

Другим примером может служить сравнение поэтических произведений Анны Ахматовой и Иосифа Бродского. Оба поэта являются представителями русской постсимволистической литературы и имеют сходные тематики в своих работах, такие как любовь, смерть, время и история. Однако их стили и подходы к поэтическому творчеству различаются. Включение этих произведений в анализ поможет лучше понять их индивидуальные черты и особенности, а также увидеть их влияние на развитие русской поэзии [6, с. 12]].

Сравнение и анализ русской литературы является полезным инструментом для изучения и понимания произведений. Это позволяет обращать внимание на

ключевые аспекты литературного процесса, а также помогает выявить тенденции и сходства между разными произведениями.

Взаимосвязь между применением компьютерных и статистических методов в лингвистическом анализе литературы очень актуальна и полезна. Компьютерные методы позволяют обработать большие объемы текстовой информации и провести анализ с высокой степенью точности и эффективности.

Один из основных способов применения компьютерных методов в лингвистическом анализе литературы - это автоматическое извлечение и обработка текстовых данных. С помощью алгоритмов и программных инструментов, исследователи могут обрабатывать тексты и выделять из них различные структурные и стилистические особенности. Например, можно автоматически определить частоту использования определенных слов и словосочетаний, провести анализ тональности или сентимента текста, а также исследовать синтаксические и семантические связи между словами и предложениями.

Статистические методы также широко применяются в лингвистическом анализе литературы. Они позволяют проводить количественный анализ текстов и вычислять различные статистические показатели, такие как средняя длина предложений, распределение слов в тексте и т.д. Статистические методы также могут использоваться для исследования стилевых особенностей различных авторов, выявления общих закономерностей и тенденций в литературе [7, с. 43]].

Применение компьютерных и статистических методов в лингвистическом анализе литературы дает исследователям возможность более глубокого и обширного исследования текстов и авторского стиля. Он позволяет выявлять скрытые закономерности и тренды, проводить сравнительные анализы между разными текстами, авторами и эпохами. Кроме того, использование компьютерных и статистических методов позволяет обрабатывать большие объемы данных и проводить масштабные корпусные исследования.

Таким образом, взаимосвязь между применением компьютерных и статистических методов в лингвистическом анализе литературы помогает расширить наши возможности в изучении и понимании литературных текстов. Она позволяет проводить более точные и эффективные исследования, а также выявлять новые закономерности и тенденции в литературе.

Применение компьютерных и статистических методов в лингвистическом анализе литературы существенно изменило и обогатило эту область исследования. Введение компьютерных технологий позволило значительно увеличить объемы и

скорость обработки текстовых данных, а также обнаружить ранее незамеченные закономерности [8, с. 34].

Одним из основных применений компьютерных методов является анализ текстовых корпусов или собраний текстов. Разработка специальных программ и алгоритмов позволяет проводить масштабные исследования текстов, выявлять частотность слов и фраз, анализировать структуру и стилистические особенности текста. Это позволяет исследователям получить более точные и обширные данные о литературных текстах, выявить тенденции, связанные с автором, эпохой или литературной школой.

Компьютерные методы также позволяют проводить стилометрический анализ, то есть определять стилевые особенности и авторство текстов. С помощью специальных алгоритмов можно выявить уникальные характеристики авторского стиля, установить авторство тех или иных анонимных произведений или проанализировать развитие стиля одного автора на протяжении его творческой карьеры.

Другим применением компьютерных методов является выполнение семантического анализа, который позволяет изучать значимость и связи между словами и концептами в тексте. Здесь используются методы обработки естественного языка, машинного обучения и алгоритмы классификации. Это позволяет определить ключевые темы, мотивы и идеи в литературных произведениях, исследовать эволюцию смыслов в текстах разных авторов и периодов.

Влияние компьютерных и статистических методов на развитие лингвистического анализа литературы нельзя переоценить. Они позволяют решать более сложные задачи анализа текста, значительно увеличивают объемы данных, которые могут быть обработаны и интерпретированы, и делают исследование более точным и систематическим. Кроме того, компьютерные методы способствуют очередному сближению лингвистики со статистикой, информатикой и другими дисциплинами, что способствует развитию междисциплинарных исследований и новым открытиям в области литературного анализа [11, с. 56]].

В заключение стоит отметить, что лингвистический анализ является ключевым инструментом в изучении литературы, поскольку он помогает нам понять структуру языка, стилистические особенности произведений и авторский почерк. Анализ языка позволяет обнаружить скрытые смыслы, символику и метафоры, что является важным для правильного толкования текстов и раскрытия их глубинных смыслов. Кроме того, лингвистический анализ позволяет изучать эволюцию русского языка в

литературе и его влияние на культурную и историческую среду. Анализ изменений в лексике, синтаксисе и грамматике текстов разных эпох помогает нам понять социокультурный контекст и дух времени, в котором они были созданы. Это важно для исторического изучения периодов и авторов, а также позволяет нам сделать выводы о социальных, политических и культурных процессах, которые оказывали влияние на литературу [9, с. 23]].

Лингвистический анализ также позволяет нам изучать влияние русской литературы на культуру и историю [12, с. 114]. Анализ стилей, жанров и языковых особенностей позволяет нам отслеживать взаимодействие литературы с другими искусствами, политическими и социальными движениями. Литература отражает дух времени и служит важным источником для изучения культурных и исторических процессов. Таким образом, лингвистический анализ является неотъемлемой частью исследования русской литературы и позволяет нам расширить наши знания о ней, ее влиянии на культуру и историю [10, с. 50].

Список литературы

1. Беляева О.А. Методы организации рефлексии: учебно-методическое пособие/ Беляева О.А. – Электрон. текстовые данные. –Минск: Республиканский институт профессионального образования (РИПО), 2016. – 44 с
2. Беневольская, Л.Д. Русская лексика [Текст] / Л.Д. Беневольская. –Издательство Литература по лингвистике, 2018. – 560 с.
3. Баженова, О.М. Частотность и употребление слов в русском языке [Текст] / О.М. Баженова, А.А. Зотеева, Ю.А. Скорик. – М. : Флинта, Наука, 2017. - 240 с.
4. Доброва Виктория Вадимовна, Сысуева Ирина Геннадьевна Использование методов лингвистического, психосемантического и психологического анализа в прикладных исследованиях // Вестн. Сам. гос. техн. ун-та. Сер. Психолого-педагогич. Науки. 2016. №2 (30).
5. Виноградов, В.В. Очерки по сравнительной фразеологии русского языка / В.В. Виноградов. – Азбуковник, 2017. – 320 с.
6. Жеребило, Т. В. Методы и приёмы лингвистического исследования / Т. В. Жеребило // *Lingua-Universum*. – 2019. – № 4. – 209 с.
7. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Ок.6000 терминов. – Назрань: Пилигрим, 2016. – 610 с.
8. Методы когнитивного анализа семантики слова [Электронный ресурс]: компьютерно-корпусный подход/ В.И. Заботкина [и др.]. Электрон. текстовые данные.- М.: Языки славянской культуры, 2018. – 342 с.
9. Красновидов А.В. Теория языков программирования и методы трансляции: учебное пособие/ Красновидов А.В. –Электрон. текстовые данные.- Учебно-методический центр по образованию на железнодорожном транспорте, 2016.- 177 с.
10. Пещеров Г.И. Методология научного исследования: учебное пособие/ Пещеров Г.И., Слоботчиков О.Н. – Электрон. текстовые данные. – Институт мировых цивилизаций, 2018. – 312 с.
11. Чудаков А. М. О вегетативной семиотике литературы. М.: Изд-во МГУ, 2019. – 214 с.
12. Новиков В.К. Методология и методы научного исследования [Электронный ресурс]: курс лекций/ Новиков В.К.- Электрон. текстовые данные. Московская государственная академия водного транспорта, 2020. –210 с.

УДК 8.80

Маслов В.П. Воспоминания о Кавказе в произведении Натальи Владимировны Урусовой в произведении «Материнский плач Святой Руси»

Маслов Валерий Петрович

магистрант факультета истории и социальных коммуникаций
АГУ им. В.Н. Татищева

Memories of the Caucasus in the work of Natalya Vladimirovna Urusova in the work «The Mother's Cry of Holy Rus'»

Maslov Valery Petrovich

Master's student at the Faculty of History and Social Communications
Tatishchev's ASU

Аннотация. Проблема исследования в данном контексте может быть определена как исследование жизни Великой Княгини Натальи Владимировны Урусовой в 1920-е гг. Исследование фокусируется на анализе социальных и внутрисполитических изменений в контексте Гражданской войны на территории Кавказа. Наталья Владимировна Урусова делится впечатлениями, описывая социально-исторический контекст, в котором она существовала, что является важным дополнением в исследовании указанного периода, поскольку объективная оценка выстраивается на основе сбора и анализа не только первоисточников, но и комплексного анализа историографии различного исторического периода и географии.

Ключевые слова: Великая княжна, Кавказ, дворяне, Наталья Владимировна Урусова, красногвардейцы.

Abstract. The problem of research in this context can be defined as the study of the life of Grand Duchess Natalia Vladimirovna Urusova in the 1920s. The research focuses on the analysis of social and domestic political changes in the context of the Civil War in the Caucasus. Natalia Vladimirovna Urusova shares her impressions, describing the socio-historical context in which she existed, which is an important addition to the study of this period, since an objective assessment is based on the collection and analysis of not only primary sources, but also a comprehensive analysis of the historiography of various historical periods and geography.

Keywords: Grand Duchess, Caucasus, nobles, Natalia Vladimirovna Urusova, Red Guards.

Материнский плач Святой Руси – это литературное произведение, являющееся воспоминаниями Великой Княгини Натальи Владимировны Урусовой, в которых она рассказывает о своей жизни в период с 1914 по 1941 гг., оказавшемся для нее наиболее трудным. «Материнский плач Святой Руси» представляет собой уникальный исторический документ, в котором прослеживаются явные обвинения в сторону коммунизма, а также переживания дворянки, глубоко верующей. В книге описаны

удивительные воспоминания хрупкой женщины, превратившейся в скитальца в период величайшей трагедии в истории человечества – распада Святой Руси.

Княгиня Наталья Владимировна Урусова была обладательницей поэтического таланта, который передался ей от отца – Владимира Константиновича Истомина, известного также под псевдонимом В. Туренин [5, с. 151].

Все воспоминания Великой Княжны можно рассматривать как описание терзаний, вызванных, прежде всего, материнскими переживаниями. Ее поэтический взгляд на жизнь дал ей силу перенести моральные муки и остаться честным человеком до самого конца. С самых первых дней революции она выявила ложь в обществе и не смирилась с ней до своей смерти в пожилом возрасте. Княгиню Урусову следует считать наставником для тех русских, кто ценит истину выше всего и стремится, исходя из такой жизненной философии, улучшить себя и свое окружение [4, с. 53].

Бедственное положение семьи, муж, который служил вдали от семьи – все это вынудило Наталью Владимировну продолжать искать спасение. Волею судьбы или случайности княгиня встретила своего брата, который посоветовал ей обратиться к отцу Алексею Мечеву в Москве, который считался прозорливцем. При личной встрече последний посоветовал Наталье Владимировне Урусовой поехать на Кавказ к мужу [7, с. 27].

Дорога на Кавказ была тяжелой, помимо прочего, к тому моменту как семья добралась до Владикавказа, в нем уже разгорался голод, начавшийся в 1921 г. Это было вызвано засухой, поразившей главные регионы страны, в частности – Кавказ, сколько политикой большевиков. На Юге России голод охватил 31 млн. человек и стал острой общегосударственной проблемой [1, с. 49]. Население голодало, испытывало острый дефицит предметов первой необходимости, пришли в упадок образование, здравоохранение, традиционное художественно-прикладное искусство дагестанцев. В горах активизировались антисоветские повстанцы [2, с. 73].

Во Владикавказе одной из дочерей удалось устроиться на работу в управление дороги города Грозный [7, с. 30], однако в скором времени на Кавказе приостановили строительство железной дороги, из-за чего Наталье Владимировне пришлось пойти к казакам работать по уборке хлеба и молотье [7, с. 34].

Вскоре дочь Натальи Владимировны, Ирина, попыталась вновь устроиться на работу связанную с железными дорогами, однако ее не приняли, обосновывая это тем, что она бывшая дворянка, а новый начальник был коммунистом [7, с. 38]. Помимо этого, проблемы, связанные с трудоустройством, а изначально с обучением, были у

сына Н.В. Урусовой – Петра. По прибытии на Кавказ Петр 14 лет понимая, что из-за фамилии не имел права на то, чтобы завершить обучение в семилетней школе для дальнейшего поступления в высшее учебное заведение, поэтому попросил отдать его в четырехклассное железнодорожное техническое училище. Приняли сына Натальи Владимировны только из-за того, что директор не был коммунистом. Тем не менее, несмотря на все трудности, Петр сдал экзамены после трех лет обучения лучше большинства [7, с. 34]. Несмотря на видимые успехи в учебе, незадолго до окончания железнодорожного училища был отчислен Высшим школьным начальством из-за того, что принадлежал к дворянской семье [7, С. 38]. Это обстоятельство обуславливало то, что, имея только оконченную семилетнюю школу Петру пришлось идти работать в железнодорожное депо учеником-подмастерьем. В первый год работы Петр подвергался всяческим издевательствам со стороны большевиков [7, С. 41]. Перетерпев ужасы первого года, на второй отношении к нему со стороны большевиков изменилось, поскольку признали в нем добродушного юношу, готового прийти на помощь.

Наталья Владимировна Урусовой, описывая местных жителей Владикавказа, пишет о том, что население представлено кабардинцами, которые довольно мирные, однако не терпящие большевиков. Примечательно, как отмечает автор, что если к ним в руки попадал русский, то они, будучи мусульманами, заставляли показывать есть ли на груди крест, если есть – отпускали, если нет – расстреливали. Такое положение вещей было обусловлено тем, что сведения, вернее сказать, слухи, которыми они обладали, гласили, что те, на ком крест, явно не большевик, поскольку коммунисты не веруют в Бога [7, с. 35].

Несмотря на то, что окончание компании гражданской войны на Кавказском регионе обычно определяют апрелем-маем 1920 г., контрреволюционные активные действия отдельных добровольных формирований продолжали свою деятельность. Воспоминания свидетелей тех событий описывают обстановку полного хаоса и разграбления, которые охватили регион в первые месяцы после революции. Многие стремились воспользоваться отсутствием власти, чтобы получить свою долю от конфискованного у "эксплуататорских классов" имущества. Однако участников этого процесса беспокоило только то, что они могли бы столкнуться с последствиями своих действий, если какая-либо из существующих политических сил укрепитя в регионе. «По пути следовали на город Ставрополь, мы встречали массу нагруженных подвод с имуществом. Гнали скот, свиней, овец и птиц, это крестьяне везли с экономии помещиков: Деминых и Худинова, в том числе и крестьяне нашего села, мы

приостанавливались, собрали колоссальный митинг...я крепко разъяснил, что имущество помещиков растягивать нельзя, как оно есть народное достояние и будет взято под контроль Советской властью, после чего одним выкрикивали, что я поддерживаю помещиков, другие задавали вопрос, что нам за это будет [6, с. 118]...»

В период с весны 1920 г. до весны 1921 г. на Северном Кавказе, особенно на территориях, ранее входивших в состав Дагестанской и Терской областей, была установлена советская власть. В результате этого были сформированы многонациональные формы советской автономии для горских народов. Их историческая роль в жизни региона является безусловно важной, но при этом она оценивается с различных точек зрения [6, с. 120].

В 1922 г. в Дербенте начали применяться законы большевиков, а именно учет виноградных плантаций, который велся в зависимости от количества лоз и всех фруктовых деревьев. Вскоре частное имущество стали забирать, и, в конце концов, при учете населения все владевшие прежде виноградниками и садами попадали в Сибирь [7, с. 42].

В декабре 1922 г., Наталья Владимировна решила съездить в Москву на поезде, по пути следования близ разъезда Инхне поезд неожиданно встал, неожиданно, поскольку там обычно поезд не останавливался. Остановка была произведена из-за того, что состав подвергся нападению разбойников, но благодаря благоприятному стечению обстоятельств Наталья Владимировна и ее семья пережили это нападение [7, с. 44].

Как отмечала княжна, чеченцы устраивали рейды для поиска русских, вообще коммунистов. Жили чеченцы в горах, почти на самых вершинах, в то время никаким способом передвижения до них невозможно было добраться. Позднее писалось в газетах, что из-за большевистских восстаний их (чеченцев) переселили в Сибирь, где они вряд ли смогут приспособиться к новым условиям. После пережитого Н.В. Урусова узнала, что с разъезда Инхче, где на поезд было совершено нападение, два дня подряд звонили на станцию Хасав-Юрт, прося прислать военную защиту, поскольку какие-то подозрительные группы чеченцев спускались с гор и располагались вблизи станции [7, с. 42]. Часто при нападении на станции связывали служащих, чтобы поезда не получали сигналы о свободном проходе, останавливались и их можно было грабить.

В докладе Северо-Кавказского крайкома о политическом положении выражалась тревога по поводу увеличивающегося недовольства населения: «На Северном Кавказе наблюдается напряженная обстановка. Ошибки местных

партийных активистов и высокие налоговые обязательства вызвали необычайную активность кулаков, а также, в общем, всех слоев крестьянства». Из сводного отчета ГорЧК за период с 1 января по 1 февраля 1922 г. становится ясно, что сотрудники чеки проводили проактивные мероприятия по конфискации оружия у населения [8, с. 16].

Можно согласиться с мнением исследователей Я.З. Ахмадова и Э.Х. Хасмагомадова, которые утверждают, «...что собственно бандитизм в Чечне не превышал в процентном отношении показатели уголовной статистики в Москве или Ленинграде. Но на фоне поголовно вооруженного населения (так, только официальное право на ношение боевого огнестрельного оружия в качестве красных партизан, участников гражданской войны имели не менее 5 тысяч чеченцев), слабых репрессивных органов, уголовные действия получали политическую окраску, дискредитировали новую власть. Новую власть пугала «чрезмерная», с ее точки зрения, степень личной независимости чеченского населения» [8, с. 18].

Таким образом, описываемое путешествие продемонстрировало нам историко-социальную и политическую картину, складывающуюся в период и после гражданской войны. Сравнение описываемых ситуаций Натальей Владимировной Урусовой с реальными фактами позволяет сделать вывод о том, что художественное произведение – воспоминания, обладают присущей историческому источнику достоверностью.

Список литературы

1. Бадмаева Е.Н. Голод в Нижнем Поволжье в 1921 и 1933 гг. // Новый исторический вестник. 2010. № 4 (26). С. 47-59.
2. Бугаев А.М. Установление советской власти на Северном Кавказе и строительство национальной государственности горских народов (март 1920 – апрель 1921 гг.) // Вестник академии наук Чеченской республики. 2011. № 2 (15). С. 71-80.
3. Истомина В.К. Из пережитого. М.: Университетская типография, Страстный бульвар. 1906. 44 с.
4. Лачева М.Ю. Поведенческие мотивации новомучеников в условиях политической, экономической и социокультурной трансформации в СССР в 1920-1930-е гг. // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность. 2020. С. 53-57.
5. Половцев А.А. Русский биографический словарь. Т. 8. СПб.: Тип. Главного Управления Уделов. 1897. 758 с.
6. Семенов А.А., Касьянов В.В., Чупрынников С.А. Постреволюционный хаос на Северном Кавказе в воспоминаниях очевидцев: социоисторический анализ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 12. С. 117-122.
7. Урусова Н.В. Материнский плач Святой Руси. М.: Художественная литература. 2020. 98 с.
8. Эльбуздукаева Т.У. Хроника первого разоружения Чечни (20-е гг. XX в. // Вестник Владикавказского научного центра. 2015. Т. 15. № 1. С. 15-20.

УДК 070

**Ромашов А.А., Квасова А.И. Михаил Пыляев и феномен
«Старого Петербурга»**

Ромашов Артём Александрович

Магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет
РФ, г. Санкт-Петербург
romashovar@gmail.com

Квасова Анастасия Игоревна

Магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет
РФ, г. Санкт-Петербург
anastasiyakvasova@yandex.ru

Mikhail Pyliaev and the phenomenon of "Old Petersburg"

Romashov Artem Aleksandrovich

masters student, Saint-Petersburg State University, Russia, Saint-Petersburg

Kvasova Anastasiia Igorevna

masters student, Saint-Petersburg State University, Russia, Saint-Petersburg

Аннотация. Предметом данного исследования является своеобразие цикла очерков «Старый Петербург» известного писателя, журналиста и краеведа Михаила Ивановича Пыляева (1842–1899). В статье рассмотрены характерные черты произведений Пыляева, жанровые характеристики, а также элементы биографии автора, оказавшие влияние на его труд. В статье исследуется образ города, который создал М.И. Пыляев в своих очерках и то, какое влияние он оказал на дальнейшую традицию изображения «забытого» прошлого Санкт-Петербурга в печати.

Ключевые слова: петербургский текст, историческая журналистика, краеведение, история Санкт-Петербурга, образ города.

Abstract. The subject of this study is the originality of the cycle of essays "Old Petersburg" by the famous writer, journalist and local historian Mikhail Ivanovich Pilyaev (1842-1899). The article considers the characteristic features of Pilyaev's works, genre characteristics, as well as elements of the author's biography that influenced his work. The article explores the image of the city that M.I. Pilyaev created in his sketches and what influence he had on the further tradition of depicting the "forgotten" past of St. Petersburg in the press.

Key words: Petersburg text, historical journalism, local history, history of St. Petersburg, image of the city.

Хотя словосочетание «Старый Петербург» и ранее встречалось на страницах печатных изданий, первым и главным популяризатором этого феномена, безусловно, можно считать писателя и журналиста Михаила Ивановича Пыляева (1842–1899). М.И. Пыляев происходил из купеческой семьи. Его отцу принадлежала парфюмерная

лавка в Гостином дворе, постоянными посетителями которой были актеры, драматурги и другие деятели, связанные с расположенным неподалеку Александринским театром. Во многом это и определило тематику первых работ Пыляева как журналиста, его материалы были посвящены искусству. В 1860-х он размещает в петербургских газетах разнообразные статьи о балете, драматическом театре, художественных выставках и т.д. В 1876 году Михаил Пыляев становится постоянным сотрудником газеты А. С. Суворина «Новое время». Здесь он публикует цикл очерков, посвященных разным сторонам истории Санкт-Петербурга. Впоследствии эти материалы были объединены в сборник «Старый Петербург: рассказы из былой жизни столицы», который увидел свет в 1887 году (также в издательстве Суворина) и имел колоссальный успех как у читателей, так и у критиков [1].

Сам автор отмечал, что в этой книге были представлены «сведения об истории и жизни Петербурга в конце XVIII и начал XIX столетий» [2]. Хотя хронологические рамки «Старого Петербурга» даже несколько шире. Книга начинается рассказом о том, что находилось на петербургских землях до появления новой столицы. Далее автор говорит об основании Санкт-Петербурга, его первых строениях и Петре I. Завершается «Старый Петербург» обзором моды и историями о франтах при Александре I.

Произведения Михаила Пыляева, объединенные под заглавием «Старый Петербург», рассматриваются в парадигме такого жанра, как очерк. Особенность очерка состоит в том, что в нем одновременно присутствуют репортажное (наглядно-образное) и исследовательское (аналитическое) начало [3]. При этом автор, работая над таким текстом, как бы балансирует между художественным и исследовательским методами, делая упор то на одном, то на другом подходе. Очерковой литературе свойственно большое разнообразие форм, а границы, отделяющие очерк от других жанров, весьма условны, потому что присущие очерку признаки по отдельности не чужды и другим произведениям [4]. Видное место в литературном творчестве очерк занял еще в XVIII веке. Мировую известность приобрели книги очерков Луи-Себастьяна Мерсье «Картины Парижа», в которых автор описал обширную панораму быта разных слоев населения и социальных порядков в предреволюционной Франции. В русском очерке уже в начале XIX века утверждается тема Санкт-Петербурга. Создатели таких публикаций ставили своей целью доказать читателю, что город с его повседневной жизнью может восприниматься как достойный с эстетической точки зрения. В 1845 году под редакцией Н.А. Некрасова вышел сборник

очерков «Физиология Петербурга». Авторы, создавшие направление физиологии в очерке, старались дать характеристику своим героям через особенности той городской среды, которая повлияла на внутренний мир, поступки и привычки описываемых ими персонажей. Для этого они смотрят на Санкт-Петербург глазами приезжего, или подробно показывают жизнь столичных окраин, или этаж за этажом исследуют повседневную жизнь доходного дома.

Нам представляется, что сочинения М.И. Пыляева также могут быть рассмотрены через жанр исторического анекдота. Под этим понятием подразумевается не анекдот в смысле фольклорного произведения в виде короткой смешной истории, а рассказ о произошедшем с реальными людьми в реально существующих местах. При таком подходе исторический анекдот не является разновидностью собственно анекдота, потому что юмор не выступает в качестве его самоцели. Некоторые тексты, составляющие сборник «Стары Петербург» так и называются: «Анекдот про императора Николая I», «Анекдоты из жизни Екатерины», «Анекдот о Шумском». Сам этот термин переводится с греческого языка как «неизданное». И. Антанасиевич, исследуя специфику жанра исторического анекдота приходит к выводу, что его функция состоит в «мифологизирующем корректировании истории, превращении бессодержательной, с мифопоэтической точки зрения, цепи событий в набор осмысленных (т. е. канонических) сюжетов, в приписывании историческим персонажам таких свойств, которые позволяют им быть значимыми персонажами и в фольклорно-мифологическом плане» [5]. В основе исторического анекдота часто лежат воспоминания и записи очевидцев.

Источником информации для Пыляева, с одной стороны, служили архивные документы и сочинения известных русских историков: Г.Ф. Миллера, Я. Грота, Н.И. Костомарова и других. С другой стороны, автор нередко ссылается на устные рассказы петербургских старожилов. Михаил Пыляев, рисуя картины «Старого Петербурга», обращается к легендам, мифам, сообщениям разнообразных неизвестных свидетелей. на страницах его произведений множество конструкций в духе «По слухам...», «По рассказам современников...», «По словам иностранцев...», «По преданию...». Подобные ссылки снижают фактологическую значимость пыляевских анекдотов, но не уменьшают их главного качества – занимательности. Рассказывая о петербургских слонах и их рационе, о пожаре Зимнего дворца, привычках Екатерины II и других разрозненных деталях, Пыляев создавал романтизированный и обильно украшенный образ Старого Петербурга, который выглядел почти как фантазия.

Однако близкий друг Пыляева, А.Н. Плещеев отмечал, что в своих работах автор «Старого Петербурга» всегда был точен. «Пыляев заимствовал данные из хороших источников и не любил иллюстрировать фактов собственной фантазией» [6]. Впрочем, Плещеев же приводит следующий диалог:

«– Пренеприятное письмо я сегодня получил! – сообщил мне как-то Михаил Иванович.

– От кого?

– Описал одного оригинала, а он жив! Пишет, что ему девяносто два года, и что пить он, действительно, пил, но пьяницей никогда не был.»

По свидетельству Плещеева, Пыляев обладал исключительной памятью и не нуждался в энциклопедическом словаре для справок. Он не только помнил факты и имена, но знал также годы рождения и другие биографические подробности из жизни известных людей. Запас его сведений по самым разнообразным областям был так велик, что ему за справками обращались даже университетские профессора. Иногда Пыляев по утрам отправлялся на петербургские кладбища, разыскивая забытые могилы, чтобы после выяснить, кому они принадлежат и напомнить публике о них.

Иллюстрируют «Старый Петербург» рисунки и гравюры, принадлежавшие знаменитому коллекционеру Павлу Яковлевичу Дашкову. Его собрание содержало множество редких документов и изображений, касающихся бытовой истории Санкт-Петербурга. Большая часть из них появилась в печати впервые. Также в «Старом Петербурге» используются рисунки из других изданий Суворина: «Иллюстрированной истории Петра Великого» и «Иллюстрированной истории Екатерины II». Такой иллюстративный фон помогает читателю еще больше погрузиться в захватывающий мир Старого Петербурга, увидев перед собой виды Фонтанки и Летнего сада XVIII века, сцены петербургских наводнений, портреты императоров, типы городских жомов при Петре I и другие картины старинной жизни. А. Алексеев, автор статьи «Михаил Иванович Пыляев и круг его избранных» сравнивает «Старый Петербург» с театральным действием, а его читателя – с участником грандиозного представления. «Герои – действующие лица предстают яркими личностями, ожившими посредством животворящего слова матера. – Пишет он. – Их окружение – дворцы, сады, храмы, хижины, улицы, кладбища, усадьбы – декорации, написанные в той же животворной манере» [7].

Говоря о празднествах в Летнем саду, Пыляев пишет: «Огромный полукруглый стол был завален всякого рода яствами, сложенными самым разнообразным способом: высокие пирамиды из ломтей хлеба с икрой, вяленой осетрины, карпов и

другой рыбы, украшались раками, луковицами и огурцами... В числе других диковин был огромный картонный кит, начиненный сушеной рыбой и другими съестными припасами... Кроме того, были устроены различные игры и увеселения: ледяные горы, карусели и т.п.» [2] В не менее красочной манере он описывает убранство Зимнего дворца: «Уборный пол сложен был из 400 дубовых штук с трехцветною посередине звездою в 4 сажени в диаметре; в окнах и некоторых дверях были вставлены зеркальные стекла, присланные из Франции. Аванзала также была украшена пилястрами, штучными полками, зеркальными окнами и плафоном... У стены, отделявшей новый зимний дом от адмиральских палат, возвышалась резная с позолотою пирамида; на ней симметрически расположена была фарфоровая и металлическая дорогая посуда» [2].

На наш взгляд, Михаил Иванович Пыляев в «Старом Петербурге» наследует двум традициям. Во-первых, традиции очерка, о которой уже шла речь выше. Во-вторых, традиции путеводителей по Петербургу, получившей развитие еще в начале XIX века с появлением, например, таких изданий, как «Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей» П.П. Свиньина (1816), и «Новейший путеводитель по Санкт-Петербургу» Ф.А. Шредера (1820). Появление такого синтеза путеводителя по городу и исторического очерка, каким стала книга Пыляева, стало возможным благодаря изменениям в цензурной и архивной политике государства. В 1860-х годах для исследователей оказались доступными огромное количество ранее закрытых архивов, цензура также значительно ослабла. Кроме того, образовалась достаточная историческая дистанция, отделяющая читателя «Старого Петербурга» от времен Петра I и зарождения столицы, которой не было в первой половине XIX века. «Как можно назвать старым что-либо связанное с Санкт-Петербургом? Столица все еще казалась такой новой, что в 1840-х годах Герцен лихо назвал ее “городом без истории”» – пишет Эмили Джонсон в работе «Как Санкт-Петербург научился себя изучать. Российская идея краеведения» [8].

Вслед за «Старым Петербургом», вышли еще несколько книг Пыляева: «Забытое прошлое окрестностей Петербурга» (1889), «Старая Москва» (1891), «Старое житье» (1897), «Замечательные чудачки и оригиналы» (1898). Незадолго до ухода из жизни журналист работал над сочинением под названием «Анекдоты и случаи из жизни Пушкина». «Литературные труды Михаила Ивановича со смертью его не утратят живого интереса и всегда найдут многочисленных читателей...» – пишет Плещеев в некрологе автору «Старого Петербурга». И действительно, ставшее популярным благодаря Пыляеву словосочетание «Старый Петербург» на долгие годы

превратилось в феномен, который объединил самых разных защитников исторического наследия и исследователей «забытого» прошлого города.

Список литературы

1. Иванов М.В. Пыляев Михаил Иванович // Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия в 3 т. Т. 2: Девятнадцатый век. Кн. 5. П-Р. – СПб., 2006. – с. 832 – 833.
2. Пыляев М.И. Старый Петербург : Рассказы из былой жизни столицы. – СПб.: А.С. Суворин, 1887. – 471 с.
3. Тертычный А.А. Жанры периодической печати, учебное пособие. — М.: Аспект Пресс, 2000 - 310 с.
4. В. Канторович. Очерк // Словарь литературоведческих терминов. – М. : Просвещение, 1974. – с. 253 – 256.
5. Антанасиевич И. Исторический анекдот — специфика жанра // Књижевност и историја VI. Транспозиција историјских догађаја и личности у приповеци код словена. – Ниш: Центар за научна истраживања САНУ и Универзитета у Нишу, 2005. — С. 135—141.
6. Плещеев А.А. Памяти М.И. Пыляева // Исторический вестник. СПб, 1899. Т. 75. № 3. С. 966 – 975.
7. Алексеев А. Михаил Пыляев и круг его избранных // Старый Петербург: Рассказы из былой жизни столицы. – СПб: «Паритет», 2002. – с. 11 – 17.
8. Джонсон Э. Как Санкт-Петербург научился себя изучать: Российская идея краеведения. – СПб.: Библиороссика, 2023. – 399 с.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 82.3

Дядюн С.Д. Анализ символов и архетипических образов в хантыйских народных сказках

Дядюн Светлана Даниловна

старший научный сотрудник фольклорного центра
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, г. Ханты-Мансийск
ernihova@mail.ru

Analysis of symbols and archetypal images in Khanty folk tales

Dyadyun Svetlana Danilovna

senior researcher folklore center, Ob-Ugric Institute of applied research and development
Khanty-Mansiysk

Аннотация. В статье выявлены основные архетипические образы, которые представлены в хантыйских народных сказках: образы огня, солнца, воды, земли, отца и матери, мужчины и женщины, дерева, медведя, лебедя и др. Отмечается их глубинная связь с древними представлениями народа, его историей, географическими условиями, в которых издавна жили ханты, с их традициями и обычаями. Архетипические образы и символы, в которых они реализуются, помогают реконструировать принципы мышления и поведенческие установки народа, базовые компоненты народного сознания, передаваемые из поколения в поколение.

Ключевые слова: ханты, хантыйская литература, фольклор, сказки, символ, архетипический образ.

Abstract. The article identifies the main archetypal images that are presented in Khanty folk tales: images of fire, sun, water, earth, father and mother, man and woman, tree, bear, swan, etc. Their deep connection with the ancient ideas of the people, their history is noted, geographical conditions in which the Khanty have long lived, with their traditions and customs. Archetypal images and symbols in which they are realized help to reconstruct the principles of thinking and behavioral attitudes of the people, the basic components of the people's consciousness, passed on from generation to generation.

Key words: Khanty, Khanty literature, folklore, fairy tales, symbol, archetypal image.

Хантыйские сказки представляют собой оригинальные произведения фольклора народа ханты и выступают сокровищницами народной мудрости, старинных верований, традиций и обычаев народа, уходящих в глубину веков. Анализ символов и архетипических образов, содержащихся в хантыйских народных сказках, позволит лучше узнать историю и культуру народа ханты. Сказки привлекают внимание многих исследователей, которые рассматривают отражение в них материальной культуры народа [3], передачу сказками исторической, социальной, бытовой реальности [8], основные сюжеты [6]. Образная система хантыйских сказок

становится предметом анализа филологов недостаточно часто, при этом происходит осмысление образов животных [4], мифологических персонажей [1]. Архетипические образы, отражающие базовые для сообществ людей и человечества в целом компоненты сознания, анализируются редко, в единичных публикациях. Это, например, архетип лесной колдуньи и лесного духа [7]. В то же время архетипические образы, представляющие собой «символическое выражение тех или иных архаических установок, определяющих мировоззрение, мироощущение и миропонимание народа» [5, с. 12], помогают понять мышление и поведенческие стратегии людей, их мировоззрение и осознание собственных связей с окружающим миром.

Цель данного исследования – рассмотреть основные символы и архетипические образы, которые встречаются в хантыйских народных сказках. Материалом для исследования стали тексты хантыйских сказок и их переводы на русский язык из сборника «Сказки, песни хантов полноватского Приобья», составленного Т.Р. Пятниковой и Р.К. Слепенковой [10].

Понятие архетипа, отражённого в культуре, восходит к учению представителя европейской аналитической психологии швейцарского учёного К.Г. Юнга, хотя появлялось в науке и в более ранние периоды. К.Г. Юнг относил архетипы к коллективному бессознательному, считая их «проявлениями более глубокого слоя бессознательного, где дремлют общечеловеческие, изначальные образы» [9, с. 80]. Архетипы в древних текстах, в том числе фольклорных, находят свою реализацию в символах и образах, транслирующих наиболее древние, ключевые и общие для всех народов смыслы. Выделим основные архетипы, которые сконцентрированы в сказках ханты.

Архетипический образ огня тесно связан в сказках с образом жилища, тепла, защиты. В предании о невыполненном обещании Вежакорскому божееству один из персонажей в желании противостоять нечистой силе «*сидел, поддерживая огонь в очаге, до утра*» [10, с. 195]. Для народа, жившего в условиях северной природы, огонь был очень важен и символизировал жизнь. В мифологии ханты он соотносится также с освобождением, избавлением от зла и нечистой силы, например, в сказке «Укашоп»: «*Мальчик слез с дерева и разжѐг большой костѐр. До неба достающий, до земли достающий большой костѐр развѐл*» [Там же, с. 84].

В сказках также важен и связанный с огнём образ солнца, тёплого и дающего жизнь. С солнцем сравнивают красивую женщину: «*Как солнце красивая женщина рядом с ним сидит*» («Девушка из рода карася») [10, с. 69], во многих сказках

рассказывается о сватовстве персонажей к дочери Солнца, то есть Солнце выступает как мифологический объект.

Значимым в хантыйских сказках является также архетипический образ воды. Ханты издавна жили в окружении водных объектов, дававших им пищу, воспринимаемых как источники жизни. Вода для хантов – это реки, болота, озёра, ручьи и родники, а образ воды в картине мира народа «символизирует жизнь, движение, дорогу, бесконечность, спокойствие и одновременно ярость» [2, с. 85]. Образ воды связан с образом земли, указывая в первую очередь на вечность, на основы мироздания, недаром сказание «О переселении Куриковых» заканчивается словами: *«Человек рождается, растёт, умирает, а земля-вода всегда останутся»* [10, с. 183].

Архетипические образы отца и матери связаны с архетипом семьи как источника защиты и заботы, как базового компонента картины мира народа, как способа выживания в сложных природных условиях. В сказке «Девочка и лесное существо» именно отец спасает дочь и возвращает её в дом, где родных людей встречает мать. Сказка завершается описанием идиллической картины спокойной жизни в кругу семьи, где общение, совместное времяпрепровождение – главные богатства: *«Как наступит вечер, сидят вдвоём с мамой, шьют. Из шкуры соболя, из шкур животных одежду шьют. И с этим богатством, счастьем, наверное, и живут»* [10, с. 144].

Образы мужчины и женщины обозначают две основные силы, которые существуют в мире ханты: мужчина – сильный, надёжный, активный; женщина – добрая, мягкая, заботливая, но тоже сильная. Только в единении эти две силы способны защитить маленький мир семьи от опасностей, исходящих от окружающего большого мира. Особенно интересен подход к образу мужчины, показанный в сказке «Предание об упрямом мужчине». Здесь описан герой, противопоставляющий себя обществу. Он чрезвычайно силен и поэтому не даёт работать другим – ни детям, ни взрослым: *«Он начал сильно грести, и едут как на моторной лодке. Вот так мог грести мужчина»* [10, с. 189]. Община не осуждает такого поведения напрямую, но и не хвалит, ведь всем нужно принимать участие в общей работе, а детям следует учиться. Упрямство мужчины проявляется также в том, что он отказывается состричь свои длинные волосы: *«У него были косы длинные, доставали до середины икр ног, он привязывал их сверху поясом»* [Там же, с. 190]. Это и подводит героя: дух Менгк подвесил его на перекладине дома, и он умер. Сказка учит тому, что важно быть вместе с другими членами общества, только так можно выжить в суровых условиях.

В жизни хантов очень много значила природа, поэтому в сказках немало природных архетипических образов, репрезентирующих растительный и зооморфный коды культуры. Сильным и опасным является медведь, которого героям сказок необходимо опасаться, с которым лучше не встречаться в лесу. Ловкий, умный сказочный персонаж сможет обхитрить медведя, как происходит, например, в сказке «Как девочка сбежала от Миш ёх» [10, с. 183-184]. Образ лебедя символизирует красоту, а также семейное тепло. В сказке «Девочка и лесное существо», радуясь возвращению дочери, «мама схватила её, как шкурку лебедя, как утиную шкурку обнимает, целует» [Там же, с. 144].

Образ дерева в фольклоре восходит к архетипу Мирового Древа – источника жизни на земле, в древних мифологических представлениях соединяющего верхний и нижний миры. В хантыйских сказках («Сказка об Ай мощнэ, Ай мощхо», «Сестра и брат» и др.) встречается устойчивый сюжет о превращении деревянного чучела в человека, восходящий к идее синкретизма всего живого на земле. Дерево не просто источник строительного материала, а магическая основа, помогающая сделать дом надёжным приютом для героев сказок: «Вышел мужчина на улицу, кругом стоят деревья. И всё, стал строить дом» («Девушка из рода карася») [10, с. 69].

Итак, в хантыйских народных сказках наиболее важными архетипическими символами и образами являются огонь, солнце, вода, земля, дерево, отец, мать и др. Они передают глубинные мировоззренческие мотивы, отражают традиции, исторические основы жизни народа, наследуемый опыт предшествующих поколений. Посредством архетипических образов сегодня можно увидеть мышление предков, дошедшее до наших времён, существующее вне времени и пространства.

Список литературы

1. Дядюн С.Д. Образы мифологических персонажей небесного бога и жителя подземного мира в хантыйских народных сказках // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации: мат. всерос. науч.-практ. конф. – Ханты-Мансийск: Печастный мир, 2021. – С. 78-84.
2. Крылова М.Н. Символика воды в тексте Е.Д. Айпина (на материале романа «Ханты, или Звезда Утренней Зари») // Притяжение Севера: язык, литература, социум: мат. I междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Ч. 1. – Петрозаводск: Петрозав. гос. ун-т, 2018. – С. 85-91.
3. Новьюхова Г.Б. Бытовые сказки о животных в хантыйском и ненецком фольклоре // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 3 (82). – С. 514-515.
4. Новьюхова Г.Б. Образы животных в хантыйских волшебных сказках // Филологический аспект. – 2019. – № 11 (55). – С. 198-202.
5. Пивнева Н.С. Архетипические образы в русской культуре: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. – Ростов-на-Дону, 2003. – 24 с.

6. Пятникова Т.Р. Сюжетный состав сказок ханты полноватского Приобья // Международный научно-исследовательский журнал. – 2019. – № 4-2 (82). – С. 88-93.
7. Себелева А.В. Архетип лесной колдуньи и лесного духа в славянской мифологии и хантыйских сказках // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации: мат. всерос. науч.-практ. конф. XVIII Югорские чтения. – Ханты-Мансийск: Печатный мир, 2020. – С. 186-198.
8. Таджикова А.Н. Отражение реальности в хантыйских и мансийских сказках // Северный регион: наука, образование, культура. – 2015. – № 2-4 (32). – С. 144-146.
9. Юнг К.Г. Психология бессознательного / пер. с англ. – М.: Когито-Центр, 2010. – 352 с.

Список источников

10. Сказки, песни хантов полноватского Приобья / Составители: Т.Р. Пятникова, Р.К. Слепенкова. – Ханты-Мансийск: Ижевск: Принт-2, 2016. – 344 с.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

УДК 821.112.2

Конева Е.А. Мужские образы в немецких бытовых и волшебных сказках (на материале «Детских и семейных сказок» Якоба и Вильгельма Гримм)

Конева Евгения Александровна

канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германской филологии
Курский государственный университет, РФ, г. Курск
e.a.koneva@bk.ru

Male images in German household and magical fairy tales (on the material of "The Children's and Household Tales" by Jacob and Wilhelm Grimm)

Koneva Evgeniya Alexandrovna

PhD in Philology, Associate Professor of Romano-Germanic Philology Department
Kursk State University, Russia, Kursk

Аннотация. В статье рассматриваются самобытные мужские образы немецкого фольклора (на примере немецких сказок в обработке братьев Гримм). Актуальность работы обусловлена, с одной стороны, повышенным интересом к изучению фольклора, в частности, сказочного наследия разных стран, с другой стороны, недостаточным вниманием исследователей к анализу характерных особенностей поведения человека по его гендерной принадлежности. В ходе работы над темой были проанализированы бытовые и волшебные сказки, включенные в сборник «Детские и семейные сказки», в результате чего были определены основные мужские типажи (образы мужа и отца, сына и брата) и характерные для них паттерны поведения. На основе анализа был сделан вывод о том, что на формирование характера и стиля поведения обозначенных персонажей повлияли бытовые и исторические особенности.

Ключевые слова: бытовая сказка, волшебная сказка, сказки братьев Гримм, немецкие сказки, «Детские и семейные сказки», мужские образы.

Abstract. The article considers original male images of German folklore (on the example of German fairy tales in the Grimm brothers' processing). The relevance of the work is conditioned, on the one hand, by the increased interest in the study of folklore, in particular, fairy tale heritage of different countries, on the other hand, by the insufficient attention of researchers to the analysis of characteristic features of human behavior by gender. During the study we analyzed everyday and magical fairy tales included in the collection "The Children's and Household Tales", as a result of which the main male types (images of husband and father, son and brother) and their characteristic patterns of behavior were identified. On the basis of the analysis, it was concluded that the formation of the character and behavioral style of the designated characters was influenced by domestic and historical peculiarities.

Keywords: household fairy tale, magical fairy tale, Grimm Brothers fairy tales, German fairy tales, «The Children's and Household Tales», male characters.

Введение

Сказка как вид литературы наиболее популярна у детей. Сказка «на протяжении веков всегда являлась неизменным спутником взросления ребенка, условием его развития и социализации» [1, с. 12]. Удивительные сюжеты и события, а также поучительный характер сказок вызывают интерес у подрастающего поколения. Но сказки долгое время были развлечением, досуговым занятием и для взрослых, особенно долгими зимними вечерами. Сказка жила «своей естественной, стихийной жизнью в народе, в памяти энтузиастов-сказителей, часто даже не знавших грамоты» [2, с. 7]. Безусловно, сказка – это мудрость народа, его фольклорное богатство. Именно этот жанр позволяет более точно представить себе традиции и обычаи народа, типичные черты характера представителей конкретной культуры, их менталитет. Но в виду того, что в Европе и, в частности, в Германии на протяжении нескольких веков «на народную сказку смотрели как на «низкий» вид устного творчества», который не заслуживал серьезного внимания [2, с. 7], то и о сохранении, и о письменной фиксации речи не шло. Только лишь в эпоху романтизма данная идея заинтересовала братьев Якоба и Вильгельма Гримм (см. подробнее: [3; 4; 5; 6]). Они проделали огромную работу по сбору, записи, а также частичному редактированию немецких сказок, которые появились в формате двухтомника в период 1812 – 1815 гг.

Принято подразделять сказки на волшебные, бытовые и сказки о животных. Особый интерес представляют сказки бытовые и волшебные, поскольку они демонстрируют не только особенности уклада жизни людей, живших несколько столетий назад, но и их черты характера. Сказки, вошедшие в двухтомный сборник братьев Гримм «Детские и семейные сказки», богаты яркими, самобытными персонажами. Особое внимание заслуживают мужские образы.

Основное содержание

В бытовых и волшебных сказках, которые были включены братьями Гримм в сборник, можно выделить несколько основных мужских типажей и характерных для них паттернов поведения. Центральное место занимают образы мужа и отца, сына и брата.

Образ мужа, равно как и образ отца, неоднозначен. Выступая в роли мужа, мужчина может быть, с одной стороны, типичным главой семьи, ее опорой, который за проступки может не только отругать свою жену, но и наказать ее. В сказке «Король Дроздовик» новоиспеченный муж королевны, отличавшейся гордостью и надменностью, решил перевоспитать ее и продемонстрировать ей на примере обычной работы по дому, которую ежедневно выполняли простые женщины, что она

ни на что не годится. Когда королева не смогла растопить печь и приготовить обед, нищий музыкант, а по совместительству состоятельный королевич, показал ей на собственном примере, что он в ответе за нее, и принялся сам за работу. При этом за все ее промахи в работе, будь то плетение корзин, с которым она не справилась, или неумелая торговля глиняными горшками на рынке, в ее адрес звучит порицание: «...ты ни на какую работу не годишься, трудненько мне с тобой придется» [7, с. 449]. В сказке «Умные люди» простой крестьянин грозит наказать свою жену, если она не выполнит его поручение (продать три коровы торговцу скотом за двести талеров): «... наделаешь глупостей – размалюю я тебе спину досиня, и без всякой краски, а одной только палкой, вот этой самой, что у меня в руке, будут полосы целый год держаться, ты уж мне поверь!» [7, с. 469]. Когда жена, проявив глупость, все-таки не выполнила его поручение, он решил простить ее, но при условии, если ему удастся найти человека глупее, чем она. Сказка «Умная Эльза» в отличие от двух предыдущих не имеет счастливого конца. После свадьбы муж обнаружил, что ему в жены досталась не умная и прилежная жена, а глупая и ленивая. И когда она в сумерках вернулась с поля домой в птицеловной сети с бубенцами, которую он сам на нее и накинул, пока она спала, муж не пустил ее в дом, сказав, что его жена дома [7, с. 31 – 37].

С другой стороны, мужчина предстает в сказках братьев Grimm и мужем-подкаблучником. В данной роли выступает, например, рыбак из «Сказки о рыбаке и его жене». Человек по натуре добрый и бескорыстный, он не хотел идти к дивной рыбе и передавать ей просьбы (требования) своей жены, но он «не посмел перечить жене и пошел к морю» [7, с. 314]. Зачастую подобную роль мужчины выполняют в сказках в том случае, когда они женятся во второй раз после смерти первой жены (сказки «Золушка», «Гензель и Гретель»). Мужчина не противоречит своей жене и выполняет все ее требования, забывая о своих собственных детях: не обращает внимания на все мытарства дочери («Золушка») или отправляет родных детей на верную гибель в лес («Гензель и Гретель»), хотя и «не было у него ни минуты радости» с той поры, как он оставил детей в лесу [7, с. 567].

На примере последних двух сказок мы видим и образ отца. Однако здесь демонстрируется, скорее, антиобраз отца, т.е. отца, для которого жизнь и благополучие детей не играют особо значимой роли. В ряде сказок («Три языка», «Двенадцать братьев», «Семь воронов») отец, недовольный поведением сына / сыночек или мечтающий о дочери, по своему собственному разумению решает избавиться от них. Одних отец превращает с досады в воронов, сам того не ожидая («Семь воронов»). Он предположил, что мальчишки не выполнили его поручение,

заигравшись по дороге, и воскликнул: «А чтоб вас всех в воронов обратило!» [7, с. 513]. Стоит при этом отметить, что он некоторое время горевал об утрате сыновей, когда не смог снять заклятия, но мало-помалу утешился. Другим грозит смерть (сказка «Двенадцать братьев»). Отец грозится убить двенадцать своих сыновей, если тринадцатый ребенок, который родится, будет девочкой. В сказке «Три языка» граф отрекается от своего единственного сына, выгоняет его из дома и приказывает своим слугам покончить с ним в лесу только потому, что юноша за три года обучения у разных мастеров, к которым его отправляет сам отец, научился понимать, «о чем лают собаки», «о чем говорят птицы», «о чем лягушки квакают» [7, с. 548-549].

Если мы говорим о роли сына в немецких сказках, то отношение сыновей к родителям также неоднозначно. В некоторых случаях сыновья прощают своих отцов: так, например, Гензель, вернувшись домой, на радостях бросается отцу на шею («Гензель и Гретель»), семь братьев, после того как их нашла и расколдовала сестра, вместе весело возвращаются домой. Однако в сказке «Двенадцать братьев» никто из детей не возвращается в родительский дом, братья остаются жить в согласии в доме у своей сестры и ее мужа короля. Сын графа («Три языка») находит приют у хозяина замка, который принимает его «вместо сына родного» [7, с. 550].

Интересным представляется и образ брата. С одной стороны, младший брат предстает непослушным, что и приводит, в конечном счете, к несчастью (в сказке «Братец и сестрица» мальчик, испытывая жажду, пьет из заколдованного ручейка и превращается в козленка). С другой стороны, именно младший брат является наиболее милостивым и, проявляя смекалку, спасает сестру от расправы братьев («Двенадцать братьев»). Сообразительность маленького мальчика можно отметить и в сказке «Гензель и Гретель», когда брат, чтобы спасти себя и сестру и вернуться домой целыми и невредимыми, бросает на дорогу белые камешки, а во второй раз – хлебные крошки, которые, к сожалению, в итоге оказываются бесполезными в поиске обратной дороги домой.

Заключение

Основу «Детских и семейных сказок» братьев Grimm составляют сказки волшебные и социально-бытовые. Корни немецкого фольклора «генетически переплетаются с самыми разными периодами в жизни народа» [8, с. 90]. Сказки демонстрируют обыденную жизнь народа, являются «великолепной иллюстрацией мировосприятия тех или иных этнических общностей», которые преимущественно оказали влияние на формирование характеристик данного народа [9, с. 98]. Стоит

подчеркнуть, что именно уклад, традиции и особенности конкретного исторического периода сыграли свою роль в формировании характера и стиля поведения, отражение которого мы находим в фольклоре. Описанные выше мужские образы, с одной стороны, демонстрируют важность и значимость общечеловеческих ценностей (заботу о своих родных и близких, воспитание достойного поколения, стремление разоблачить пороки), а, с другой стороны, «изображение семейных распрей в сказке отражает разложение рода и большой патриархальной семьи» [10, с. 70].

Список литературы

1. Веракса А.Н., Веракса Н.Е. Психологический анализ сказок и рассказов в контексте психического развития ребенка // Современное дошкольное образование. – 2020. – №6(102). – С. 12–20.
2. Шевченко Г.А. Предисловие // Братья Гримм / Г. Герстнер; Пер. с нем. Е.А. Шеншина. – М.: Мол. гвардия, 1980. – С. 5 – 28.
3. Dehrmann M.-G. Märchen – Sagen – Minnelieder: Die Wiederentdeckung des Mittelalters als Mythos einer unversehrten Vergangenheit // Die Brüder Grimm. Pioniere deutscher Sprachkultur des 21. Jahrhunderts. – Gütersloh / München, F.A. Brockhaus/wissenmedia in der inmediaONE] GmbH, 2013. – S. 48 – 59.
4. Ehrhardt H. Facebook mit Feder und Tinte – die sozialen Netzwerke der Brüder Grimm // Die Brüder Grimm. Pioniere deutscher Sprachkultur des 21. Jahrhunderts. – Gütersloh / München, F.A. Brockhaus/wissenmedia in der inmediaONE] GmbH, 2013. – S. 32 – 35.
5. Hildebrandt I. Es waren ihrer Fünf: die Brüder Grimm und ihre Familie. – Dritte, durchges. Aufl. – Köln: Eugen Diederichs Verlag GmbH & Co. KG, 1986. – 142S.
6. Venzke A. Die Brüder Grimm und das Rätsel des Froschkönigs. – Würzburg: Arena Verlag GmbH, 2012. – 112 S.
7. Гримм Я., Гримм В. Сказки ; [пер. с нем. Г.Н. Петникова]. – Москва : Эксмо, 2015. – 576 с.
8. Поверенная А.А. Немецкая и русская народная сказка: лингвостилистические особенности отражения духовной культуры и жизненного уклада // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 90. № 1. С. 89-94.
9. Норец Т.М., Дидковский И.А. Национальные особенности сказок Западной Европы (на материале английских, немецких и французских сказок) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. – 2015. – Том 1 (67). № 2. – С. 95–99.
10. Нечай Ю.П., Шишкина А.Г. Немецкие и русские волшебные сказки: национальный колорит // Вестник АГУ. – 2017. – Выпуск 1 (192). – С. 69 – 74.

УДК 830(091)

Малашенко В.В. Структура рассказа Г. Гессе «Детские годы Франциска Ассизского»

Малашенко Владимир Владимирович

канд. филол. наук, доцент образовательно-научного кластера (ОНК) «Институт образования и гуманитарных наук», Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, РФ, г. Калининград
vladmalkbg@yandex.ru

The structure of the story by G. Hesse "The Childhood Years of Francis of Assisi"

Malashchenko Vladimir Vladimirovich

Cand. Sci. (Philology.), Associate Professor of the Educational and Scientific Cluster (ESC) "Institute of Education and Humanities", Immanuel Kant Baltic Federal University Russia, Kaliningrad

Аннотация. В статье впервые в отечественном литературоведении исследована структура рассказа Г. Гессе «Детские годы Франциска Ассизского» и ее формообразующие уровни: нарративный, сюжетно-композиционный и идейно-тематический. Основные результаты: определена специфика идиллического хронотопа рассказа. Художественное время синтезирует настоящее (биографическое, суточное) время и будущее (абстрактное) время. Автор также использует прием ретроспекции. Художественное пространство рассказа структурировано формой открытого пространства. Выделены и проанализированы центральные темы детства / отрочества, судьбы / пути, служения / праведничества, взаимно дополняющие друг друга. На небольшом повествовательном пространстве писателю успешно удалось показать сложный период формирования личности юного Франческо, находящегося в состоянии жизненного выбора собственного пути. Доказано, что Гессе создает фикциональный текст, в жанровой форме легенды с чертами агиографии. Писатель изобразил гармоничный союз ребенка с природой, людьми, Богом и собственной матерью, любовью которой согрета и озарена жизнь юного героя.

Ключевые слова: Г. Гессе, Франциск Ассизский, детство, добро, гуманизм, предназначение.

Abstract. For the first time in Russian literary criticism, the article examines the structure of G. Hesse's story "The Childhood Years of Francis of Assisi" and its formative levels: narrative, plot-compositional and ideological-thematic. Main results: the specifics of the idyllic chronotope of the story are determined. Artistic time synthesizes present (biographical, daily) time and future (abstract) time. The author also uses the technique of retrospection. The artistic space of the story is structured by the form of open space. The central themes of childhood / adolescence, fate / path, service / righteousness, mutually complementing each other, are identified and analyzed. In a small narrative space, the writer successfully managed to show the difficult period of formation of the personality of young Francesco, who was in a state of choosing his own path in life. It has been proven that Hesse creates a fictional text in the genre form of a legend with features of hagiography. The writer depicted the harmonious union of a child with nature, people, God and his own mother, whose love warmed and illuminated the life of the young hero.

Keywords: G. Hesse, Francis of Assisi, childhood, goodness, humanism, purpose.

Обширное творческое наследие Германа Гессе (проза, поэзия, публицистика, эпистолярные тексты, живопись) предоставляет неисчерпаемый материал для исследований как зарубежным, так и отечественным литературным критикам и искусствоведам. Становление российского гессеведения в первую очередь во многом обязано трудам С. Аверинцева, А. Березиной, Е. Маркович, В. Седельника, Р. Каралашвили, Н. Павловой, Н. Лейтес, Д. Затонского, А. Гулыги. В конце XX и начале XXI веков это направление продолжили работы Н. Гучинской, Т. Некрасовой, А. Науменко, А. Гутманиса, А. Плохарского, Н. Кузнецовой, Ю. Мориц, О. Золотухиной, Т. Тереховой, Н. Рожковой и многих других. Рецепция как произведений Г. Гессе, так и произведений других выдающихся писателей во многом зависит от того, насколько верно и точно будет эксплицировано читателями и исследователями их содержание, семантика и авторская интенция. Окончательный смысл произведение приобретает в контексте биографии писателя, его литературно-культурного окружения, а также места и значения автора и его произведения в историко-литературном процессе национальной и, шире, мировой литературы.

В статье «Предисловие к изданию "Война и мир" 1946 года» Герман Гессе называет три важнейших фактора, которые повлияли, сформировали и воспитали его: «христианский <...> дух моего отчего дома, <...> чтение великих китайцев, <...> влияние единственного историка, <...> – Якоба Буркхардта» [13, с. 277–278]. Этот ряд конечно же можно продолжать. На наш взгляд, еще один важный фактор, повлиявший на Г. Гессе, и который не назван писателем, это фигура и учение итальянского религиозного деятеля, философа-мистика Франциска Ассизского. О значимости личности Ф. Ассизского для Гессе говорит тот факт, что писатель неоднократно к нему обращался. В 1904 году Гессе пишет биографический очерк «Франциск Ассизский» и роман «Петер Каменцинд», в котором становление главного героя происходит во многом благодаря его обращению к личности и идеям Ф. Ассизского. А, «может быть, он еще и францисканец» [9, с. 144]. Герой романа Петер называет Франциска своим любимцем. Во время своего восьмидневного путешествия в Италии по Умбрии, Петер говорит: «Я брел по дорогам святого Франциска Ассизского, и порой мне казалось, что он шагает рядом со мной, полный неумной любви, с радостью и благодарностью приветствуя каждую птичку, каждый родник и каждый кустик диких роз» [14, с. 93]. Подчеркнем тот аспект, что «Петер Каменцинд», принесший писателю мировую славу, написан в традиции немецкого романа становления, воспитания («Entwicklungsroman»). Как верно отмечает В. Седельник, «в образе Франциска писателя привлекали прежде всего его демократизм, проповедь

имущественного равенства, религиозной терпимости и братской любви к ближнему» [8, с. 16]. Из биографии писателя и его идиллии «Время в саду» мы также знаем, что своего любимого кота Гессе назвал, «не без воспоминания о том, как обращался ко всем тварям Франциск Ассизский, – своим "братцем"» [1, с. 327].

В 1919 году выходят в свет произведения, которые представляют совершенно новую экспериментальную, модернистскую манеру и стиль письма Гессе, новую поэтику – повесть «Кляйн и Вагнер», новелла «Последнее лето Клингзора», роман «Демриан». Но в этом же году в своей традиционной реалистической манере второго периода творчества он пишет рассказ «Das Blumenspiel: Aus der Kindheit des heiligen Franziskus von Assisi» («Цветочная игра: из детства святого Франциска Ассизского»). В русскоязычном переводе 8-ми томного издания собрания сочинений Гессе оригинальное название рассказа, по непонятной причине, усечено – «Детские годы Франциска Ассизского». Подавляющее большинство художественных произведений Г. Гессе представляют из себя биографии души главного героя. Одним из первых на этот аспект обратил внимание Р. Каралашвили, отметивший, что практически все произведения Гессе повествуют «о трудном процессе "вочеловечивания", о продвижении от низкого эмпирического "я" к высшей личности, сокрытой в глубинах человека» [3, с. 18].

Точно так же, как и в новелле «Душа ребенка», о чем мы писали раньше, в рассказе «Детские годы Франциска Ассизского» писатель «изображает своего героя-подростка в наиболее сложный, переходный период отрочества, когда ребенок впервые серьезно и остро задумывается о своем месте в жизни и человеческом мире, тогда, собственно, и происходит формирование личности человека, в ребенке «просыпается» самосознание, индивидуальное начало» [5, с. 125]. Совершенно справедливо на этот аспект обращает внимание и Н. Рожкова: «Образы детей возникают в переломные моменты духовной и творческой биографии писателя и несут серьезную символично-психологическую нагрузку» [7, с. 297].

Обратимся непосредственно к анализу структуры рассказа «Детские годы Франциска Ассизского», помня о том, что «художественная структура проявляется на всех уровнях» [4, с. 162] текста. На *нарративном уровне* мы имеем дело с повествовательной инстанцией всеведующего, недиегетического нарратора, которому открыт внутренний мир героя и малейшие движения его детской души. Открыты мечты юного героя о его будущем служении добру, его предназначении, которое еще только смутно обретало свою форму в сознании подростка: «только его собственное сердце говорило об этом, мечтало об этом, жаждало этого» [15, с. 270].

При этом размышления героя о своем предназначении представлены автором в своеобразной форме «внутреннего монолога» юного Франческо.

На *сюжетно-композиционном уровне* подчеркнем небольшой объем рассказа, который также крайне ограничен по количеству персонажей: главный герой – двенадцатилетний мальчик Франческо Бернардоне и его мать; второстепенные – «карапуз лет шести» [15, с. 272], мальчик постарше, девушка; внесценические персонажи – отец Франческо, Мариэтта, Пьетро, учитель латыни, только упомянутые героем. Сюжет рассказа включает: завязку – размышления юного Ческо о выборе жизненного пути; развитие действия с основным событием – встреча героя с процессией детей, поющих церковный хорал в честь Девы Марии; кульминация – срывание героем фиолетовых лилий, которые выращивала и любила мать героя, раздача их детям, участвующим в процессии, и предводительство Ческо процессией детей с последующими общими танцами на Соборной площади; развязка – вечерний разговор героя с матерью, в котором он рассказывает о своем поступке с цветами, и признается в том, что он хочет стать рыцарем и совершать добро для людей. В композиционной целостности рассказа коррелируют четыре «блока»: мечты мальчика о его рыцарском призвании и служении людям; непосредственное участие героя в религиозной процессии; самобичевание героя за свой легкомысленный поступок и танец на площади: «Актер! Паяц!» [15, с. 273]; разговор с матерью о своей мечте.

Рассказ отличает явно *идиллический хронотоп* счастливой и беззаботной жизни мальчика в родительском доме. Художественное время представлено в двух комплементарных временных отрезках. Настоящее время (время биографическое, суточное) – события происходят в течение одного летнего дня, от второй половины дня до вечера, когда герой ложится спать. И будущее (абстрактное время), разворачивающееся в рассуждениях и мечтах Франческо. Интересным, на наш взгляд, является прием авторской ретроспекции. Гессе моделирует в рассказе время жизни, отрочества героя, который еще не стал таким, каким его знает читатель – известным и почитаемым католическим святым Франциском Ассизским, принявшим обет бедности, бескорыстного служения Богу, проповедующим любовь к ближнему и всему живому на земле. Художественное пространство рассказа представляет открытый топос – в начале произведения герой сидит на крыльце родительского дома и смотрит на «умбрийскую долину» [15, с. 269]. Затем он возглавляет детскую «цветочную» процессию, что «подключает» пространство дороги, пути. А в символическом плане соотносится с мечтами о будущем жизненном пути Франческо. И, наконец, в финале

рассказа пространство локализовано до спальни героя, куда он отправляется после ужина в родительском доме, и откровенного разговора с матерью, которой он доверяет свои мечты.

На *идейно-тематическом уровне* доминантными темами рассказа являются: тема детства / отрочества, судьбы / пути, служения / праведничества. Все три темы тесно взаимосвязаны. По мысли писателя, детство / отрочество – самый важный период в жизни ребенка, который и определяет дальнейшую судьбу человека. А. Науменко подчеркивает, что для Гессе с произведения «Сочинения и стихотворения Германа Лаушера, посмертно публикуемые» (1901) «образ ребенка становился идеалом художника и художественного творчества» [6, с. 191.]. Практически все исследователи творчества писателя единодушны в этом вопросе. Например, Т. Терехова, анализируя становление личности героя в новелле «Душа ребенка», верно отмечает, что Гессе «смог передать сложный процесс развития самосознания – центральный психический процесс переходного возраста, процесс становления индивидуальности, осознания собственного «Я», открытия своего внутреннего мира» [10]. А Ольга Золотухина обращает внимание на явную близость эпиграфа и содержания романа «Демьян» с анализируемым в данной статье рассказом, «в котором звучат те же интонации и поразительно сходные мысли» [2, с. 92.]. Эмилю Синклеру, герою романа «Демьян», в начале романа 10 лет, герою новеллы «Душа ребенка» – 11 лет, Франческо – 12 лет. Из этих трех героев только Франческо вступил в самый сложный пубертатный период, когда происходит кристаллизация личности и формируется психосексуальная ориентация. Впрочем, последняя никак не раскрывается писателем в рассказе.

Тема судьбы / пути коррелирует в произведении с темой служения / праведничества. Юный герой находится в мучительных поисках своего пути, предназначения, своей последующей судьбы: «Господи, как трудно принять решение!» [15, с. 270]. Он жаждет подвигов и славы. Обе темы кодируют центральную идею рассказа – гуманистическую идею бескорыстного служения героя людям, и Богу. Эта идея впоследствии наиболее полно будет воплощена Гессе в романах «Сиддхартха» (1922) и «Игра в бисер» (1943). Клаус Зекендорф, анализируя роман «Сиддхартха», специально акцентирует этот аспект: «Легендарная форма вероисповедания «Сиддхартха» описывает жизнь человека, чей процесс становления к святому начался еще в детстве» [12, с. 61.]. В этом плане, на наш взгляд, ключевую роль в рассказе занимают образы цветов, солнца и природы. Начальная часть оригинального заглавия рассказа Гессе «Цветочная игра: из детства святого

Франциска Ассизского», как мы отмечали раньше, в русскоязычном переводе опущена. В таком случае оказывается нивелированной, что на наш взгляд ошибочно, очевидная связь заглавия и семантики рассказа с анонимной агиографией XIV века «Цветочки Святого Франциска», содержащей 53 главы и жизнью самого святого. В первой главе агиографии, которая была хорошо известна Гессе, маркирован ее основной посыл: «В сей книге содержатся подлинныя Цветочки — сиречь чудеса и примеры благочестия славного слуги Христова Святого Франциска и некоторых его блаженных спутников» [16]. Образ луговых цветов, которые несут в руках дети, принимающие участие в процессии в честь Девы Марии, как и образ материнских фиолетовых лилий, которые раздает Ческо детям, их совместное церковное пение погружают героя во власть «красоты и молитвенного благоговения этого праздника» [15, с. 272], в атмосферу чуда и гармоничного союза человека и Природы. А образ солнца, теплом и светом которого согрета и озарена жизнь юного Ческо, аллюзивно отсылает читателя к сочинению Ф. Ассизского «Песнь о солнце» (ок.1225).

В рассказе происходит самое главное событие – мальчик в своих мечтах и фантазиях понимает, что в будущем он хочет посвятить свою жизнь добру, любви к людям и борьбе со злом и несправедливостью. Не случайно в рассказе, в мечтах и размышлениях героя возникают прямые аллюзии на образы рыцаря Круглого стола Ланцелота и рыцаря Орландо (Роланда), главного героя поэмы Л. Ариосто «Неистовый Роланд». Но если с романом Кретьена де Труа Франческо мог быть знаком, то во втором случае налицо явный анахронизм, поскольку поэма Ариосто увидела свет только в XVI веке.

Франческо осознает, что осуществить свои мечты можно только благодаря мужеству и последовательному следованию своей цели. Гессе на небольшом пространстве рассказа максимально точно изображает процесс выбора, вызревания окончательного решения, становления сознания своего героя: «Он почувствовал вызов. У него появился идеал. До него дошел клич. В нем зажегся огонь» [15, с. 270].

Рассказ конечно же является «собственным изобретением» [11] Гессе. Писатель своим произведением моделирует период из детства Святого Франциска, который наименее известен. Рассказ явно «облачен» в одеяние жанра легенды, и, в какой-то степени, содержит также черты агиографии, так как взят один из этапов жития будущего святого – его детство. Эксплицитная фикциональность текста позволила писателю в форме художественной условности продемонстрировать реципиенту собственное отношение к фигуре святого, а также на небольшом повествовательном

пространстве изобразить гармоничный союз ребенка с природой, людьми, Богом и собственной матерью, любовью которой согрета и озарена жизнь юного героя.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. Герман Гессе // Аверинцев С.С. Поэты. М.: «Языки русской культуры», 1996. С. 327–353.
2. Золотухина О.Б. Эволюция психологизма Германа Гессе. Гродно, 2007. 163 с.
3. Каралашвили Р. Мир романа Германа Гессе. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1984. 262 с.
4. Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. Москва: Гнозис, 1994. С. 10–263.
5. Малащенко В.В., Копцев И.Д. Форма и смысл новеллы Г. Гессе «Душа ребенка» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Вып. 8: Сер. Филологические науки. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2013. С. 122–128.
6. Науменко А.С. Писатель, околдованный книгой (послесловие) // Гессе Г. Магия книги: эссе, очерки, фельетоны, рассказы и письма о чтении, книгах, писательском труде, библиофильстве, книгоиздании и книготорговле. М.: Книга, 1990. С. 169–218.
7. Рожкова Н.В. Образы и символы детства в прозе Германа Гессе. Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. 2012. № 8 (127). Выпуск 20. С. 292–298.
8. Седелник В.Д. Герман Гессе и швейцарская литература. Москва: Высш. школа, 1970. 92 с.
9. Сенэс Ж. и М. Герман Гессе, или Жизнь Мага. М.: Молодая гвардия, 2004. 277 с.
10. Терехова Т.В. Проблематика и особенности поэтики раннего творчества Германа Гессе 1890-х – 1920-х годов: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.03. Орел, 2009. // [Электронный ресурс.] URL: <https://cheloveknauka.com/problematika-i-osobennosti-poetiki-rannego-tvorchestva-germana-gesse-1890-h-1920-h-godov> (дата обращения: 10.12. 2023).
11. Eckhard U. Hermann Hesse: Franz von Assisi // [Электронный ресурс.] URL: <http://www.eckhard-ullrich.de/buecher-buecher/2858-hermann-hesse-franz-von-assisi> (дата обращения: 21.12. 2023).
12. Seckendorff K. Hermann Hesses propagandistische Prosa: selbstzerstörer. Entfaltung als Botschaft in seinen Romanen vom «Demian» bis zum «Steppenwolf». Bonn: Bouvier, 1982. 218 S.

Список источников

13. Гессе. Предисловие к изданию «Война и мир» 1946 года // Гессе Г. Письма по кругу. М.: Прогресс, 1987. 400 с. [Гессе, с. 275–278].
14. Гессе Г. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1. М.: АО Изд. группа «Прогресс– «Литера»; Харьков: Фолио, 1994. 464 с.
15. Гессе Г. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 6. М.: АО Изд. группа «Прогресс– «Литера»; Харьков: Фолио, 1995. 432 с.
16. Цветочки Святого Франциска Ассизского // [Электронный ресурс.] URL: https://librebook.me/cvetochki_franciska_assizskogo (дата обращения: 19.12. 2023).

УДК 82.091

Петрова О.М. Рудаки – основоположник персидско-таджикской поэзии

Петрова Ольга Мстиславовна

старший преподаватель кафедры русского языка,
Санкт-Петербургский педиатрический медицинский университет
РФ, г. Санкт-Петербург
omp7@yandex.ru

Rudaki – the founder of Persian-Tajik poetry

Petrova Olga Mstislavovna

assistant of the Russian language department
St. Petersburg Pediatric Medical University, Russia, St. Petersburg

Аннотация. В предлагаемой статье анализируется значение творчества Рудаки для развития персидско-таджикской поэзии. Поэту, жившему на сломе эпох, удалось в своём творчестве соединить и доисламские музыкально-поэтические традиции, и иранские песенные, и новые для всех нормы арабского стихосложения.

Ключевые слова: фарси, таджикский, дари, поэзия, наследие, философия гуманизма.

Abstract. The proposed article analyzes the importance of Rudaki's work for the development of Persian-Tajik poetry. The poet, who lived at the break of epochs, managed to combine in his work both pre-Islamic musical and poetic traditions, and Iranian song, and new norms of Arabic versification for all.

Keywords: Farsi, Tajik, Dari, poetry, heritage, philosophy of humanism.

Абу Абдаллах Джафар Ибн Мухаммад родился в 858 году в селении Панджруд (в переводе с таджикского пять ручьёв) неподалёку от столицы древней Согдианы (ныне кишлак Панджруд Пенджикентского района Согдийской области Таджикистана).

Чтобы понять значение поэзии Рудаки, необходимо вспомнить историю. Вторжение в Иран войск Арабского халифата в VII веке нанесло сокрушительный удар по древней иранской культуре. Огнём и мечом были насаждены новая религия завоевателей — ислам, и арабский язык. Для иранской словесности наступили «века молчания». Литература словно перестала существовать: многие из старинных сочинений сжигались завоевателям и, как богопротивные, а новые не сочинялись. Однако иранская литература не исчезла полностью, она пребывала лишь в иноязычном состоянии, то есть произведения писались на арабском языке, но персидским канонам. Так длилось до IX в. Культура иранских народов оказалась выше культуры завоевателей. Образованные слои иранцев сумели освоить новую для них арабскую традицию, воспринять наиболее ценные элементы арабской

доисламской и исламской культуры и вместе с тем сумели сохранить самобытные черты древней иранской традиции.

В IX веке Арабский халифат переживал кризис и начал распадаться. Одним из первых от него отделилось государство династии Саманидов. Многие исследователи утверждают, что они были персами, и своё влияние на аристократию и народ основывали на возобновлении древних иранских традиций. Столица Саманидов, Бухара, быстро стала одним из крупнейших городов мусульманского мира.

Саманиды культивировали родной язык — фарси — и содействовали его развитию. Официальным (государственным) языком стал обычный иранский разговорный язык того времени, называемый дари или дари-фарси. На фарси стала формироваться и новая иранская литература в среде так называемых «восточных иранцев» — таджиков. Затем она распространилась на территорию Ирана, в среде «западных иранцев» — персов, ныне именуемых иранцами. [1, с. 14]

Считается, что именно Рудаки разработал все формы классической фарсиязычной поэзии, сумел сплести в едином орнаменте народные традиции с арабским и персидским литературным наследием. Рудаки писал и великолепные оды-касыды, и чеканные четверостишия — рубаи.

Если говорить современным языком, Рудаки был одним из первых бардов и основателем движения бродячих музыкантов. Такое движение сыграло огромную роль в подъёме культуры народа, формировании его музыкального вкуса и эстетического воспитания. Музыка и песни Рудаки широко распространялись по всей Центральной Азии и Ирану.

В одной из ранних антологий персидской поэзии «Сердцевина сердцевин» о нём было написано: «Он был столь талантлив и восприимчив, что к восьми годам знал наизусть весь Коран и стал чтецом Корана. Он принялся складывать стихи, причём такого тонкого содержания, что народ восторженно встречал их. Любовь к нему всё возрастала, к тому же господь одарил его прекрасным голосом и способностью пением очаровывать сердца». [2, с. 96]

О родителях Рудаки и его семье ничего не известно. Имя Рудаки, которым поэт пользовался в своих стихах, является нисбой.

Нисба или тахалус — имя, обозначающее этническую, религиозную, политическую, социальную принадлежность человека, место его рождения или проживания. Обычно нисба имеет морфологический показатель относительного прилагательного — суффикс - и: Рудак (название селения) — Рудаки (рождённый в Рудаке).

Рудак – значит ручеёк, и это имя, которое поэт пронёс через всю свою жизнь.

Будучи ещё юношей, он покидает родимый дом и отправляется в древнюю Бухару, где много сил и времени отдаёт образованию. Днём он учился, а по вечерам пел свои песни. И когда известия о талантливом поэте и певце достигли повелителя Хорасана, Рудаки был действительно приглашён эмиром Насром ибн Ахмадом Самани, правившим страной с 913 по 943 годы, ко двору, где и провёл большую часть своей жизни.

Эмир любил Рудаки, оказывал ему знаки внимания и советовался с ним по вопросам искусства, поэзии, музыки. Свыше 40 лет Рудаки возглавлял плеяду поэтов при дворе саманидских правителей Бухары, достигнув большой славы и богатства.

По сведениям исторических источников, Рудаки написал очень много. Он автор пяти больших поэм, в том числе таких как «Калила и Димна», «Синбаднаме», «Араис аннафаис». Но, к сожалению, из его огромного поэтического наследия, насчитывавшего более 130 тысяч бейтов (двустий), сохранилось до наших дней не более двух тысяч. [1, с. 14] Среди сохранившихся стихотворений Рудаки можно назвать касыду «Мать вина» и автобиографическую касыду «О старости». Но даже и то небольшое, что сохранилось, свидетельствует о гениальности поэта.

Ещё при жизни его называли «Адамом, то есть отцом поэтов», «соловьём Хорасана». [3, с. 54] Рудаки был наставником, воспитателем начинающих поэтов, о чём многие из них вспоминали впоследствии с благодарностью. Он был окружён плеядой таких ярких поэтических талантов как Абу Шукур Балхи, Хусравани, Дакики, Хаким Хаббоз Нишапури, учившихся у него и развивавших его эстетические принципы. Выдающиеся поэты средневековья - Фирдоуси, Хайям, Саади, Хафиз, Руми особое внимание обращали на его творчество и считали себя его учениками.

Ещё средневековые учёные характеризовали стиль Рудаки как «простой, но недостижимый». [4, с. 120] Его стихи читались легко и казались удивительно простыми. Однако, писать так, как писал он, в стиле гениальной простоты, удавалось очень немногим. Поэт 11 века Унсурри, «царь поэтов» своего времени, сокрушаясь, о том, что ему не под силу писать газели, подобные газелям Рудаки, определял его стиль как непостижимый в своём мастерстве и называл его «рудакийским», выделявшим его из среды прочих поэтов. [5, с. 22]

Рудаки считается основоположником персидско - таджикской поэзии, родоначальником поэзии на фарси. Он стал первым в плеяде создателей классической лирики – общего достояния, говорящих на персидском наречии таджиков, иранцев, афганцев, персоязычных жителей Индии и Пакистана. Итогом

его жизни стало и то, что он внёс огромный вклад в разработку едва ли не всех поэтических форм того времени: касыды, газели, рубаи, месневи, служившие образцами при дальнейшем развитии всех этих стихотворных норм в творчестве поэтов, творивших после него. [5, с. 43]

Рудаки первым в поэзии на фарси обратил свой взор на человека, на его нужды и помыслы, цели и предназначения существования:

«На мир взгляни разумным оком,
Не так, как прежде ты глядел.
Мир – это море. Плыть желаешь?
Построй корабль из добрых дел. [8, с 4]

На его стихах лежит печать глубокого философского раздумья:

Наш мир вращается вечно
Природа его такова,
Таков закон вселенной: круговорот естества. [8, с 6]

Человеколюбие и благородство было его второй натурой. Одна из легенд повествует о том, что Рудаки в молодости был влюблён в красавицу, рабыню из Руси по имени Анюша, и что потом он её выкупил, освободил и отправил на родину.

Важно отметить, что его поэзия сосредоточила своё внимание (в отличие от древнеиранской поэзии) не на восхвалении божеств, а на изображении человека – либо как преуспевающего монарха и его окружения, либо как простого человека.

Много места в творчестве Рудаки занимает тема борьбы добра и зла. Поэта не может не волновать такой вопрос: «Почему жизнь коршуна длится двести лет, а ласточки – не больше года?» Хотя он часто провозглашает: «Радостно живи с черноокими, радостно», а потом «будь, что будет», – мировосприятие его не так-то просто. Он выступает поборником справедливости, добра, видит и социальное неравенство в обществе, хотя и не знает средств борьбы против него. Видимо, поэтому так часты его стенания: «Ну и коварна же судьба!», «Мы – овцы, мир – загон», «Где честный должен восседать...», «Соблазны тела – деньги». [5, с. 22]

Сложность восприятия действительности и мировоззрения Рудаки можно видеть, пожалуй, из таких двистиший:

Все то, что мир творит, – подобье сна дурного.
Однако мир не спит, он действует сурово,
Он радуется там, где боль всего живого,
Там, где должно быть зло, своё он видит благо.

Так почему на мир взираешь ты спокойно:

В деяньях мира нет покоя никакого.

Лицо его светло, зато душа порочна,

Хотя он и красив, плоха его основа. [8, с 9]

Рудаки заново переработал и создал на языке дари-фарси все известные поэтические жанровые формы восточной (арабо-иранской, в частности) литературы: рубаи, газель, касыда, месневи, китга. Эти жанровые формы в разных языковых системах существовали и до Рудаки. Однако именно он довёл их на своём родном языке с использованием национального материала до совершенства. Эти жанровые формы впоследствии стали классическими. Поэтические традиции Рудаки были подхвачены и обогащены его последователями. Причём, творчество его стало поэтическим источником и для профессионального (дворцового), и для суфийского, и для вольнолюбивого направлений в литературе всего периода иранского средневековья. [6, с. 24]

Однако нельзя сказать, что вся его жизнь прошла безоблачно. Судьбы поэтов, учёных философов в те далёкие времена полностью находились в руках правителей. Трагедию пережили все великие поэты восточного средневековья.

В старости Рудаки попал в опалу, был ослеплён, изгнан из двора эмира и умер в нищете. Можно предполагать, что причина изгнания была связана с сочувственным отношением поэта к злейшим врагам эмира Хорасана карматам в Бухаре, так нужно принять во внимание философское вольнодумство поэта, воспеваемый им культ разума, утверждение гуманизма, пронизывающего все творческое наследие Рудаки. В автобиографической касыде «О старости» поэт писал о переменах, произошедших в последние годы своей жизни:

Да, был я велик и счастлив, имел все блага земли,

Недаром Саманиды меня высоко вознесли,

Но годы весны сменились годами суровой зимы,

Дай посох! Настало время для посоха и сумы. [9, с. 67]

Оставшиеся годы жизни после изгнания поэт провёл в своём родном селении Панджруд и умер по сведениям, содержащимся в сочинении историка Самани «Ал – Ансаб», в 941 году. Следует сказать том, что многие моменты биографии Рудаки до сих пор остаются неизвестными, а его могила была найдена только через 1100 лет на старом кладбище в Бенджруде благодаря кропотливой работе, проведённой основоположником современной таджикской прозы Садриддином Айни.

В 1965 году группа советских археологов под руководством М.М. Герасимова вскрыла могилу, и учёный по остаткам костей произвёл реконструкцию и создал скульптурный портрет Рудаки. [7]

При раскопках там были обнаружены остатки разрушившегося от времени мазара и одиночная могила с неплохо сохранившимся мужским скелетом. Череп в исследованном погребении был без зубов. Все эти признаки указывали на то, что это действительно могила Рудаки.

Скелет был похоронен в соответствии с мусульманскими традициями и принадлежал человеку в возрасте 75-78 лет. Особенности сочленения головы и позвоночника свидетельствовали о том, что этот человек держал голову сильно откинутой назад, как ходят слепые, привыкшие обходиться без поводыря. Изучая строение верхнего края глазниц, М.М. Герасимов обнаружил явные признаки атрофии глазничного нерва и края лобной кости, однако глазное яблоко при этом не было разрушено. Эти изменения позволяют сделать вывод о насильственном ослеплении в возрасте около 60 лет, глаза прижгли раскалённым стержнем железа. На скелете найдены также следы прижизненных переломов трёх рёбер и второго поясничного позвонка. Травма нанесена примерно в это же время. Таким образом, встречающееся в стихах упоминание о совершенном над поэтом насилии нашло документальное подтверждение при изучении анатомических особенностей его скелета. Действительно, находившийся в зените славы поэт был оклеветан, предан и ослеплён.

При реконструкции учёный воспользовался не только черепом, но и костями скелета, воссоздав всю верхнюю часть торса. Рудаки был невысок (около 170 см), но настолько пропорционально сложен, что производил впечатление высокого. По своему антропологическому типу это чистый европеоид без всякой монголоидной примеси, типичный представитель горных таджиков.

В 1958 году, когда отмечалось 1100 летие со дня рождения Рудаки, на месте захоронения поэта в кишлаке Панджруд близ Пенджикента, был воздвигнут мавзолей, превратившийся в место паломничества поклонников и почитателей его таланта всего мира.

Таким образом, судьба основоположника классической поэзии Рудаки символизирует путь возникновения и становления персидско-таджикской поэзии и до сих пор сближает людей. Стихи величайшего поэта средневековья переведены и продолжают переводиться на языки всех народов мира. Поэзия Рудаки, питающаяся

животворными соками вечной народной мудрости, завоевала весь мир и стала выдающимся явлением мировой культуры.

Список литературы

1. Гилани Ахмед. Поэты эпохи Рудаки. – Тегеран: «Могофате Афшар», 2019. – 150 с.
2. Султон Вохидов. Жизнь и творческое наследие Мухаммада Ауфи. — Дониш, 1989. — 166 с.
3. Рудаки и расцвет персидско-таджикской поэзии. / Р.Хади-заде. Рудаки и поэты его времени: сборник статей. – Л.: Советский писатель, 1985. – 272 с.
4. تاریخ ایران از اسلام تا سلاجقه، ایران شناسی دانشگاه کمبریج، چاپ امیرکبیر، تهران، ۱۳۶۳
5. رودکی سرآمد شاعران فارسی رودکی سرآمد شاعران فارسی: مجموعه مقالات به مناسبت سال رودکی، به کوشش منوچهر اکبری، تهران، خانه کتاب، چاپ او: ۱۳۸۸، ص ۵۴۳
6. P.K. Маллаев, Н.Х. Рахимова Некоторые философско-этические и эстетические взгляды Абуабдуллаха Рудаки. // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. 2015, № 1 (62) С.23-25.
7. Портреты по скелетам. Научное наследие М.М. Герасимова [Электронный ресурс] // [сайт]. URL: <https://www.acadlib.ru/> (дата обращения: 23.08.2023).

Список источников

8. Родник жемчужин: Персидско-таджикская классическая поэзия. – Душанбе: Маорифф, 1986. – 446 с.
9. یک پف بخار گزیده ای از اشعار رودکا، تحت رهبری امیر اسماعیل آذر تهران ، ۲۰۱۸

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ

УДК 808.5

Завидова А.С. Метафоры как способ отражения реалий времени в художественном тексте (на материале романа М. Зусака «Книжный вор»)

Завидова Алина Сергеевна

магистрант кафедры теории и практики иностранных языков
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, РФ, г. Москва
alina.zavidova1@gmail.com

**Metaphors as a way of reflecting the time realities in fiction
(based on the material of the novel "The Book Thief" by M. Zusak)**

Zavidova Alina Sergeevna

Graduate student, Department of Foreign Languages in Theory and Practice
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
Russia, Moscow

Аннотация. В статье предпринята попытка определить основные виды метафор, встречающихся в тексте художественной литературы и отражающих историческую эпоху, на примере материала произведения «Книжный вор» Маркуса Зусака. В произведениях литературы целостные представления о культуре и быте определенного народа могут быть переданы читателю посредством символических образов и их толкования. Метафора же является одним из наиболее эффективных способов воздействия на понятийное мышление читателя, которым пользуются писатели для передачи исторических реалий времени и собственной картины мира. Особое внимание Автор уделяет роману «Книжный вор», повествующему о событиях, разворачивающихся в нацистской Германии. В частности, Автор анализирует, каким способом М. Зусаку удается воспроизвести в художественном тексте быт и действительность жителей Германии первой половины XX в.

Ключевые слова: художественный текст, Книжный Вор, Маркус Зусак, реалии времени, Германия, метафора, типология метафор

Abstract. The article attempts to identify the main types of metaphors in fiction that reflect the historical era, using the examples from the novel "The Book Thief" by Markus Zusak. In works of literature, holistic ideas about the culture and way of life of a certain people can be conveyed to the reader through symbolic images and their interpretation. Metaphor is one of the most effective ways to influence the reader's conceptual thinking, which writers use to convey the historical realities of time and their own worldview. Much attention is given to the novel "The Book Thief" describing the events unfolding in Nazi Germany. It is spoken in detail about how Markus Zusak manages to reproduce the way of life and reality of the inhabitants of Germany in the first half of the XX century in his literary text.

Keywords: fictional text, The Book Thief, Markus Zusak, time realities, Germany, metaphor, classification of metaphors

Художественный текст играет большую роль в восприятии читателем окружающей действительности. Литература оказывает воздействие на формирование у людей особого взгляда на происходящие события, а также глубоких и устойчивых эмоций. Достигается данный эффект при выстраивании художественного дискурса, а также с помощью различных языковых средств выразительности. Наиболее распространенным инструментом репрезентации реальности в художественном тексте является метафора. Процесс метафоризации представляет собой сложный лингвокогнитивный и лингвокультурологический процесс, в котором активную роль играют все компоненты – язык, мышление и культура как автора, так и читателя [5, с. 13].

В художественном произведении образы – это воплощение мышления автора, его субъективное видение и уникальное изображение картины мира. Создание образности основано на использовании неожиданных сопоставлений предметов или явлений, достаточно непохожих друг на друга.

Метафоры можно подразделить на два основных типа, а именно: статический и динамический. Статическая метафора считается лексикализованной метафорой – тропом, вошедшим в повседневный речевой обиход. Для неё характерны широта употребления и устойчивость, а также отсутствие выразительности и индивидуальности. Статическая метафора зачастую не осознается реципиентом как метафора, поэтому её могут называть «мертвой» метафорой [7, с. 224]. Некоторые из данных «застывших» метафор считаются в художественной литературе вещественными, поскольку являются часто встречающимися в контексте этнокультуры читателя или автора. Несмотря на это, вещественные метафоры довольно четко отражают национальную картину мира и позволяют передавать смысл не менее эффективно, чем динамическая метафора – ввиду того, что являются привычнее для реципиента художественного смысла и обладают ярко выраженной эмоциональной окраской. Благодаря вещественным метафорам события описываемой в литературе действительности – эмоции, поступки и идеи – воспринимаются в качестве материальных сущностей, более приближенных к тем, кто подвергается идейному воздействию автора через художественный текст [4, с. 49].

Динамическая метафора же отличается неустойчивостью и непредсказуемостью. Для неё свойственен индивидуальный характер. Поскольку метафорический перенос формируется на базе субъективного допущения подобия, можно сделать вывод, что данный тип отчетливо отражает авторскую позицию в

художественном тексте и за счёт своей неординарности также может оказать влияние на читателя.

Метафоризация захватывает почти каждую часть речи. Тем не менее в этом процессе господствующую роль имеет именно глагол и имя существительное.

Возможность метафоризации ряда глаголов обусловлена тем, что данная часть речи допускает своеобразное «освобождение» семантической темы, основного элемента значения слова от более специальных семантических признаков, которые при прямом употреблении слова определяют его смысловую специфику. Однако они не устраняются полностью, а отступают на задний план – трансформируются в экспрессивно-стилистический фон, на котором выступает новое смысловое значение [2, с. 86].

При метафоризации во взаимодействие вступают несколько объектов – например, объекты, обладающие семантикой живого, и предметы, обладающие семантикой неживого [3, с. 155]. В зависимости от того, какая семантика доминирует в каждом случае метафорического описания, можно выделить два вида художественных метафор – витальные и мортальные.

В витальных метафорах доминирует семантика жизни, а объект оценивается как живой. С помощью придания какому-либо предмету изображаемой действительности, природному явлению свойств живого существа, автор объективирует реальность, сопровождая этот процесс яркой эмоциональной оценкой. Данный вид метафор очень разнообразен и сам подразделяется на несколько типов.

Например, существуют витальные метафоры, с помощью которых объект описывается как животное – автор наделяет его отличительными признаками либо частично, либо полностью. Образ человека с подобной семантикой зачастую обладает отрицательной стилистической окраской, в то время как неживой предмет с признаками животного будет иметь нейтральную стилистическую окраску.

Ко второй группе витальных метафор можно отнести метафоры, в которых доминируют человеческие признаки, то есть объект наделяется качествами человека [9, с. 195]. В художественном тексте можно найти примеры описания явлений окружающей среды или неживых предметов, которые служат для автора способом олицетворения окружающего мира, создания образов, воздействующих на восприятие читателем художественной действительности.

Также можно выделить третью группу витальных метафор, при которых неживой объект описывают как умерший, тем самым воссоздавая эффект того, что он когда-то был одушевленным существом.

Мортальные метафоры – второй вид метафор, в которых доминирует семантика неживого, то есть объект сравнения описывается как неодушевленный. Так, например, создается более выразительный образ, позволяющий передать мировосприятие героя или рассказчика – его взгляд на окружающий в произведении мир, ситуацию.

Среди мортальных метафор в отдельную группу можно выделить метафоры, которые описывают человека как неживой объект, наделяя его отрицательной семантической окраской, так же, как и витальные метафоры с семантикой животного. Герои художественных произведений при мортальных метафорах характеризуются как безжизненные и бездушные существа со стилистически сниженной, отрицательной окраской [8, с. 157].

В художественной действительности наибольшее значение обретает и когнитивная метафора. Она является неотъемлемой частью человеческого сознания – благодаря ей автор способен экономно и действенно выразить множество смыслов. Значение метафоры определяется особенностями нашего взаимодействия с окружением, а также нашими социальными нормами и культурными традициями. Когнитивные метафоры структурируют действительность и позволяют понимать один вид опыта на основе другого, а с точки зрения художественного текста – ёмко передавать смыслы реципиенту. Данные метафоры могут подразделяться на структурные, ориентационные – средства, основанные на ориентации в пространстве: вверх и вниз, вперед и назад; а также онтологические, которые «категоризируют абстрактные сущности путем очерчивания их границ в пространстве» [1, с. 23], иными словами, являются способами трактовки событий и действий в качестве предметов или персонификации – физического опыта.

На период конца XX – начала XXI веков в зарубежной литературе прослеживается стремление писателей обращаться к теме исторического прошлого, а именно трагедии предшествующего исторического периода – Второй мировой войне [6, с. 45].

Для выявления метафорических средств, при помощи которых осуществляется воздействие на сознание читателя и формируется художественная действительность, было выбрано произведение австралийского писателя Марка Зусака «Книжный вор», повествующего о событиях, разворачивающихся в нацистской Германии.

Автор был вдохновлен рассказами и воспоминаниями своих родителей о войне и жизни в нацистской Германии, которую им пришлось испытать. По словам Зусака, в своем произведении он хотел отразить не столько трагические события того

времени, сколько судьбы вовлеченных людей, их добродетели и пороки [10]. Военная жизнь в Австрии и Германии, военнопленные и евреи, бомбежки в Мюнхене – все эти истории, рассказанные родителями, вдохновили писателя на создание романа.

В своём творчестве Маркус Зусак интерпретирует переживания героев через детали, а также воссоздает образ окружающего мира с помощью различных средств выразительности, в частности – метафор. Произведение «Книжный вор» пронизано эмоционально-оценочной лексикой, видоизмененной по замыслу автора для придания окружающей действительности двойственного или в принципе отличного от привычного значения. Поскольку Зусак рос на историях и воспоминаниях очевидцев, в своем произведении он в большей степени прибегает к лингвистической репрезентации, основанной на персональном восприятии и личном опыте тех, кто застал период прихода нацистов к власти в Германии.

Большую долю внимания в романе «Книжный вор» Зусак уделяет метафорам, направленным на отражение окружающего пространства, в котором герои переживают события периода прихода к власти нацистов в Германии и Второй мировой войны. Образное описание, в частности, касается таких измерений, как небесная поверхность – облака, звезды, погодные условия, времена года; и земная поверхность – деревья и растения, интерьер, жилые дома и улицы. Внешность и поведение людей в произведении, их эмоциональное и физическое состояние также подвергается метафорической интерпретации автора, тем самым позволяя воссоздавать реальность в мышлении читателя через все возможные рецептивные сферы: не только через персонажей и их жизнедеятельность, но и через неживые объекты. Таким образом, читателю представляется определенная картина мира, с помощью которой Зусак формирует его отношение к главным и второстепенным героям, а также к миру, который окружает их. Рассмотрим некоторые из таких метафор.

При передаче происшествий и ситуаций, с которыми сталкиваются персонажи, а также для отражения их внутреннего состояния и вызова у читателей определенных эмоций автор романа использует метафоры, направленные на небосвод, облака и солнце. В качестве примера рассмотрим следующий фрагмент:

“The horizon was beginning to charcoal. What was left of the blackness above was nothing now but a scribble, and disappearing fast” [11, p. 11]

Сравнение оттенка горизонта с древесным углем и ночного мрака с каракулями позволяет рассказчику подчеркнуть необъятность и пустоту окружающего мира, а также хаотичность бедствия и путаницу, в которой очутился умирающий персонаж. В

данной сцене с помощью вещественных метафор образ непроглядного неба передает безысходность раненого летчика и его скоропостижную смерть, тем самым не только дополняя картину действительности романа трагическими элементами, но и побуждая читателя испытывать соответствующие эмоции – грусть, тревогу или сострадание. Таким образом, в отобранном фрагменте проявляется не только коммуникативная функция метафоры, но и прагматическая.

В некоторых главах романа метафоры, связанные с описанием природы, были намеренно задействованы для противопоставления происходящим событиям:

“There were heavy beams – planks of sun – falling randomly, wonderfully to the road” [11, p. 543]

Сравнения солнечных лучей с досками, которые удивительным образом ниспадают на проезжую дорогу, служат для читателя красочным дополнением к сцене, иллюстрирующей процессию пленных евреев, которые шествуют в сторону Молькинга. «Тяжелый» пейзаж вместо того чтобы приносить радость и удовольствие только добавляет страданий измученным заключенным – показывает жестокость конвоя через суровость и хаотичность природы. Благодаря данным метафорам выполняется прагматическая функция – у реципиента складывается ощущение неприятия происходящего и понимание того, каким страданиям подвергались изможденные люди в плену. Тем самым автор не только передает реалии времени нацистской Германии, но и побуждает читателя испытывать негодование.

Помимо вещественных метафор, Зусак прибегает к использованию сравнений, нацеленных на перенос человеческих и нечеловеческих признаков с одного предмета на другой. Так, большинство витальных метафор в «Книжном воре» направлены на отражение художественной действительности – объективизацию и эстетизацию мира вокруг персонажей. Автор метафоризирует образы природных явлений и городских пейзажей, тем самым воссоздавая в сознании читателей картину исторической эпохи нацистской Германии. Мортальные метафоры же, наоборот, используются лишь в отношении героев, которых Зусак считает бездушными или морально и физически «мертвыми». Семантика неживого в данных сравнениях позволяет передать мировосприятие героя и сделать временные реалии вокруг него более выразительными. В подтверждение своих рассуждений рассмотрим несколько примеров:

“Even the clouds tried to look the other way” [11, p. 374]

Нежелание облаков смотреть на души умерших французских евреев – доминирующая семантика жизни в их образах – служит способом иллюстрации

ужасных судеб тех, кто попадал в нацистские лагеря. Данным метафорическим сравнением автор подводит читателей к мысли о том, насколько жестокой была политика нацистской Германии – что даже облака, будучи невольными свидетелями смерти неповинных пленных, не в силах взглянуть на их безжизненные тела. Благодаря витальным метафорическим единицам и их когнитивной функции в этом фрагменте реципиент подвергается влиянию представлений Зусака и перенимает его мировосприятие.

Рассмотрим ещё один пример:

“The town that afternoon was covered in a yellow mist, which stroked the rooftops...” [11, p. 267]

В данном фрагменте умиротворяющий городской пейзаж, который наблюдала Лизель после встречи с фрау Герман, передается через коммуникативную функцию метафорического сравнения желтой дымки с существом, которое поглаживает крыши домов и улицы Молькинга. Оживший туман сопровождает главную героиню на пути домой и вторит её приподнятому настроению и энтузиазму. С помощью данного символического образа Зусак передает положительные эмоции персонажа и позволяет читателям проникнуться художественным миром произведения – благоприятной обстановкой в городе и солнечной погодой после дождя. Метафора ожившего тумана иллюстрирует то неопределенное состояние ожидания и надежды на лучшее будущее, бытующее в немецком обществе того временного периода.

Рассмотрим ещё один фрагмент:

“Just before Liesel Meminger pivoted with nausea to exit the crowd, the shiny, brown-shirted creature walked from the podium...” [11, p. 120]

В приведенном примере метафорическое сравнение члена нацистской партии с существом, одетым в коричневую форму, благодаря своей эстетической функции позволяет Зусаку лишить его человеческой семантики – передать читателю бездушие последователей нацистской идеологии. Сцена с сожжением «антинемецких» книг на площади вкупе с анималистичными чертами тех, кто поддерживал данные массовые акции, рисует широкую и детальную картину исторических событий в произведении, формирует у реципиента негативные ассоциации.

Некоторые события и сцены в произведении «Книжный вор» предстают в виде когнитивных метафор, сравнений, для более четкого восприятия которых автор проводит параллели между несколькими областями: абстрактной сферой и физической. При помощи данных символических образов Зусак раскрывает атмосферу, в которой жили персонажи произведения, а также их душевное состояние.

Концептуальные метафоры использовались автором в данном произведении не только для описания окружающей среды – они были сосредоточены на отражении внутренних ощущений героев и настроений, царящих в государстве. В подтверждение своих рассуждений рассмотрим несколько примеров:

“Liesel was sure her mother carried the memory of him, slung over her shoulder”

[11, p. 25]

В приведенном фрагменте раскрывается тяжесть памяти об умершем брате главной героини. Метафорическое сравнение с грузом, который приходится нести матери Лизель подобно увесистому мешку, позволяет читателю концептуализировать скорбь персонажа и проникнуться её эмоциональным состоянием. Так, при помощи коммуникативной функции метафоры в сознание реципиента закладывается мысль о том, насколько сильно смерть сына отразилась на душевном состоянии героини. Подобный символический образ, помимо всего прочего, позволяет читателю отчетливее представить себе ту тяжесть, которую несли на своих плечах женщины в Германии того периода после смерти своих детей.

Обратимся к следующему примеру:

“As the density subsided, the roll call of names limped through the ruptured streets, sometimes ending with an ash-filled embrace or a knelt-down howl of grief” [11, p. 463]

Будучи ответственным за разбор обвалов на разбомбленных во времена военных действий участках и улицах, Ганс Хуберман часто встречал людей, искавших своих выживших близких. Цепочка метафорических единиц в приведенной сцене передаёт отчаяние и безнадежность поисков тех, кто стал жертвой воздушных налётов. Так, автор с помощью коммуникативной функции метафоры рисует в сознании реципиента обстановку горечи и скорби, которая настигала многих мирных жителей во времена Второй мировой войны.

Таким образом, вещественные метафоры в художественной литературе детально передают внутренний мир героев и их психологическую сферу. Помимо этого, через вещественные метафорические образы возможно подробно расписывать среду вокруг персонажей – природные явления, городские пейзажи и т. д. Каждый из перечисленных аспектов формирует представление читателя о художественной действительности и людях, чьи судьбы в ней отражены.

Витальные и мортальные метафоры, наравне с вещественными, могут быть направлены на объективизацию и эстетизацию художественного мира, а также на формирование восприятия некоторых героев произведения литературы. Так, например, благодаря витальным метафорам здания, улицы и неодушевлённые

предметы могут наделяться семантикой живого – становиться полноценными элементами повествования, отражающими психологическое состояние общества определенного периода. При помощи мортальных метафор же, наоборот, в сознании читателей может формироваться негативный образ происходящего, вынуждающий их воспринимать тех или иных героев морально умерщвленными.

Когнитивные метафоры так же, как и вещественные, витальные и мортальные метафорические сравнения могут задействоваться для иллюстрации чувственных переживаний персонажей и настроений в обществе. При помощи когнитивных символических образов читатель глубже будет познавать переживания и трудности, с которыми сталкиваются персонажи во времена различных событий, а также перенимать точку зрения автора на описанные в произведении происшествя.

Список литературы

1. Будяев, Э.В. Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. – 2007. – № 1. – С. 19 – 34.
2. Ключева, А.Н. Метафорическое употребление глаголов для выражения образности в рассказах Джона Апдайка // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. – 2016. – № 6. – С. 86 – 91.
3. Кыштымова, Т. В. Понятие "языковая личность" в современной лингвистике // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2014. – № 6. – С. 237 – 244.
4. Лакофф, Д. Метафоры, которыми мы живем. – Москва: URSS, 2017. – 252 с.
5. Маслова, В.А. Когнитивный и коммуникативный аспекты художественного текста. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2014. – 104 с.
6. Радаева, Э.А. Тема Второй мировой войны в русской и зарубежной прозе: проблема преподавания современной зарубежной литературы в русле патриотического воспитания молодежи // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2022. – Т. 24, № 82. – С. 45 – 53.
7. Тошович, Б. Структура глагольной метафоры // Stylistika, Opole. – 1998. – № 7. – С. 221 – 251.
8. Цинковская, Ю.В. Виды художественных метафор в современной русской прозе // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. – 2010. – № 3. – С. 154 – 158.
9. Шатских, М.В. Специфика реализации авторских витальных метафор в романе Бориса Пастернака «Доктор Живаго» // Гуманитарные и юридические исследования. – 2020. – № 3. – С. 193 – 198.
10. Random House Kids. Interview with Markus Zusak, author of The Book Thief – [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=m7B8ioiZz7M> (дата обращения: 24.12.2022).

Список источников

11. Zusak, M. The Book Thief. – UK: Penguin Random House, 2016. – 584 p.

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070

Муха А. В., Кутлиметова Е. А., Республиканский телеканал «Архыз 24» в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассниках»

Муха Анжела Викторовна

старший преподаватель кафедры журналистики ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»
РФ, г. Ростов-на-Дону
angelaaaaaa95@gmail.com

Кутлиметова Елизавета Аслановна

Студентка 4 курса кафедры журналистики ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»
РФ, г. Ростов-на-Дону
kutlimetovaeliza@icloud.com

Republican TV channel «Arkhyz 24» on social networks «VKontakte» and «Odnoklassniki»

Mucha Angela Viktorovna

senior lecturer at the department of journalism, RGEU (RINH)
Russia, city of Rostov-on-Don

Kutlimetova Elizaveta Aslanovna

4th year student of the department of journalism, RGEU (RINH)
Russian, city of Rostov-on-Don

Аннотация. В данной статье рассмотрена история создания и развития телеканала «Архыз 24», а также проведен анализ его контента в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассниках». Рассмотрев работу телеканала «Архыз 24» в социальных сетях, авторы статьи пришли к выводу, что его главной целью является освещение культурных, экономических, политических и социально-значимых событий Северного Кавказа. При этом присутствие канала в социальных сетях помогает ему привлекать новую аудиторию, улучшать взаимодействие с ней.

Ключевые слова: национальный телеканал, «Архыз 24», социальная сеть, эфир телеканала, сообщество.

Abstract. This article examines the history of the creation and development of the «Arkhyz 24» TV channel, as well as an analysis of its content on the social networks «VKontakte» and «Odnoklassniki». Having examined the work of the «Arkhyz 24» TV channel on social networks, the authors of the article came to the conclusion that its main goal is to cover cultural, economic, political and socially significant events in the North Caucasus. At the same time, the channel's presence on social networks helps it attract new audiences and improve interaction with them.

Keywords: national TV channel, «Arkhyz 24», social network, TV channel broadcast, community.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что популярность социальных сетей в современном обществе возрастает и дает возможность современным СМИ, в том числе анализируемому нами телеканалу «Архыз 24», взаимодействовать со своей аудиторией.

Цель статьи заключается в том, чтобы проанализировать специфику работы канала «Архыз 24» в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники». В данной статье были решены следующие задачи: описана история создания телеканала «Архыз 24» и проанализирован контент в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники».

Проблемы функционирования традиционных СМИ в социальных сетях всегда привлекали внимание современных ученых. Вопросам специфики работы СМИ в социальных сетях посвящены работы Быстрицкого С. С., Коданиной А. Л., Новиковой Т. Е., Савельевой М. А., Першиной Е. Д., Щепиловой Г. Г., Кругловой Л. А., Гарифуллина В. Г., Закирова Р. Л.

В своей работе Быстрицкий С.С. рассматривает социальные сети, как возможность для развития СМИ и отмечает следующее: «социальные сети потенциально могут стать новым видом полноценных СМИ, однако они выступают сегодня, в первую очередь, как своего рода площадка развития СМИ, которые успешно взаимодействуют со своей аудиторией в социальных сетях» [1].

Коданина А. Л., Новикова Т. Е. и Савельева М. А. в своей научной работе отмечали, что «паблик в социальной сети иногда выступает альтернативой официальному сайту печатного издания, в ряде случаев утверждая свое первенство, в том числе во взаимодействии с аудиторией» [2].

В научной статье Першиной Е. Д. сформулировано предположение о том, что СМИ с каждым годом наращивают количество публикуемого контента, но это не всегда может быть гарантией того, что количество подписчиков и их заинтересованность также будет расти [3].

Щепилова Г. Г. и Круглова Л. А. в одной из своих научных работ отмечают, что «телевизионные каналы продолжают выстраивать коммуникацию с аудиторией по аналоговому принципу – от вещателя к массам» [4], что говорит о том, что довольно редко СМИ задействуют в своей работе интерактивную функцию социальных сетей.

Гарифуллин В. Г. и Закиров Р. Л. в своем исследовании отмечают, что «для того, чтобы добиться внимания аудитории и поддерживать его, редакции необходимо находить эффективные формы коммуникации, а также уметь адаптироваться к динамично развивающимся форматам» [5].

Рассмотрев историю телеканала, было выявлено, что открытие телеканала «Архыз 24» состоялось 12 апреля 2014 года в 11:30 [6]. На сегодняшний день трансляцию данного телеканала «Архыз 24» можно посмотреть, как на канале 124 для SD-ресиверов, так и канале 150 для HD-ресиверов телевизионной сети «Триколор», а также интернет-трансляция «Архыз 24» осуществляется на сайте телеканала. Важно отметить, что сеть вещания телеканала «Архыз 24» отдает предпочтение только оригинальным программам, а именно документальным фильмам, авторским промо-роликам [7]. В эфире канала «Архыз 24» выходят новости, развлекательные и познавательные программы, сериалы, а также художественные, научные и документальные фильмы. Также отметим, что по выходным дням телеканал «Архыз 24» радует зрителей прямой трансляцией калейдоскопа образовательных и развлекательных телепрограмм по разным темам, например, таким, как психология, религия, искусство и история Северного Кавказа.

В утреннем прямом эфире канала «Архыз 24» телезрители могут посмотреть оригинальное и яркое телешоу «Доброе утро!», рассказывающее интересные факты из истории, а также знакомящее зрителей с бытовыми лайфхаками. Во второй половине дня можно ознакомиться с выпусками новостей, информационными программами о бизнесе и предпринимательстве. В вечернем эфире канала телезрители смотрят информационно-аналитическую и дискуссионную телепрограмму, в ней гости студии отвечают на актуальные вопросы и обсуждают различные темы.

Отметим, что «Архыз 24» в дни проведения финала Всероссийского конкурса «Лучший учитель родного языка и родной литературы – 2023» вел масштабное освещение конкурса. В течение всех дней команда канала отвечала за фото и видеосъемку самых значимых конкурсных испытаний, а также провела два прямых эфира с церемоний открытия и закрытия [8].

К тому же стоит обратить внимание на то, что телеканал расширяет географию вещания. В рамках форума «Вся Россия 2023» телеканал «Архыз 24» заключил договор с белорусским медиахолдингом, теперь контент о Карачаево-Черкесии увидят в том числе зрители из Беларуси. Соглашение о сотрудничестве в рамках Ассоциации региональной прессы Беларуси и России подписали Андрей Кривошеев – гендиректор Агентства «Минск-Новости», Председатель Правления Белорусского Союза журналистов и Станислав Беляков – руководитель медиа-холдинга «Архыз 24», директор КЧ РГАУ «Центр развития связи и коммуникаций» [9].

Обратим внимание на то, что проект «Архыз 24» вышел в финал Международного конкурса телевизионного продвижения «Медиа-бренд». Проморолик «Он родом из КЧР» был создан к девятилетию канала и боролся за звание лучшего проекта в области телевизионной рекламы и дизайна «Медиа-бренд». Известно, что конференция и церемония награждения победителей состоялась 1 ноября 2023 года. Задача видео состояла в том, чтобы одновременно рассказать о достижениях «Архыза 24» за 9 лет своего существования и показать возможности творческой команды телеканала [10].

Телеканал «Архыз 24» также активно освещает жизнь Карачаево-Черкесии в социальных сетях. На примере таких социальных сетей, как «ВКонтакте» и «Одноклассники» будет рассмотрена специфика работы «Архыз 24» в социальных сетях.

Перейдем к характеристике аккаунта «Архыз 24» в «Одноклассниках». При посещении аккаунта «Архыз 24» в «Одноклассниках» мы видим аватар, на котором изображен логотип СМИ, описание деятельности СМИ, контактные данные, однако не указана ссылка на электронную версию СМИ. Стоит отметить то, что информация не сопровождается эмодзи, что не может привлекать внимания и улучшать восприятие за счет визуализации в социальных сетях. Основную часть публикаций в «Одноклассниках» составляют новости Карачаево-Черкесии, а также фотографии Карачаево-Черкесии. Подчеркнем то, что основная часть опубликованных видео – новостные дайджесты за день.

Проанализировав публикации «Архыз 24» в «Одноклассниках», выделим основные форматы контента:

- интерактивы (публикуется фотография местности и задается вопрос о ее местонахождении или подписчикам предлагают придумать описание для публикации);
- анонсы событий (публикуется информация о предстоящих мероприятиях в городе);
- публикация исторических фото Карачаево-Черкесии;
- публикации о достопримечательностях Карачаево-Черкесии;
- юмор (публикуются новости, которые сопровождаются юмористическими изображениями);
- статистика не так популярна в аккаунте СМИ в «Одноклассниках», но иногда появляется, так, например, в период пандемии COVID-19 на постоянной

основе публиковалась статистика с количеством заболевших в Карачаево-Черкесии, на данный момент статистика больше не появлялась в аккаунте.

Хочется подчеркнуть, что перечисленные выше форматы публикаций создают разнообразие публикуемого контента, соответственно, это может помочь в привлечении аудитории к СМИ.

Анализируя контент «Архыз 24» в социальной сети «Одноклассники», можно сделать вывод о том, что среднее количество постов в период с января 2018 г. по декабрь 2023 г. составляет 5-6 постов в сутки. Анализ частоты и количества публикаций был получен благодаря сервису для сбора данных статистики социальных сетей LiveDune [11].

Далее рассмотрим специфику работы «Архыз 24» в социальной сети «ВКонтакте». В сообществе «Архыз 24» «ВКонтакте» присутствует описание, которое информирует аудиторию о телеканале «Архыз 24». В описании также указан девиз СМИ: «Первый республиканский телеканал Республики Карачаево-Черкесия» [12], ссылка на сайт СМИ, электронный адрес и телефон для связи с редакцией, а также ссылки на все социальные сети медиахолдинга «Архыз 24» (См. Рис. 1).

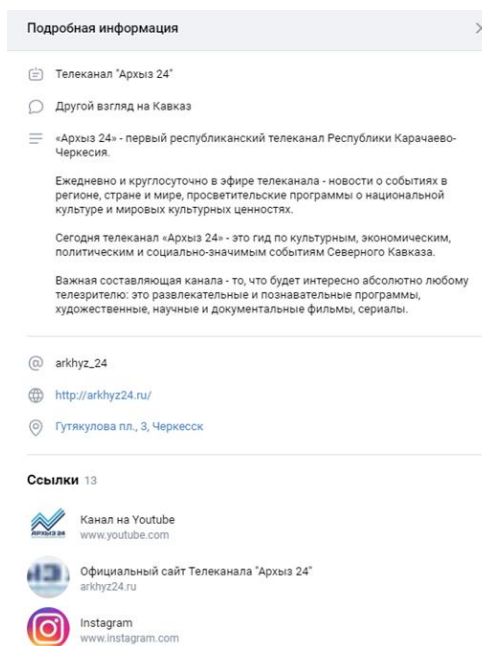

Рисунок 1. Описание сообщества «Архыз 24» в социальной сети «ВКонтакте»

Проанализировав контент телеканала «Архыз 24» в социальной сети «ВКонтакте» можем сделать вывод о том, что на стене сообщества нет упоминаний о праздниках и предстоящих событиях, а также дайджестов, которые активно публикуются в «Одноклассниках».

Основной публикуемый контент на стене сообщества «Архыз 24» в социальной сети «ВКонтакте» – новости об общественной и политической жизни Карачаево-

Черкесии. Контент публикуется как с указанием ссылки на сайт, так и без нее. Частота публикаций составляет 13-14 постов в день.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что использование социальных сетей «ВКонтакте» и «Одноклассники» республиканским телеканалом «Архыз 24» позволяет телеканалу повысить охваты, увеличить осведомленность о программах среди аудитории. Публикации в социальной сети «ВКонтакте» чаще всего затрагивают новости общественной и политической жизни КЧР, в «Одноклассниках» чаще всего публикуются новости и анонсы предстоящих мероприятий исторические фото КЧР и т.д. Для «Архыз 24» важно продолжать работу в социальных сетях, использовать их для продвижения телеканала.

Список литературы

1. Быстрицкий, С. С. Социальные сети как новые СМИ / С. С. Быстрицкий. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2023. – № 18 (465). – С. 271-273.
2. Коданина, А. Л. Новикова Т. Е., Савельева М. А. Специфика цифрового взаимодействия региональных СМИ с аудиторией: нижегородский опыт – Текст: / Коданина А. Л., Новикова Т. Е., Савельева М. А. // Научный диалог. – 2023. – Том 12, выпуск 2. – С. 124-140.
3. Першина, Е. Д. Подход российских СМИ к работе со своим контентом в социальных сетях – Текст: / Першиной Е. Д. // Вестник Московского университета. – 2022. – Серия 10. Журналистика №3. — С. 87-104.
4. Щепилова, Г. Г. Круглова Л. А. Телеканалы и социальные сети: специфика взаимодействия – Текст: / Щепилова Г. Г., Круглова Л. А. // Вестник Московского университета. — 2018. — № Серия 10. Журналистика №3. — С. 3-16.
5. Гарифуллин, В. Г. Закиров Р. Л. Интеграция национальных СМИ с социальными сетями (на примере СМИ республики Татарстан) – Текст: / Гарифуллин В. Г., Закиров Р. Л. // Вестник Марийского государственного университета. – 2018. – Том 12 выпуск 3. – С. 136-145.

Список источников

6. В Карачаево-Черкесии официально начал вещание первый республиканский круглосуточный телеканал «Архыз 24» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kchr.ru/news/detailed/16049/> (дата обращения: 11.10.2023).
7. Телеканал «Архыз 24» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://limehd.tv/channel/arhis24> (дата обращения: 11.10.2023).
8. Телеканал «Архыз 24» стал победителем Всероссийского фестиваля. Телеканал «Архыз 24» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.riakchr.ru/telekanal-arkh> (дата обращения: 11.10.2023).
9. Другой взгляд на Кавказ. Телеканал «Архыз 24». // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://interesnoe.me/source-65065309> (дата обращения: 11.10.2023).
10. Проект «Архыз 24» вышел в финал Международного конкурса телевизионного продвижения «Медиа-бренд» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://arkhyz24.ru/novosti-kompanii/proekt-arkhyz-24-vyshel-v-final-mezhdunarodnogo-konkursa-televizionnogo-prodvizheniya-mediabrend> // (дата обращения: 11.10.2023).
11. Статистика соцсетей в России [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/Nj929> (дата обращения: 11.10.2023).
12. Телеканал «Архыз 24» / [Электронный ресурс] // ВКонтакте: [сайт]. — URL: https://vk.com/arkhyz_24 (дата обращения: 11.10.23).

Международный научно-практический журнал
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
№ 12 (104), 2023

По вопросам и замечаниям к изданию,
а также предложениям к сотрудничеству обращаться
по электронной почте office@scipress.ru

Подготовлено с авторских оригиналов
Данный сборник распространяется по лицензии
Creative Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Подписано в печать 10.01.2024
Формат 60x84/16. Печать цифровая.
Усл.печ.л. 11,5. Тираж 500 экз.
Научно-издательский центр «Открытое знание»
www.scipress.ru